

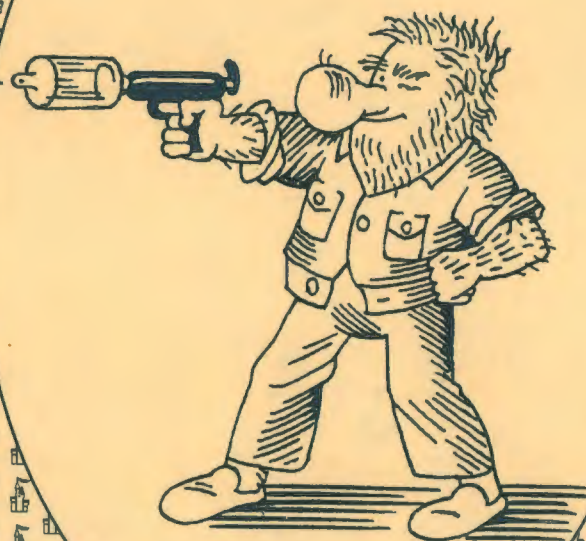
ЗАМОК
ЧУДЕС

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ЗАМОК ЧУДЕС

Дмитрий Емец

МАТРИШКИ

Сказочная повесть

Художник В. Алексеев

Москва АРМАДА
1998

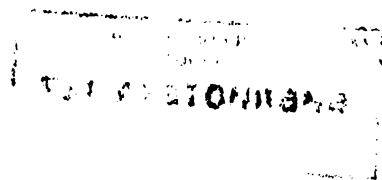
УДК 82-312.9 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445я5
Е 60

Рыжая Карла, Королева реакторных карликов, обладает Магическим Кристаллом, который помогает ей творить зло. Она решает погубить добрых мутантиков — шерстюш и умных лобастиков, обитателей Радиоактивной Свалки и Странного Леса близ взорвавшейся АЭС.

Семейка шерстюш — Пупырь, Мумуня и Трюша с влюбленным в нее Бормоглотиком — отправляется в Станный Лес, чтобы предупредить мутантиков о грозящей опасности, но, к сожалению, опаздывают... Теперь шерстюшам и лобастикам необходимо объединиться и вступить в неравную войну с коварной Рыжей Карлой и ее кровожадными подданными.

Рисунок на переплете
М. Калинкина

Для младшего и среднего школьного возраста

ISBN 5-7632-0733-5

© Емец Д. А., 1998
© Иллюстрации, Алексеев В. Г., 1998
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1998

Глава первая ЗАВТРАК НА СИНЕЙ ТРАВЕ

В чаще посреди Странного Леса растет старый дуб с красной корой и оранжевыми листьями, которые никогда не опадают. На одной из толстых ветвей дуба висит автомобильная шина на проволоке — качели Трюши. К верхушке дерева прибито несколько пустых консервных банок, из них доносится гулкое жужжание. Там живут синие пчелы. Это сторожевые пчелы, своих они не жалят, но зато чужим следует держаться от них подальше: их яд смертелен. Мед синих пчел несъедобен, но если разбавить его водой, в этом растворе можно неплохо выстирать белье.

Возле старого дуба стоит кирпичный дом, прочный и уютный, с рамами, водосточной трубой и крышей, покрашенной зеленой краской. В домике живут мутантики: Пупырь, Мумуня и их дочка Трюша.

Когда-то Пупырь и Мумуня жили на бывшей свалке радиоактивных отходов, но после рождения Трюши они переселились в Странный Лес. Дело в том, что на Свалке стало опасно из-за набегов красноглазых собак с вылезшей шерстью, которые раньше селились в фундаменте старой атомной станции, пока их не вытеснили реакторные карлики. Добычи в лесу не хватало, и красноглазые собаки нередко большими стаями нападали на мутантиков. Тогда-то Пупырь с Мумуней и переселились в Странный Лес. Там их маленькая Трюша могла расти в полной безопасности под охраной сторожевых пчел.

Впрочем, все это было довольно давно. К моменту нашего рассказа Трюша уже подросла и стала очень симпатичной девушкой. Она была покрыта густой длинной шерсткой, которую Мумуня расчесывала ей каждое утро специальной щеточкой. Нос у Трюши был такой же, как и у ее родителей: большой, мягкий, он напоминал перезрелую грушу. Когда девушка сердилась или волновалась, нос у нее набухал, краснел и начинал светиться, как лампочка.

Трюша была влюблена в Бормоглотика, но Пупырь и Мумуня и слышать не хотели об их свадьбе, и поэтому влюбленным приходилось встречаться тайно.

Но прежде чем начинать нашу в высшей степени правдивую и реалистическую историю, следует рассказать немного о мутантиках вообще. Кто они такие, откуда взялись, как выглядят и какими сверхспособностями обладают.

Мутантики бывают трех видов. Первый вид — реакторные карлики. Это дикие мутантики, обросшие красной шерстью, с острыми треугольными зубами, как у рыб-пираний, живут они в окрестностях бывшего реактора и в фундаменте взорвавшейся атомной станции. Эти реакторные карлики — самые злобные и тупые из всех мутантиков. Камнями, которые они швыряют с необычайной силой и меткостью, карлики убивают красноглазых собак, одноухих зайцев и даже ворон, посыпают жертвы химической солью и пожирают их.

Остальные мутантики очень боятся злобных собратьев и стараются избегать с ними встреч. Довольно часто реакторные карлики большими группами нападают на других мутантиков. Реакторные карлики обладают потрясающей способностью к регенерации. Любая рана, даже самая глубокая, на них зарастает за час-полтора. Кроме того, используя свой удивительный дар мимикрии, они могут принимать вид и форму всех неодушевленных предметов. Став камнем или веткой, они могут часами поджидать добычу.

Второй вид мутантиков — лобастики. Тела у них маленькие, слабые и совершенно безволосые, но головы несоразмерно большие и тяжелые. Лобастики живут в подвале бывшей областной библиотеки, питаются книгами, журналами и старыми подшивками газет. Может быть, поэтому они самые умные из всех мутантиков. Когда на лобастиков нападают реакторные карлики, маленькие бедняги залезают на верхние полки библиотечного хранилища и сталкивают на врагов тяжелые словари.

Под воздействием рассеянной радиации лобастики приобрели телепатические способности. Они с легкостью читают мысли других мутантиков и могут передавать свои мысли на расстоянии. Перед зимой лобастики впадают в спячку. Чтобы не оказаться в эту пору добычей реакторных карликов или красноглазых собак, мутантики этого вида хорошенько прячутся в подвалах разрушенных домов или в других надежных и безопасных местах.

Зимние сны лобастиков обладают свойством материализации. Так, если зимой другие мутантики вдруг встречают огромную бабочку с разноцветными крыльями, они знают, что кому-нибудь из лобастиков снится лето. Если натыкаются на многометрового монстра с ужасными клыками — значит, лобастиков мучают кошмары. Но материализованных монстров бояться не нужно. Они не опасны. Чтобы они исчезли, достаточно бросить в них горсть снега или земли.

Третий, самый симпатичный вид — шерстяные мутантики, или шерстюши. Они мягкие и теплые, как варежки из ангорской шерсти. Из всех видов они самые добрые. Шерстяные мутантики построили в Странном Лесу небольшие домики и живут в них. Они очень хозяйственные, домовитые, любят своих шерстяных малышей, никогда не шлепают их, а только, если уж дети слишком расшались, легонько покусывают их за ушки. А еще у шерстяных мутантиков большие грушевидные носы, которые становятся пунцовыми, когда их обладатели сердятся.

Впрочем, об этом свойстве их носов мы уже говорили, потому что наши герои Пупырь, Мумуня и Трюша как раз принадлежат к этому виду шерстяных мутантиков. Необыкновенным свойством шерстюш является их способность на короткое время становиться невидимыми, но не чаще, чем один раз в день. Больше никаких сверхспособностей у этих мутантиков нет. Наверное, это оттого, что их предки были осторожны и старались не гулять без особой нужды возле взорвавшейся АЭС.

Как-то теплым июньским утром, когда Трюша еще спала на своем мягком матрасике, набитом прошлогодней листвой, что-то зашекотало у нее в носу. Девушка чихнула и проснулась. Она увидела своего хорошего друга Бормоглотика, который, перекинувшись через подоконник, водил по ее лицу длинной травинкой.

— Ты еще дрыхнешь? — раздраженно прошептал он. — Ты забыла, что мы собирались позавтракать на природе?

— Я не забыла. Просто проспала... Отвернись, Бормоглот, я оденусь... — Трюша выскочила из кровати, натянула коротенькое платьице и впрыгнула в маленькие туфельки. Покрутившись перед зеркалом, она наскоро причесала маленькой расчесочкой спинку и ножки и вышла в окошко.

— Ну, наконец-то,— обрадовался Бормоглотик, целуя ее в мягкую щечку.— И часу не прошло. Так мы и до полудня не доберемся до речки.

— Тшш! — Трюша покосилась на домик и поднесла палец к губам.— Мама с папой еще спят! Они ни за что не отпустили бы меня на речку, если бы узнали.

— О чем узнали? О том, что ты со мной? — грустно спросил ее приятель.— А мне казалось, в последнее время они стали лучше ко мне относиться.

— Не в этом дело. Родители сказали, что у ручья появились реакторные карлики!

— Карлики у ручья? Сказки! — отмахнулся Бормоглотик.— Они не станут забираться так далеко от реактора. К тому же они не умеют плавать, а построить плот у них ума не хватит.

— Но Мумуня сама видела их! Она ходила за поганками и наткнулась у речки на карликов. Они бы ее схватили, но Мумуня стала невидимой и поскорее убежала, пока ее скрытность не рассеялась.

— И ты ей веришь? Мумуня все придумала, чтобы ты не уходила слишком далеко от дома,— убежденно сказал ее друг.— Ох уж эти родители! Вечно они все запрещают.

— А ты откуда можешь знать? У тебя же родителей никогда не было... Ой, прости, Бормоглотик, я не хотела тебя обидеть! Это как-то само вырвалось! — И Трюша зажала свой маленький ротик ладошкой.

— Ничего страшного. Ты не первая напоминаешь мне, что я сирота,— вздохнул мутантик.

Ни для кого в Странном Лесу не было секретом, что у Бормоглотика нет родителей. И вообще он был сплошной загадкой не только для окружающих, но и для самого себя. Маленький мутантик не относился ни к одному из известных видов: ни к реакторным карликам, ни к лобастикам, ни к шерстюшам. Да и внешне Бормоглотик был странным, ни на кого не похожим. Толстенький и розовый, с двумя пупками и длинным хвостом вроде

кошачьего, он носил синие шортики, в которых сзади для хвоста была сделана специальная прорезь. Рот у Бормоглотика имел редкую способность растягиваться, и в него запросто входил даже самый большой мухомор, а зубов было целых два ряда.

Бормоглотик был сам по себе, и неизвестно, откуда он взялся. Говорили, когда он был совсем крошечным, то приплыл в корзинке откуда-то от истоков ручья. А где начинается ручей, никому в этом мире не известно.

Жил Бормоглотик в шалаше, который стоял на небольшом островке посреди непроходимого Квакающего Болотца. Как попасть на островок, не увязнув в Болоте, знал только он один. Может, потому Бормоглотик и вынужден был жить на Болоте, что никаких способностей к невидимости или превращению у него не было. Вот он и полагался только на свою осторожность и ловкость.

После долгих увещаний, уговоров и, разумеется, поцелуев, — лучшего довода влюбленных, Бормоглотика все-таки удалось уговорить Трюшу пойти к ручью. Там можно было вдоволь накупаться и поваляться на теплом прибрежном песочке.

И вот они уже идут по тропинке к речке. Дружья захватили корзинку с мухоморами и полный чемоданчик просроченных таблеток аспирина — любимого лакомства мутантиков. Чтобы не есть аспирин всухомятку, они припасли также несколько пузырьков микстуры от кашля, бутылочку перекиси водорода, а на десерт — два кусочка мыла. Бормоглотик взял и немного лейкопластыря, чтобы было чем приклеивать аспирин к грибам, если им захочется сделать бутерброд.

Болтая о том о сем, Трюша и Бормоглотик шли по тропинке.

Стояла отличная погода начала июня. Дул прохладный, чуть пахнувший резиной ветерок и покачивал фиолетовые, синие, голубые в красную крапинку листья деревьев.

Неожиданно из корзинки с провизией раздалось кваканье.

— Ты только посмотри! Опять в корзинку залезла,— засмеялся мутантик и вытащил трехглазую розовую жабу. Жаба Биба была ручная. Она давно жила у Бормоглотика и обожала лакомиться лекарствами. Вот и сейчас Биба испуганно покосилась на своего соседа третьим глазом и торопливо проглотила таблетку анальгина.

— Вот обжора! — восхитился Бормоглотик, наблюдая, как жаба жадно заглатывает аспирин.— Представляешь, забралась она вчера ко мне в продуктовый шкафчик, сожрала три градусника, полпачки стирального порошка и все горчичники. Хорошо бутылочку с шампунем я сам выпил, а то бы она и его опрокинула.

Трюша засмеялась. Она посадила Бибу на ладонь и осторожно провела пальцем по ее розовой спинке. Жаба довольно заквакала и надулась, как пузырь.

— Бормоглот, давай отдохнем,— предложила Трюша,— а то у меня ножки устали.

— Так скоро? Ну давай,— согласился он. Мутантики остановились на пригорке, с которого открывался замечательный вид на окрестности. Внизу синел лес, а под холмом змеился быстрый прохладный ручей.

— Хорошенькое местечко! — Бормоглотик расстелил на траве большой красный платок и высыпал на него мухоморы и аспирин.

И друзья, проголодавшиеся после прогулки, с жадностью набросились на угощение. Даже прожорливой Бибе перепало. Правда, аспирин ей уже не досталось, и жабе пришлось обойтись кусочком хозяйственного мыла.

Трюша по неопытности начала жевать лейкопластырь с липкой стороны, и у нее склеился рот, да так, что она только могла мычать.

— Ты неправильно его ешь! — сделал замечание Бормоглотик.— Пластырь нужно прежде скатать в трубочку, чтобы он не прилипал! — назидательно добавил он.

— М-м! Не учи ученого! Как хочу, так и ем! — промычала девушка, отдирая лейкопластырь.

Мутантики съели еще несколько мухоморов и, спрятав оставшуюся еду в корзинку, стали спускаться с пригорка к ручью. Жаба Биба прыгала за ними.

— Где ты находишь всю эту вкуснятину? — спросила Трюша. — Все эти градусники, аспирин, лейкопластырь? Больше ни у кого в лесу их нет.

Бормоглотик внимательно посмотрел на нее:

— А ты никому не скажешь? Обещаешь?

Трюша торопливо закивала. Тогда он понизил голос до таинственного шепота и сказал:

— В Старом Городе. Я хожу за ними в Старый Город!

— Ты был в Старом Городе? — У девушки перехватило дыхание. — Но туда же никто никогда не ходит! В Старом Городе живут и чудовища, и говорящие шары, и страшилища! Оттуда никто еще не возвращался живым!

— Ерунда, — презрительно сказал Бормоглотик. — Никаких чудовищ в Старом Городе нет. Во всяком случае, я ни одного не видел.

— Ни одного, ни одного? — недоверчиво переспросила Трюша.

Мутантик задумчиво почесал розовый гладкий животик:

— Если честно, в последний раз, когда я уже выходил из города, то услышал какой-то противный звук у себя за спиной. Даже земля задрожала. Я сразу бросился наутек и не выяснил, что это было.

— Ты ужасно смелый, Бормоглот! — восхитилась Трюша. Ее грушевидный нос запульсировал от волнения. — Я бы никогда не решилась пойти в Старый Город, как ты!

— Это просто развалины, и больше ничего. Не понимаю, чего их бояться?

Друзья вышли к ручью. Пологий топкий берег зарос камышом. Низко над неторопливым, никуда не спеша-

щим ручьем кружили восьмикрылые комары с длинными хоботками. Изредка вода всплескивала, и оттуда, спасаясь от щуки, выскакивал многоглазый карась.

При приближении влюбленной парочки из камышей с громким кряканьем взлетела двухголовая утка и неуклюже, зигзагами унеслась куда-то. Похоже, ее правая голова хотела лететь в одну сторону, а левая — в другую.

— Искупаемся? — Бормоглотик зачерпнул ладонью прохладную, очаровательно пахнущую бензином и какими-то сладковатыми химикатами воду и брызнул в Трюшу. Та радостно засмеялась и, сбросив туфельки и платье, ласточкой прыгнула в воду. В такую жару просто невозможно было пройти мимо ручья, не искупавшись.

Бормоглотик плюхнулся в воду вслед за девушкой. Кошачий мутантик был прирожденным пловцом. Его толстенькое тельце держалось на поверхности, как буй, а коротенькие лапки загребали воду, как маленькие моторчики.

Друзья радостно плескались, ныряли, гонялись друг за другом, играли маленьким мячиком. Бормоглотик и Трюша не заметили, как камыши на противоположном берегу раздвинулись и из них выглянули низкорослые, широкоплечие, поросшие красной шерстью мутанты с треугольными зубами. В руках у них были короткие копы с наконечниками из ржавых гвоздей, массивные палицы из железных труб и камни. Это были реакторные карлики, отправившиеся на охоту.

Глава вторая РЕАКТОРНЫЕ КАРЛИКИ

Сжимая копы и камни, реакторные карлики алчно наблюдали из камышей за плескавшимися в ручье Бормоглотиком и Трюшей. Однако в воду они лезть не решались. Надо сказать, что карлики смертельно боятся воды. Всего нескольких капель достаточно, чтобы их кожа

начала трескаться, шерсть вылезать, а на теле появились ожоги. Карлики с удовольствием пьют ртуть и серную кислоту, купаются в бензине и мазуте, но обычная чистая вода причиняет им нестерпимую боль, как будто их окунули в кипяток.

Потом один из карликов, вероятно вожак, — жилистый, с клочьями рыжей шерсти на спине и шрамом через все лицо, взмахнул булавой и что-то прошептал, отдавая приказ. Стебли камыша незаметно сомкнулись. Ничем не выдав своего присутствия, они исчезли. То ли решили отказаться от добычи, то ли задумали какой-то подвох.

Тем временем друзья вышли на берег. Они так накупались, что у них зуб на зуб не попадал.

— Ж-ж-жа! Ну и холодина! — Бормоглотик подпрыгивал и похлопывал себя по розовому животику.

Чтобы поскорее обсохнуть, Трюша стала кататься по траве. Нечаянно она наткнулась на муравейник, и возмущенные зеленые муравьи набросились на нее.

— Ой-ой! Щекотно! — Девушка вскочила и стала поспешно стряхивать с шерстки муравьев. Не успела она сбросить последнего муравья, как Бормоглотик схватил ее за руку и тревожно воскликнул:

— Смотри!

На противоположном берегу ручья из камышей появились реакторные карлики. Они подскакивали, скалили зубы и что-то угрожающе кричали, размахивая копыями.

— Мамочка! Они нас сожрут! — Трюша вцепилась в Бормоглотика.

— Не бойся! Они не умеют плавать. Им до нас не добраться,— успокоил ее мутантик.

И в самом деле, в этот момент один из наиболее злобных карликов свалился в ручей и истошно завизжал, барахтаясь. Его круглая лысая голова с прижатыми ушами несколько раз исчезала и показывалась над водой. Он утонул бы, не опусти его сородичи в воду длинную ветку.

Выбравшись на берег, карлик стал кататься по траве, как ошпаренный.

Удостоверившись, что добыча недоступна, злобные мутанты громко завопили. Один из них швырнул в Трюшу и Бормоглотика копьем, но на таком расстоянии попасть было трудно, и копье вонзилось в землю, немного не долетев до них.

— Эгей, тупицы! — закричал мутантик, помахав карликам рукой.— Проваливайте отсюда! Катитесь в свой реактор, здесь вам делать нечего!

В этот момент поблизости раздался торжествующий вопль. Оказалось, пока часть врагов отвлекала внимание Бормоглотика и Трюши, другие отбежали чуть выше по течению и переправились через речку на бревне.

Карлики помчались к мутантикам. Они находились совсем близко, всего на расстоянии полета камня. Уже хорошо была видна рыжая шерсть на лбу у вожака и поблескивал длиннющий гвоздь на его копье.

— Бежим! — закричал Бормоглотик.

Он схватил Трюшу за руку и, подхватив корзинку с жабой Бибой, помчался на холм, надеясь добраться до Странного Леса раньше карликов.

— Мои туфельки! Я забыла мои туфельки! — плаксиво канючила девушка, быстро семена мохнатенькими ножками, стараясь не отстать от друга.

— Становись невидимой! Скорей! — приказал ей Бормоглотик.

— Я не могу! Я еще не высохла! — возразила Трюша.

Она не преувеличивала. Мокрые мутантики не могут стать невидимыми, потому что контуры их тел все равно заметны, и их ничего не стоит поймать.

Со злобным улюлюканьем карлики неслись за ними. Они бегали не так быстро, как остальные мутантики,

зато отличались почти неистощимой выносливостью и могли загнать любую добычу, преследуя ее день и ночь.

Вот и сейчас карлики особенно не торопились. Они знали, что скоро убегающие выбьются из сил и тогда достанутся им. Последний из реакторных карликов вместо копья тащил мешочек с химической солью. Этой солью они собирались засыпать мясо маленьких мутантиков, чтобы оно лучше сохранялось.

Трюша и Бормоглотик стали уставать, тем более что бежать им приходилось в гору. Девушка споткнулась и упала. Реакторные карлики были уже совсем близко. Еще немного, и они смогут забросать ее камнями.

Первым, скаля желтые треугольные зубы, неся старый вождь. За ним плотной группой бежали остальные. Их шестипалые ладони с необыкновенно развитыми большими пальцами крепко сжимали копья. Увидев, что беглянка упала, они издали ликующий вопль. Но Бормоглотик помог своей подруге подняться, схватил ее за руку, и они побежали из последних сил.

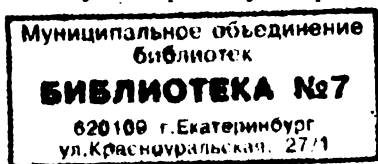
И вот мутантики уже на вершине холма. Там ржавел кузов какого-то большого грузовика, а рядом валялась старая автомобильная шина. Чтобы хоть как-то задержать карликов, Бормоглотик с трудом поднял шину, поставил ее на ребро и пустил под гору.

Увидев несущуюся на них шину, карлики встретили ее градом камней и шарахнулись в сторону, освобождая ей дорогу. Двое преследователей не успели увернуться, и шина сшибла их с ног. Но остальные быстро оправились и продолжили погоню.

Воспользовавшись несколькими мгновениями отдыха, Бормоглотик и Трюша побежали вниз по пологому склону холма к синевшему Лесу. Но Странный Лес был далеко. Они явно не успевали.

— Бежим к Болоту! Там я знаю, где спрятаться! — крикнул мутантик, поворачивая к девушке розовую продолговатую мордочку.

108680/1a✓

И в самом деле, это был их единственный выход. Даже если бы они и успели добежать до Леса, то карлики все равно не прекратили бы погони.

Друзья повернули вправо и побежали к Квакающему Болотцу, которое было на полпути между речкой и Странным Лесом. На островке посреди трясины стоял шалашик Бормоглотика, а вела к нему одна-единственная дорожка из кочек, которую знал один только хозяин шалаша.

Надежда на спасение придавала маленьким беглецам сил. Они оторвались немного от своих преследователей и подбежали к Квакающему Болотцу.

Говорили, что давным-давно, когда и мутантиков-то еще не было, на месте этого Болотца находился какой-то огромный комбинат, на котором производили немыслимые химикаты. Но однажды то ли произошло землетрясение, то ли мощный взрыв и завод провалился под землю в образовавшуюся громадную трещину. А весной ручей вышел из берегов, залил трещину и на месте исчезнувших корпусов образовалось большое Болото, которое облюбовали мутировавшие жабы, вроде Бибы. Иногда из его глубин, тревожа застоявшуюся воду, поднимались разноцветные пузыри неизвестного происхождения. А потом на свет появлялись жабы немыслимых расцветок со множеством лапок и с глазами на спине. Никто не знал, насколько глубоким было Квакающее Болотце. Известно только, что никто из провалившихся в трясины уже никогда не объявлялся.

На середине Болота виднелась сложенная из ветвей крыша небольшого шалашика. Трюша хотела броситься к нему, но Бормоглотик схватил ее за плечо.

— Наступай только на те кочки, куда и я! А то увязнешь! — приказал он.

Мутантики обежали Болотце вокруг, пока Бормоглотик не остановился около покосившегося телеграфного столба, оборванные провода которого уходили в трясины

Болота, словно следующий столб должен был находиться где-то на дне.

Реакторные карлики разделились. Одна их группа стала огибать Болотце с одного края, а вторая — с другого. Карлики стремились взять добычу в кольцо.

Бормоглотик осторожно ступил в трясины, нашарив ногой хорошо знакомую ему кочку, скрытую болотистой жижей. Хотя островок с шалашиком был совсем близко, добраться до него было совсем непросто. То мутантик делал петлю или зигзаг, то прыгал, и иногда даже возвращался на несколько шагов назад. Когда Трюша хотела наступить на одну большую, поднимающуюся из Болота кочку, Бормоглотик резко дернул ее за руку:

— Хочешь погибнуть? Наступай только туда, куда и я!

Перескакивая вслед за ним с одной кочки на другую, Трюша добралась до островка.

В этот момент на берег высыпали реакторные карлики. Они увидели, что беглецы сами загнали себя на островок, откуда нет выхода, и обрадовались. Их предводитель, с заросшим рыжей щетиной лбом, крикнул что-то и показал копьем на островок, очевидно приказывая своим воинам пойти туда и схватить добычу.

Грозь мутантикам копьем, первый карлик помчался по кочкам к островку по самому короткому пути. Но уже третья кочка оказалась ложной. Она предательски ушла у него из-под ног, воин потерял равновесие и с всплеском исчез в болотистой жиже. На поверхности показался большой пузырь воздуха и лопнул. Трясина успокоилась, будто ничего и не произошло. Трюша в ужасе закрыла глаза.

Карлику, бегущему вторым, каким-то чудом удалось добраться почти до середины Болотца, но потом и он провалился. Кое-как, уцепившись руками за кочку и потеряв копье, ему удалось на четвереньках добраться до берега.

— Вот видишь,— сказал Бормоглотик,— прямой путь не всегда самый короткий.

— Послушай, а ты когда-нибудь сам падал в это Болото? — спросила Трюша.

— Нет, а что?

— Я подумала: «Ох, нелегкая это работа из Болота тащить Бормоглота!» — И Трюша легкомысленно рассмеялась.

Больше карлики не хотели рисковать, сколько вождь ни колотил их древком копья. Они только отбегали и скалили зубы. Некоторые из них бросали в шалашик камнями, но они, не долетая до островка, плюхались в жижу. Многоглазые лягушки, сидевшие на широких красных листьях посреди Болота, возмущенно квакали.

Безрезультатно проторчав у Болотца около часа и сообразив, что мутантики не собираются к ним выходить, реакторные карлики переправились через ручей на свою сторону и отправились на поиски новой добычи.

— Они больше не вернутся? — с надеждой спросила Трюша.

— Не хочу тебя обманывать. Думаю, мы их еще увидим,— сказал Бормоглотик.— Реакторные карлики очень мстительны. Они запросто могут превратиться в камень или колесо и подкараулить нас, когда мы в следующий раз пойдем к ручью.

— Придется нам быть поосторожнее. Какой у тебя шалашик! Я никогда здесь раньше не была! — Трюша с интересом огляделась.

Жилище действительно было очень необычным. Вдоль стены тянулись полки со всевозможными вкусными вещами: таблетками аспирина, микстурками, сушеными мухоморами, копчеными мухами, стиральным порошком и другими деликатесами, при виде которых у любого мутантика просто слюнки бы потекли.

— А здесь что? — Трюша показала на большую банку с какой-то мутной жидкостью.

— Аспирин в поганочном соусе. Хочешь попробовать?

— В другой раз с удовольствием, а сейчас я должна спешить домой. Пупырь и Мумуня, наверное, беспокоятся.

— Я тебя провожу,— предложил Бормоглотик.— А то вдруг карлики спрятались где-нибудь рядом.

Мутантики вышли из шалаша и, благополучно перейдя Болото, направились к домику в Странном Лесу. Помня, что поблизости могут оказаться притаившиеся в засаде реакторные

карлики, Бормоглотик и Трюша были очень осторожны. Они внимательно приглядывались и обходили стороной каждый подозрительный камень, пень или старое колесо, которые могли по размеру приблизительно соответствовать замаскировавшемуся карлику.

Был только один надежный способ проверить, не являются ли попадавшиеся им на пути камни, сухие коряги и пни врагами. Для этого нужно было облить подозрительный предмет водой. Карлики не переносят воды и моментально принимают свое прежнее обличье. Однако у этого способа есть и серьезное неудобство. Нельзя, например, все время таскать с собой ведро с водой и обливать из него все встречающиеся предметы.

Только когда наконец за деревьями показалась зеленая крыша ее домика, Трюша смогла вздохнуть спокойно. Здесь, под охраной синих пчел, она чувствовала себя в безопасности. Синие пчелы, не обладавшие большой фантазией, не поддавались на хитрости превратившихся карликов и немедленно набрасывались на любые незнакомые предметы, появлявшиеся около их ульев.

Глава третья ЛОБАСТИКИ

У меня есть мысль, и я ее думаю.

Пупырь Великий

В то время, пока Трюша и Бормоглотик убегали от реакторных карликов, в осыпавшемся подвале книгохранилища районной библиотеки лобастики собирались ужинать.

Они притащили несколько старых книг и кипу газет и принялись их делить. Лобастиков, живших в этом подвале, звали: Умник, Хорошист, Бубнилка и Отелло.

Умник был самый старший и главный лобастик. Он обладал не только способностью читать чужие мысли и

передавать свои, но мог также усилием воли передвигать небольшие предметы. Так, зимой, когда Умник был в спячке, нередко можно было наблюдать, как небольшие книжки и газеты поднимаются со своих полок и летят прямо ему в рот. Это означало, что во сне Умник проголодался.

Хорошист получил свое имя потому, что больше всего любил есть школьные учебники. Он выгрызал в них огромные дыры, а обложку выплевывал, потому что картон жевать труднее, чем бумагу. Хорошист любил выражаться очень сложно и витиевато, придумывая совершенно немыслимые слова, вроде: «книговарение», «глупливость», «сопленоговытирательство».

Бубнилка — маленькая девочка, дочка Хорошиста, — имела привычку все время что-то бормотать и бубнить себе под нос: бу-бу-бу. Вот поэтому ее и называли Бубнилкой. По вечерам она любила забраться куда-нибудь в уголок и мастерить из тряпочек куколок. Мама Бубнилки и жена Хорошиста когда-то пошла в лес за ягодами для своей маленькой дочки и не вернулась. Думали, что она попала в один из тех многочисленных капканов, которые расставляли реакторные карлики на синерогих оленей.

Отелло — взрослый, очень серьезный мутантик — единственный из всех лобастиков, который умел читать. Когда он был маленьким, мама кормила его букварями и азбуками. Вот он и научился читать. А свое имя подыскал себе сам, когда доедал Шекспира.

Собравшись, мутантики приступили к обеду.

— Чур, я буду есть книжки с картинками! — заявила Бубнилка. — Картинки в книжках — самое вкусное.

Она схватила детскую книжку для малышей со множеством картинок и принялась торопливо ее жевать.

— Не чайкай! — строго сказал Хорошист. — Что это за свинчество!

— Не «свинчество», а свинство! — поправил Отелло, но Хорошист сделал вид, что не услышал.

— Не смей заниматься поучительством в присутствии моей дочери, а то я огрею тебя словарем по лбу! — мысленно сказал он.

Демонстрируя хорошие манеры, он завернул в газету учебник по математике за шестой класс, положил сверху для вкуса несколько страничек из словаря и аккуратно, не торопясь, стал есть этот аппетитный бутерброд.

Умник, глядя на него, покачал головой. Умник был старый мутантик, у него давно выпали все зубы и жевать стало нечем. Поэтому он питался в основном разорванными на мелкие кусочки газетами и альбомами для рисования.

Отелло с мрачным видом, хмурая брови, жевал обложку «Войны и мира» Толстого. «Войну» он уже съел и теперь доедал «мир». Вкус у Отелло был очень требовательный, он питался в основном умными и толстыми книгами. Больше других книг он предпочитал энциклопедии и академические собрания сочинений. Съев всего Шекспира, Канта и Гегеля, Аристотеля, Спинозу, Вагнера и Ницше,

Отелло перешел к Достоевскому и Толстому. Несерьезные книжки мутантик презирал. Однажды он по ошибке попробовал какие-то комиксы и у него целый день болел живот.

Бубнилка доела последнюю картинку из детской книжки и плаксиво сказала:

— Мне скучно! Надоело все время торчать в этом дурацком подвале! Если вы меня не отпустите погулять, я убегу!

— Что за самовольничество! Ни в коем случае! — От ужаса Хорошист едва не подавился своим книжным бутербродом.— Вчера вечером я проник в мысли одного реакторного карлика по имени Оболдуй, который в это время занимался мыслеповетрупускательством или варежкоразевательством. Кажется, эти агрессоры задумали что-то ужасное.

— А что они задумали? — с интересом спросила Бубнилка.

— Я точно не понял,— вздохнул Хорошист.— У них мысли всегда ужасно путанные и примитивные.

— О да! — высокопарно подтвердил Отелло.— Не могу не согласиться с вами, коллега. Сие покрыто мраком тайны и неизвестности! Умри, несчастная! Папа, папа, наши сети притащили мертвеца!

Отелло всегда изъяснялся очень сложно и витиевато, так что трудно было понять, что он имеет в виду. Очевидно, это произошло потому, что он в свое время объелся плохими филологическими изысканиями.

Неожиданно Умник вскочил и в ужасе обхватил голову руками.

— В чем дело? Тебе плохо? — забеспокоились другие лобастики.

Старый лобастик вздрогнул и посмотрел на них с ужасом:

— Только что я прочитал одну ужасную мысль! Всем нам грозит огромная опасность! Никогда прежде мы не были в такой беде!

Глава четвертая РЫЖАЯ КАРЛА

Надеюсь, что здесь собрались только мои друзья, потому что живых врагов у меня нет.

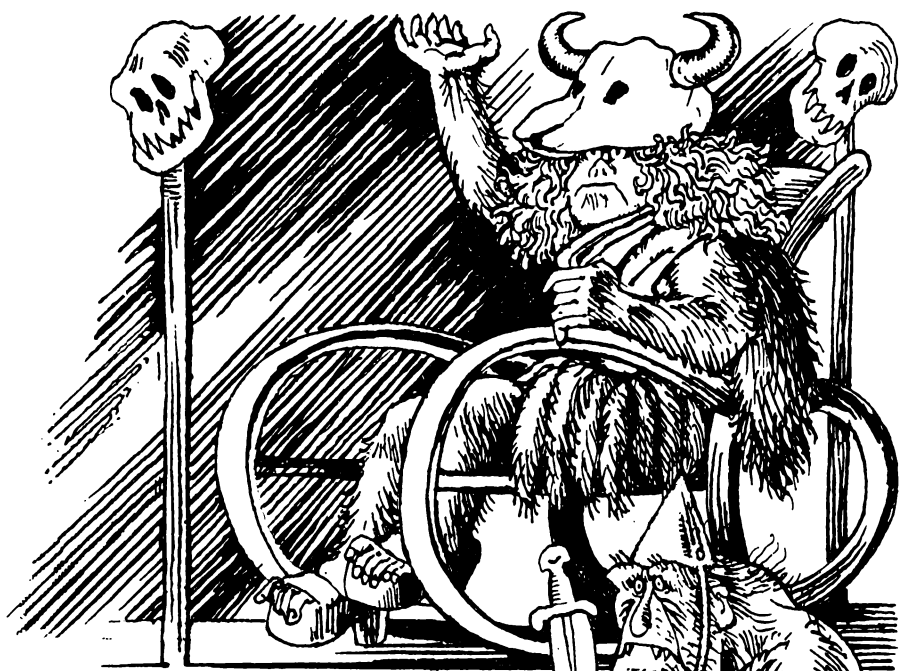
Карла I, Великая (из тронной речи)

Под основанием раскрошившегося цементного саркофага, когда-то бывшего четвертым реактором, в фундаменте была выдолблена большая подземная пещера. Ее своды тускло мерцали зловещим зеленоватым светом. В центре пещеры на небольшом возвышении стояло старое кресло-качалка. Это был трон Рыжей Карлы. По четырем сторонам трона из пола торчали четыре копия, на древках которых скалились черепа желтыми треугольными зубами. Эти черепа принадлежали четырем вождям, которые когда-то пытались свергнуть Рыжую Карлу. Но, как она любила выражаться, им слегка не повезло.

В этот вечер в тронном зале собрались все вожди реакторных карликов в полном боевом снаряжении — с короткими копьями, палицами и булавами из кусков ржавых труб, с радиоактивными камнями, вызывавшими у всех остальных мутантиков страшные ожоги.

Вожди толпились у трона, с нетерпением и трепетом ожидая появления Королевы. Два карлика-повара втащили вертел с нанизанной на него тушей двухголовой овцы. Они разложили недалеко от трона костер и стали ее обжаривать. Запах свежей крови будоражил реакторных карликов, и они с ненавистью поглядывали друг на друга, поигрывая булавами.

Старый камень, загораживавший вход в личные покои Королевы, отъехал в сторону. Вожди замерли. В тронную залу вошла Рыжая Карла. Королева реакторных карликов была одета броско и вызывающе: короткая юбка из кошачьих хвостов, на плечах наброшена вывороченная на-

изнанку новая лисья шкура, на голове корона — большой коровий череп с рогами.

Рядом с Карлой шли два мускулистых карлика-телохранителя с короткими метательными ножами, а за ними шествовал начальник телохранителей Пуп.

Прежде чем подняться на трон, Рыжая Карла побрызгала себе под мышками дустом от тараканов. Вожди, столпившиеся у трона, с восхищением смотрели на свою повелительницу и вдыхали ароматный для них запах дуста.

— Да здравствует Ее Ужасность! — закричали все подданные.

Карла нахмурилась и взмахнула рукой. Тотчас в тронном зале воцарилась тишина.

— Слушайте меня, мои соотечественники! — крикнула Карла. — Я собрала вас, чтобы... В чем дело? Я же просила никого не пускать!

Не дав продолжить Королеве речь, в тронную залу вбежал вождь с мохнатым лбом, тот самый, который не смог поймать Трюшу и Бормоглотика. Вождь бросился на колени перед повелительницей.

— В чем дело? — Карла гневно толкнула его ногой. — Где свежее мясо, за которым я вас послала?

— Мутантики ускользнули, Ваша Ужасность! Они спрятались на Болоте! Там ужасная топь. Я едва не потерял всех воинов.

— Зачем ты лжешь, Приплюснутый Нос? Всем известно, что Болото непроходимо. Почему мутантики не утонули?

— Не знаю, повелительница!

— Ах, не знаешь?! А кто должен знать? — Желтые глаза Карлы, казалось, сверлили провинившегося насквозь.

Вождь задрожал: он нарушил спокойствие Королевы. Каждую минуту можно было ждать бури.

— Утопить его в пруду! Живо! — Карла хлопнула в ладоши. Во дворе возле реактора был глубокий пруд, куда Королева приказывала бросать всех, кто лишался ее доверия.

Телохранители кольцом окружили вождя. Сообразив, что снисхождения не будет, карлик яростно и отважно стал защищаться палицей. Ему удалось даже сломать руку одному из телохранителей, пытавшемуся выхватить у вождя оружие, и проломить голову другому. Но нападавших было слишком много.

Швырнув в них палицу, Приплюснутый Нос поспешно превратился в камень, надеясь спастись. Но телохрани-

тели схватили камень и вынесли его из тронной залы. Через некоторое время слышался всплеск.

— Так будет с каждым, кто упустит добычу! Все, хватит с нас неудач и неудачников! — Карла села на трон и подняла вверх открытую ладонь.

Сразу в зале повисла зловещая тишина. Вожди замерли, ожидая сообщения Королевы.

— Наше племя растет, а еды становится все меньше и меньше! Мы перебили почти всех одноухих зайцев, свиней и синерогих оленей и овец! Наши охотники все чаще и чаще возвращаются с пустыми руками! Правда ли это?

— Правда, о повелительница! — согласно закивали присутствующие.

— Реактор становится тесен для нас и наших детенышей! Мы вынуждены грызть старые кости, вместо того чтобы есть свежее мясо! Правда ли это?

— Да, Королева! — содрогнулся от голосов светящийся потолок.

Опершись о плечи телохранителей, Рыжая Карла вскочила на трон, чтобы стать выше, и закричала:

— Тогда слушайте, что я решила! Нужно расширить подвластные нам территории! Пришло наше время, время захватов и завоеваний! Земля слишком тесна! На ней нет места для всех! Мы уничтожим лобастиков и шерстяных мутантиков! У нас будет много рабов, а наши детеныши получают много свежего мяса! Согласны ли вы совершить этот поход? Тот, кто бесстрашнее всех в этом походе, станет моим мужем и вместе со мной будет повелевать всеми карликами!

Вожди жадно слушали Карлу, и их тупые глаза кроважато блестели. Стоило им услышать, что наиболее отличившийся в битве станет мужем Королевы, как их ноздри затрепетали от страсти и ненависти, зрачки сузились, а руки крепче сжали оружие.

Один молодой свирепый вождь, уже успевший потерять ухо в схватке, вскочил на ступеньку, ведущую к трону, и закричал:

— Запомни мое имя, Королева! Я — Собачий Хвост! Я прославлюсь в битве и убью всех! Я стану повелителем карликов и принесу тебе в мешке головы твоих врагов!

Собачий Хвост протянул жадные руки к Рыжей Карле, но в этот момент кто-то грубо схватил его за плечо.

— Не спеши, щенок! Смотри, как бы твоя голова не оказалась в мешке! Я — Бешеный Блюм, и не один мой враг не прожил больше часа! Готовься к смерти! Повелителем карликов и мужем Королевы стану я!

Свирепым от рождения карликам не много было нужно, чтобы прийти в бешенство. Собачий Хвост замахнулся на своего противника булавой, но тот отбил удар древком копья. Остальные вожди окружили их тесным кольцом.

Весь тронный зал пришел в движение. Карлики вопили и размахивали палицами. Переполнявшая их ярость искала выхода. Им хотелось кромсать и убивать. Они были готовы наброситься друг на друга. Даже обычно спокойные телохранители Рыжей Карлы, заражаясь охватившим всех порывом, потянулись к метательным ножам.

Королева поняла, что ее речь слишком сильно подействовала на ее свирепых подданных. Еще немного, и они начнут резать друг друга. Пообещав самому отличившемуся в походе против лобастиков и шерстяных муланчиков стать ее мужем, она рассчитывала вызвать соперничество карликов, но не ожидала, что их ненависть выплеснется друг на друга.

— Тихо! — Карла взмахнула короткой булавой. — Всем молчать! Или я прикажу бросить вас в пруд! Усмирите их!

Телохранители стали наводить порядок среди сцепившихся карликов. Бешеный Блюм и Собачий Хвост обменивались взглядами, полными ненависти.

— Не спешите, отважные вожди! Убить друг друга вы всегда успеете. Вначале отличитесь в сражении! — лстиво сказала им Рыжая Карла. Она погладила одноухого вождя по щеке, бросила кокетливый взгляд на Блюма.

— Слушайте меня, вожди! — громко крикнула она. — Я сказала и снова повторяю: моим супругом станет тот из вас, кто принесет мне больше всех голов шерстяных мутантиков и лобастиков, но никаких междоусобиц! Перерезать друг другу глотки вы сможете после победы!

— Твоим мужем буду я, самый отважный из всех карликов! —

крикнул Бешеный Блюм, но Королева взмахом руки заставила его замолчать.

— А теперь к делу! — приказала Карла. — Завтра утром выступаем! Вначале расправимся с лобастиками, а потом прикончим этих лохматых невидимок! Не щадить никого!

— Да, повелительница! — рявкнули реакторные карлики.

Рыжая Карла усмехнулась и тряхнула своими густыми волосами:

— Я рада, что возражений нет. А теперь выясним, какими силами мы располагаем. На сколько солдат может рассчитывать бедная слабая женщина? Начнем с тебя! — Она подошла к одному из вождей, на мохнатом брюхе которого висели бусы из заячьих позвонков, и ткнула его пальцем в грудь: — Толстый Грыз, сколько воинов в твоём отряде?

Тот поскреб короткими пальцами плоский затылок и ничего не ответил.

— Язык откусил? Может, тебе и голову заодно отрезать? — нетерпеливо воскликнула Карла. — Сколько у тебя воинов?

— Не могу сосчитать, повелительница, — смущенно пробасил Толстый Грыз. — Примерно три раза по стольку, сколько пальцев у меня на ногах, и еще немного.

Королева щелкнула треугольными зубами:

— А точнее нельзя, тупая башка? Неужели ты думаешь, что я буду считать твои грязные пальцы?

Толстый Грыз печально вздохнул. За свою жизнь он так и не удосужился научиться считать. Реакторные карлики — беспощадные воины, но едва ли среди них найдется хотя бы один, способный без ошибки умножить восемь на девять.

После долгих поисков и гневных воплей Рыжей Карле удалось разыскать среди подданных старого, сгорбленного, почти замшелого карлика, жившего на разрушенной водокачке. Старик этот, когда его притащили к Королеве,

опасаясь, что его хотят съесть, от испуга превратился в якорь, но, оправившись от страха, кое-как сумел пересчитать все реакторное войско. Оказалось, что в фундаменте разрушенного реактора живут тысяча четыреста двадцать пять боеспособных карликов, не считая карлиц и детенышей, которые жили в норах рядом с фундаментом.

Королева организовала четыре отряда по двести пятьдесят воинов. Пятый, самый боеспособный отряд, в который вошли ее телохранители, предназначался для защиты Рыжей Карлы.

Первый отряд под предводительством Толстого Грыза она отправила в Странный Лес, приказав стереть в порошок всех обитавших там шерстюш. Второму отряду под командованием Бешеного Блюда надлежало взять штурмом районную библиотеку и убить всех лобастиков, которых они смогут там обнаружить.

Собачьему Хвосту и его отряду Королева приказала обыскать Радиоактивную Свалку, уничтожив всех попавшихся им в руки шерстяных мутантиков.

А оставшиеся двадцать пять самых хитрых и коварных карликов стали лазутчиками. Они должны были незаметно проникнуть в самую чашу Странного Леса, где жили шерстюши, замаскироваться под камни, деревья, кусты и ждать особого приказа Королевы. Цель этого особого приказа они пока не знали. Да и никто не знал, кроме Рыжей Карлы.

— Рано утром выступаем! — велела Королева.

Она подошла к туше двухголовой овцы, поджаривавшейся на вертеле, и отрезала кинжалом большой кусок мяса. Карлики, облизываясь, смотрели, как повелительница пожирает его.

Наконец она вытерла жирные руки о свою любимую прирученную красноглазую собаку по имени Нерпа, которая тотчас стала лизать свою шерсть.

— Подготовить к утру мои носилки! — приказала Карла телохранителям.— Возможно, я сама захочу следить за боем!

И Королева удалилась в свой подвал под реактором, сопровождаемая телохранителями, а голодные вожди, отталкивая друг друга, набросились на оставшееся мясо.

Глава пятая ПУПЫРЬ И МУМУНЯ

А за несколько часов до собрания реакторных карликов в мрачной пещере Трюша с Бормоглотиком по кочкам выбрались из Квакающего Болотца и подошли к домику у старого дуба.

Мумуня и Пупырь места себе не находили от волнения. Большой нос Мумуни тревожно мерцал. Увидев Трюшу, она бросилась к ней и стала покусывать ее за ушки. Так мутантики выражают свою радость. Люди целуются, а шерстюши покусывают друг друга за ушки.

— Где ты пропадала? — бранила она дочку.— Мы с папой все утро тебя искали!

— Мы гуляли с Бормоглотиком. А потом на нас напали карлики и долго за нами гнались! — пожаловалась Трюша.

— Какой ужас! Ты могла погибнуть! — Нос Мумуни засветился от волнения.

— Ничего страшного! — примиряюще сказал Бормоглотик.— Мы спрятались у меня в шалаше. Там карликам до нас не добраться!

Рассказывая про свой шалаш, он надеялся успокоить Мумуню, но только еще больше ее взволновал. Она укоризненно уставилась на Бормоглотика, так что тому больше всего захотелось провалиться сквозь землю.

— Как? Она была на Болоте? На этом ужасном Болоте? Да там утонуть проще, чем укусить себя за локоть!

Надо сказать, что шерстяные мутантики очень гибкие, и укусить себя за локоть им ничего не стоит. Детей они

стараются отучить от этой вредной привычки, так же как человеческим детям не разрешают ковырять в носу или грызть ногти.

— А где Пупырь? Он ушел меня искать? — Трюша огляделась, но нигде не увидела своего милого мохнатого папу.

— Пупырь залез на дерево.— Мумуня укоризненно посмотрела на дочку.— На самую верхнюю ветку. Между прочим, он едва не упал оттуда.

— А зачем он залез на дерево? — поразилась Трюша.

— Как «зачем»? Чтобы дальше видеть! Должен же я знать, куда запропастилась моя дочь! — донеслось откуда-то сверху. С дуба, цепляясь за выступы в коре, торопливо спускался Пупырь. Вокруг него с назойливым гулом кружили синие пчелы. Им не понравилось, что он приблизился так близко к их гнездам.

Когда он слез с дерева, мутантики отправились в домик пить микстуру от кашля с аспирином. Это был их обычный завтрак.

Узнав от Мумуни, какая опасность грозила Трюше и Бормоглоту, Пупырь от ужаса подавился упаковкой от аспирина и его пришлось долго щекотать под мышками, пока он не прочихался. Успокоившись, он строго-настрого запретил Трюше и Бормоглоту даже близко подходить к ручью. Он вообще хотел запретить им встречаться, но в это время опять расчихался и роковых слов не последовало.

Пока Мумуня отчитывала дочку, жаба Биба со свойственной ей наглостью вскочила на стол, опрокинула чайничек с микстурой и схватила две упаковки слабительных таблеток, которые предназначались на десерт.

— А ну, брысь отсюда! Бормоглотик, прогони ее! — закричала Мумуня, замахиваясь на жабу полотенцем.

— Вот я тебе покажу! А ну, отдай сейчас же! — закричал мутантик и с мухобойкой стал гоняться за жабой по домику. Биба уворачивалась с ловкостью, которую трудно было ожидать от этой ненасытной утробы на лапках, и

опрокидывала все, что попадалось на ее пути. Со звоном разбивалась посуда, и падали стулья. В конце погони, когда комната напоминала поле брани, жаба Биба забилась под шкафчик, откуда Бормоглотик уже не мог ее достать, и довольно чавкала слабительными таблетками.

— Что вы наделали! Всю посуду перебили! — заахали Мумуня и Трюша, собирая с пола осколки тарелок. — Из чего мы теперь есть будем?

— Подумаешь! Тарелкой больше, тарелкой меньше! — махнул рукой Пупырь. — Все это — мелочная суета! Главное, чтобы все: и животные, и жабы, и пчелы, и мы, мутантики, чувствовали себя счастливыми и не мешали друг другу жить! А самый простой способ испортить настроение, скажу я вам, это принимать слишком близко к сердцу пустяки, вроде разбитых тарелок и всякой другой дребедени.

Пупырь иногда любил пофилософствовать, особенно после стаканчика горячей микстурки. Порассуждав всласть, он обычно ложился на набитый листьями диванчик, складывал ручки на толстеньком шерстяном животике и засыпал. Причем, если его будили, Пупырь сердился и заявлял, что ему мешают думать.

Но в этот раз уснуть ему не удалось. Не успели Трюша и Мумуня собрать разбитую посуду, а Пупырь прилечь на свой удобный диванчик, как в окошко раздался тревожный стук. Рама распахнулась, горшки с поганками, стоявшие на подоконнике, опрокинулись, и в комнату влетела большая двухголовая ворона-альбинос. Она уселась на спинку кресла. Обе ее головы посмотрели друг на друга и одновременно каркнули. Потом правая голова стала склевывать со стола рассыпавшиеся таблетки, а левая хитро посмотрела на Бормоглотика.

— Опрокинула мои поганочки! А они скоро собирались цвести! — заохала Мумуня.

— Смотри, Трюша, письмо! — Кошачий мутантик увидел, что к лапке вороны привязан клочок бумаги. Он

осторожно подошел к птице, стараясь ее не испугать, и взял записку.

— Ну, что там? Читай скорее! — торопил его Пупырь.

— Тут на древнем языке написано, — пожаловался Бормоглотик, разворачивая письмо.

— Как «на древнем»? — удивилась Мумуня. — А я считаю, что это просто лист из книги вырван, ты с другой стороны прочти.

Бормоглотик перевернул страницу: на обороте синим фломастером было послание от лобастиков.

— Какой ужас! — воскликнул Пупырь, вырывая у него листок и быстро пробежав глазами. — Реакторные карлики решили напасть!

— Я же говорила, говорила, что видела их у ручья, а вы не верили! — всполошилась Мумуня. — Читай, Бор-моглот!

ОТ ЛОБАСТИКОВ К ШЕРСТЮШАМ

Послание от 45 апреля 128 года после Большого Взрыва

Шерстюши! У нас для вас плохие новости: реакторные карлики готовы отправиться в завоевательный поход. Их цель: уничтожение всех мутантиков в Лесу, на Свалке и в поселке. Пощады не будет ни для кого. Карлики собираются напасть тайно, остерегайтесь! Рыжая Карла обещала свою руку тому, кто больше всех отличится и заготовит особенно много мяса. Предупредите всех, кого сможете! Времени осталось совсем мало. Карлики ждут только сигнала, чтобы выступить.

Ваши друзья лобастики (Хорошист, Отелло, Бубнилка и другие).

После того как Бормоглот закончил чтение этого ужасного письма, все долго молчали. У маленьких безобидных мутантиков не было ни малейшего сомнения в том, что все написанное на этом неровно вырванном из книжки листе — правда.

Шерстюшам хорошо был известен нрав реакторных карликов, их тупая злоба и жестокость, и они понимали, что им предстоит, быть может, самое тяжелое испытание всей их жизни, вынести которое предстоит не всем. Очень многие шерстюши, которых они знали, закончили свою жизнь в котлах с химической солью, разодранные жадными треугольными зубами реакторных карликов.

Мумуня начала тихонько всхлипывать:

— Какой ужас! Я всегда, всегда знала, что это произойдет! Я только надеялась вырастить Трюшу! Бедная, бедная моя девочка!

— Спокойно! — оборвал ее Пупырь. — Без истерик! Поворачиваться к беде спиной — значит дать ей дополнительный шанс! Нас спасет только мужество и спокойствие!

Бормоглотик ходил взад-вперед по комнате, скрестив руки на толстеньком розовом животике с двумя пупками и помахивая хвостом.

— Здесь что-то не так. Мозаика не складывается, — задумчиво сказал он. — Никогда раньше карлики не отваживались отходить так далеко от своего реактора. Для поддержания нормальной жизнедеятельности им необходим высокий уровень радиации.

— Они могут взять стержни-замедлители с собой или наглотаться радиоактивных гаек, — грустно сказал Пупырь. — У некоторых из них есть даже доспехи из свинцовых пластин, которыми четвертый блок был обшит изнутри. С их помощью они могут продержаться вдали от реактора сколько угодно времени.

— Это все из-за дождей, — запричитала Мумуня. — Дожди сейчас совсем перестали идти! Засуха такая, что

листья на дубе облетают посреди лета, а трава уже выгорела. Раньше карлики боялись, что дождь застанет их в дороге, и из реактора и носа не высовывали, а теперь засуха, и они совсем обнаглели.

Трюша поймала двухголовую ворону и выпустила ее в окно. Птица опасливо покосилась на пчелиный улей и взлетела, тяжело взмахивая крыльями. Ее правая голова буквально засыпала на ходу.

— Устала бедняжка! — пожалела ворону девушка. — Всю ночь летела.

— Неужели так долго! Мы должны предупредить остальных! Реакторные карлики могут быть уже на пути сюда! — Пупырь выскочил из домика и побежал к большому жестяному тазу, который висел на одной из нижних веток красного дуба.

Обычно, когда жившим в Странном Лесу шерстюшам нужно было предупредить своих соседей об опасности, они колотили в жестяные тазы деревянным молотком, и этот тревожный набат разносился далеко по Лесу. Его подхватывали другие шерстюши и тоже начинали долбить в свои тазы, и вскоре уже весь маленький народец мутантиков, рассеянный по непроходимым чащам Странного Леса и его окрестностям, вплоть до Свалки и до устья ручья, где он впадал в Старый Город, знал, что нужно быть начеку.

— Идите сюда! — донесся с улицы встревоженный голос Пупыря. — Только будьте очень осторожны!

Бормоглотик, Трюша и Мумуня выскочили следом из домика и замерли у дуба. Жестяной таз пропал, а с ветки болтался только обрывок проволоки. Рядом с деревом стоял растерянный Пупырь и держал в руке деревянную колотушку.

— Реакторные карлики уже где-то здесь! — сказал он мрачно. — Они украли наш таз.

Мумуня обошла дерево кругом и вскрикнула. В стволе дуба торчало короткое ржавое копьё, пригвоздившее двух-

головую ворону-посланца. Она не успела улететь далеко, и теперь две ее головы безжизненно свешивались вниз. Ворона была посыпана чем-то белым и неприятно пахнущим — химической солью или хлоркой. Реакторные карлики побеспокоились, чтобы сохранить мясо как можно дольше свежим.

Мутантики прижались друг к другу и в тревоге огляделись. Каждый камень, каждый пень или каждая куча песка около них могли оказаться реакторными карликами, притаившимися в засаде. Так и произошло: на дорожке перед домом, по которой они только что прошли, стояла большая ржавая бочка. Она появилась только что, и раньше ни Пупырь, ни Мумуня, ни Трюша ее не видели. А так как бочки сами собой, как известно, не ходят, то все сразу стало ясно.

— Один там! — прошептал Бормоглотик. — А другой там! — И он показал на большой серый камень, как бы случайно валявшийся около тропинки метрах в двадцати от дуба и чуть засыпанный прошлогодней листвой.

— Мы должны пробиться к дому! Трюша, иди сюда!

Пупырь схватил дочку и Мумуню за руки, и они помчались

к своему домику. Главная дорожка к нему и входная дверь охранялись замаскировавшимся карликом, и маленьким мутантикам, подсаживая друг друга, пришлось пролезать через окно. Последним вскарабкался Бормоглотик и захлопнул деревянные ставенки. Тем временем Пупырь поспешно закрыл дверь на засов.

Едва он успел это сделать, как дверь стала вздрагивать под мощными ударами, а во второе, еще не закрытое ставней окно влетел метательный камень и разбил вдребезги последний горшочек с цветущими поганками. Почти сразу же за камнем на подоконник залез коренастый мохнатый карлик, держа в руке булаву из куска трубы.

Прежде чем он успел прыгнуть в комнату, Бормоглотик, не растерявшись, выплеснул на него графин воды. Карлик злобно завизжал и покачнулся. В ту же секунду Пупырь захлопнул ставенки и карлик свалился вниз. В щелку Трюша увидела, как он катается по земле, чтобы поскорее обсохнуть. Карлики ненавидят воду, и даже несколько капель дождя приводят их в панику и они трусливо забиваются под фундамент реактора.

Мумуня была права: карлики именно потому и решились на поход, что вот уже несколько недель стояла страшная засуха. Солнце палило, как никогда, и даже ручей, раньше полноводный, местами почти высох. Даже радиоактивные дожди, которые обычно шли по ночам и выжигали траву в Странном Лесу, теперь прекратились.

— Ну как там? Что происходит? — спросила Мумуня.

— Они окружают дом.

Бормоглотик наблюдал за тем, что происходило на улице, сквозь щель в ставне. Он видел, как камни, сухие сучья, шины, ржавые листы железа и другой мусор, разбросанный вокруг, теперь становится карликами-воинами. Они бродили вокруг дома и изредка швыряли в закрытые ставни метательные камни и копья. Одно из таких копий вонзилось в ставню, за которой стоял Бормоглотик, дерево вздрогнуло, и мутантика стукнуло по лбу.

— Ой! — Он потер лоб и отодвинулся подальше от окна.

— Теперь ясно, что карликам известно, что мы обо всем знаем,— глубокомысленно заявил Пупырь.— В некотором роде: «Veni, vedi, vici» — «Пришел, увидел, победил», если вы, конечно, понимаете, кого я процитировал и что имею в виду.

— Папа, а что ты имеешь в виду? — не поняла Трюша.

— Карлики проследили ворону, которая принесла нам послание, и теперь не выпустят нас из домика живыми,— великодушно стал объяснять Пупырь.— Они не могут допустить, чтобы мы предупредили остальных. Безусловно, с точки зрения военной стратегии это вполне оправданно, хотя по отношению к нам жестоко и безнравственно. Карлики считают, что цель оправдывает средства. В этом случае мы сталкиваемся с первобытной логикой силы, на которую всегда опираются все тупые и жестокие существа.

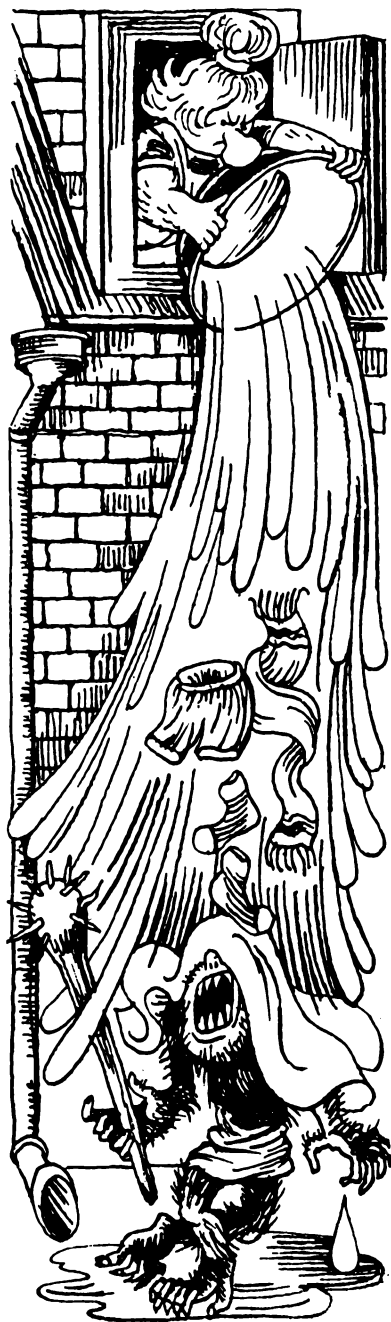
Даже в минуту опасности Пупырь не смог удержаться от своей обычной привычки философствовать. Мумуня порывисто обняла Трюшу.

— Не слушай папу! — с горечью сказала она.— Ему плевать, если мы все погибнем, лишь бы только у него был лишний повод поразглагольствовать!

В щелку Бормоглотик увидел, как несколько реакторных карликов выкатили из леса большую железную бочку. Они поставили ее возле дуба, и бочка превратилась в Толстого Грыза — предводителя их третьей сотни воинов.

Пыхтя, Толстый Грыз встал и несколько раз оглушительно хлопнул себя ладонью по брюху, а потом громко икнул. Реакторные карлики загоготали и стали подходить к нему.

Толстый Грыз отдал им какой-то приказ, показывая рукой на домик. Воины исчезли в лесу и через несколько минут вернулись с большим бревном. Они разогнались и с разбегу начали таранить им дверь.

Но шерстяные мутантики были уже готовы к приступу и встретили его достойно. Еще раньше они наполнили водой из ведра две резиновые клизмы и одну большую брызгалку. Они выставили свое оружие в специальные бойницы — узкие отверстия, проделанные в двери, и как только враги приблизились, встретили их дружным водяным залпом. А тут еще Мумуня забралась на чердачок и выплеснула карликам на голову пластмассовый таз с замоченным в стиральном меде бельем. Послышались вопли, как будто их ошпарили кипятком, и, бросив таран, враги разбежались и стали издали забрасывать домик камнями и копьями.

— Ну, как мы их? — засмеялся Бормоглотик. — Теперь больше не сунутся! А где вода, я хочу наполнить брызгалку?

— Воды больше нет. Я ее только что всю вылила, — печально сказала Мумуня.

— Но как же так?

— А вот так, не удержалась и вылила. Даже белье не стала вытаскивать, выплеснула прямо с бельем. — Мумуня положила пустой таз на пол дном вверх и уселась на него, мрачно скрестив на груди руки.

Теперь, когда воды больше не осталось ни капли, мутантики были совершенно беззащитны. Если карлики снова начнут осаду, им нечем уже будет отразить их натиск.

Но карлики не собирались больше таранить дверь. В их примитивных мозгах созрел более жестокий план. Они вернулись из леса с сухими сучьями, ветками и хворостом и стали обкладывать домик со всех сторон. Ставни и дверь они вымазали смолой, а ветки сверху присыпали сухими листьями.

— Они хотят нас поджарить заживо! — закричала Трюша, прижимаясь к Бормоглоту.

Мумуня вскочила и принялась бегать по комнате, сосредоточенно бормоча в рифму: «Что делать, что делать, что делать, как быть? Как дочку спасти и себя сохранить? Что делать, что делать, что делать, как быть?»

Все были встревожены, один Пупырь вел себя на удивление спокойно. Он взял мешочек и стал складывать в него все лекарства и таблетки из буфета. Причем просроченные лекарства он откладывал в сторону, чтобы съесть их в первую очередь.

— Не хотите перекусить? — спросил он. — Чем больше мы понесем в себе, тем меньше нам придется нести на себе, если вы опять же, понимаете, что я имею в виду. Доченька, скушай глюконатика кальция или, может, гемопатии?

— Папа, ты сошел с ума? — удивилась Трюша. — Нас же сейчас поджарят!

— Ничего подобного. — Пупырь выпил бутылочку микстурки от кашля, облизнулся и вытер губы. Мутантики смотрели на него с изумлением. — Суета сует и всяческая суета... Вы забыли, что у нас есть подземный ход! — гордо объявил он.

— Подземный ход? У нас есть подземный ход? — не поверила Мумуня.

Пупырь неторопливо встал и подошел к пузатому буфету в углу кухоньки:

— Бормоглот, а ну помоги-ка мне его сдвинуть! Только не жди, что за эту мелкую услугу ты получишь руку Трюши.

Бормоглотик и Пупырь навалились на буфет, он со скрипом отъехал в сторону, а под ним был деревянный люк с кольцом. Пупырь поднял крышку люка, и все увидели, что под ним начинаются ступеньки.

— Но почему ты раньше никогда об этом не говорил? — ахнула Мумуня.

— А ты не спрашивала,— засмеялся Пупырь.— Я прокопал его потихоньку, как только мы перебрались сюда. Всегда знал, что он может пригодиться. Предусмотрительность — свойство мудрых. Вы решили, что скоро погибнете, а тут вдруг раз — и подземный ход!

В дверь раздался требовательный стук.

— Эй вы там! Выходите сами! — раздался ехидный голос Толстого Грыза.— Не заставляйте нас поджигать дом! Ну, чего замолчали? Испугались? Я вас хорошо понимаю! Сегодня же вечером вы будете за столом у Королевы... Или еще точнее, на столе у Королевы... Ха-ха!

Бормоглотик взял бутылочку с микстурой от кашля, в которой еще оставалось немного лекарства, и быстро наполнил им клизму.

— Жалко тратить на этого дурака такой хороший продукт,— ворчал он.

— Ну так как, будете выходить или нет? — не унимался Толстый Грыз.— У нас есть для вас хороший подарок: целое ведро замечательной хлорки, чтобы вы не испортились на такой жаре, маленькие уродцы! А-а-а!

Вдруг он завизжал и, уронив себе на ногу булаву, откатился от домика. Бормоглотик прокрался к двери и, просунув в бойницу носик клизмы, окатил его остатками микстуры.

Мутантики весело засмеялись.

— Поджигайте их! — обозлившись, завопил Толстый Грыз.— Поджигайте!

Один из реакторных карликов вытащил из мешочка, висевшего у него на шее, старую зажигалку и стал крутить ржавое колесико, высекая искру. Его начальник подбадривал воина уколами копья. Наконец после третьей или четвертой попытки искра все-таки появилась, и хворост, которым был обложен домик, запылал.

— Если они попытаются выйти, сразу забрасывайте их камнями! — командовал Толстый Грыз.— Ни один из них не должен стать невидимым!

Карлики приготовили камни и метательные копья, чтобы закидать ими шерстюш, если они решат прорваться. Домик маленьких мутантиков пылал уже до самой крыши. Поднимавшийся ввысь дым потревожил сторожевых пчел, которые в это послеобеденное время мирно отдыхали. Улей вздрогнул, из него появилось черное гудящее облако. Реакторные карлики ничего не заметили, потому что треск огня заглушал жужжание и их глаза были прикованы к горящему домику.

— Как только дом прогорит, сразу начинайте разгребать угли! — приказал Толстый Грыз.— Королева должна получить свежее мясо еще до заката. Она должна накормить Паука! Пошевеливайтесь, дураки! Что с твоей рожей, Кука?

Стоявший рядом карлик вдруг застонал и схватился за щеку. Она у него распухла прямо на глазах — яд сторожевых пчел действовал мгновенно. А потом всех буквально окутало черной жужжащей тучей.

— Пчелы! — завопили карлики и бросились в лес. Разозленные пчелы преследовали их по пятам, жаля куда придется. От их укусов карликов спасла только их потрясающая живучесть и то, что, добежав до леса, они догадались превратиться в камни. Пчелы, недоумевающе жужжа, не понимая, куда подевались их враги, некоторое

время кружили над серыми камнями, а потом вернулись в свой улей.

От домика маленьких мутантиков, в котором они так уютно и мирно жили, остались только фундамент из почерневших кирпичей, от которого поднимался тонкий смрадный дымок, и обгоревший буфет.

А лишившиеся крова мутантики пробирались по узкому подземному ходу, пока наконец не оказались в густых зарослях краснотала справа от полянки.

Бормоглотик осторожно высунул голову из кустов и осмотрелся: кажется, все спокойно. Реакторных карликов поблизости не было. Пчелы прогнали их.

— Вы с Трюшей бегите к леснику Мокею, пусть он уходит,— прошептал Пупырь.— И будьте осторожны! А мы с мамой побежим на Свалку и предупредим мутантиков, которые там живут, об опасности. Как только наступит ночь, встречаемся у ручья в камышах.

Мумуня крепко обняла дочку.

— Будь осторожна, и чуть что, сразу становись невидимой! Поняла?

Трюша кивнула, поцеловала маму, и они с Бормоглотиком скрылись в кустах краснотала. Они направились к полянке у маленького озера, на которой стоял шалашик старенького Мокея, их ближайшего соседа по Странному Лесу. Шерстюшу Мокея называли лесником, потому что он ухаживал за деревьями, знал все травы и каждый день кормил синерогих оленей, сходившихся к нему со всего леса. Трюша и Бормоглотик опасались, что они не успеют предупредить Мокея об опасности, потому что отряд Толстого Грыза прошел в ту сторону раньше их.

А Пупырь и Мумуня побежали по тропинке к броду через ручей, за которым была Свалка.

— Почему ты отпустил нашу девочку с Бормоглотиком? — спросила Мумуня.— Ты уверен, что он сможет за ней присмотреть?

— Может, он и не лучший жених, но он ее любит. В лесу они будут в большей безопасности. Среди деревьев всегда можно спрятаться,— сказал Пупыр.— Ты ведь помнишь, что путь на Свалку лежит через Заросли Красноглазых Собак, и мне не хотелось брать Трюшу с собой.

Супруги-шерстюши пробрались через частый березняк с пожелтевшими от засухи листьями и по пути едва не наткнулись на большой отряд реакторных карликов под командованием Собачьего Хвоста. Сам молодой военачальник ехал на трехколесном велоси-

педe впереди своего отряда. Довольно забавно было наблюдать, как он широко расставляет колени, которые, когда он нажимал на педали, поднимались гораздо выше руля.

Сзади на самокатах ехали отборные воины Собачьего Хвоста, мрачные, низколобые карлики, которые кроме копий и метательных камней несли еще и специальные кнуты, сплетенные из прочных веревок, на концах которых были привязаны тройные рыболовные крючки. За самокатчиками несколько карликов катили тележку, на которой стояли большое железное ведро с хлоркой и второе ведро с химической солью.

Пупырь и Мумуня притаились за толстым березовым стволом, приготовившись, как только карлики их заметят, сразу стать невидимыми.

Видимо, реакторные карлики плохо знали этот лес, потому что они двигались не по короткой тропинке, пересекавшей его из конца в конец, а по старой асфальтовой дороге.

Собачий Хвост наехал передним колесом на лежавшее

поперек дороги бревно и шлепнулся с велосипеда. Бревно зашевелилось и превратилось в лазутчика. Это был тощий маленький карлик со злобным сморщенным личиком и большой красной бородавкой на лбу, за поясом у него были два кинжала, сделанные из половинок разломанных ножниц. На его голове было что-то вроде черного капюшона, в который он прятал свою безобразную голову. Мутные глазки карлика непрестанно слезились, так что казалось, что он постоянно плачет.

— Что ты тут делаешь, Нытик? Чего валяешься посреди дороги? — Собачий Хвост вскочил и гневно сорвал с карлика капюшон.

Лазутчик съежился еще больше, сделавшись похожим на гриб.

— Секретный приказ Королевы,— сказал он хриплым шепотом, испуганно оглядываясь по сторонам, проверяя, не подслушивает ли их кто-нибудь.

— Какой приказ? Почему я о нем ничего не знаю? Отвечай! — Собачий Хвост нахмурился. Шрам на его лице побагровел от гнева.

Нытик отступил на полшага и поклонился:

— Я не могу сказать. Это секретный приказ.

— Ах, так! — Вождь сбил шпиона с ног и занес над его головой булаву с гвоздями.

— Тогда ты унесешь свой секрет с собой в могилу. Ты готов к этому?

— Вы убьете личного шпиона Королевы? — вкрадчиво спросил Нытик.

— Королеве не нужен мертвый шпион,— ответил тот, занося булаву еще выше.— Я скажу Карле, что убил тебя случайно. Мой велосипед наехал на бревно, а я сгоряча ударил по бревну булавой. Королева скорее поверит мне, чем старой дохлятине, которую давно нужно было бросить в пруд.— И Собачий Хвост грубо толкнул шпиона ногой.

Нытик вздохнул и вытер слезящиеся глаза.

— Королева приказала мне следить за каждым вашим шагом. Она боится измены и хочет выяснить, кто из вас двоих: вы или Бешеный Блюм больше достоин ее руки.

— Вот как? — Собачий Хвост усмехнулся. — Очень непредусмотрительно со стороны Рыжей Карлы доверять такое важное решение ничтожеству вроде тебя. Ты уже был у Бешеного Блюда? Где он сейчас?

— Он штурмует библиотеку. Лобастики закрылись в книгохранилище и сопротивляются. Блюм уже потерял двух воинов, они упали в канализационный люк, когда попытались пойти в обход.

Собачий Хвост и его воины расхохотались. Чувство юмора у карликов было весьма своеобразным, ничто не веселит их так, как рассказы о несчастьях других, и самое большое удовольствие доставляет им история о том, как карлик Блохарь выбил карлику Щупарю три зуба и глаз, а карлик Щупарь откусил Блохарю нос и отрубил секирой два пальца на ноге, а потом они помирились и пошли пить ртуть.

— Этот тупица Блюм скоро останется без солдат, — заявил Собачий Хвост. — Ты говорил с ним?

— Да, начальник.

— И что он? Боится меня? Я ведь моложе и сильнее! — И он с легкостью приподнял шпиона за шиворот одной рукой.

Нытик захихикал и, наклонившись к его уху, прошептал:

— Блюм предлагал мне убить вас. Он обещал мне теплую нору недалеко от главного реактора, два куска уранового стержня и столько мяса, сколько я пожелаю. Но если вы предложите мне больше, мой господин, я донесу на Блюда Королеве, и она прикажет утопить его в пруду за измену.

— Не надо доносить! Я сам убью этого мерзавца! Только вначале сотру с земли Свалку и всех шерстяных мутантиков! Передай Королеве, что к завтрашнему вечеру я принесу ей много, очень много голов! — взревел рас-

серженный Собачий Хвост и, отшвырнув Нытика с дороги, так что тот ударился о дерево, вскочил на велосипед.

Самокатчики и пешие карлики заспешили за ним, направляясь к Свалке. Нытик поднялся с земли и потер ушибленный бок. Потом он вытащил из-за пояса половинку ножниц и потрогал острие.

— Этот Хвост слишком жесток и глуп, чтобы долго продержаться. Нужно мне было принять предложение старины Блюма,— пробормотал он.— Хотя я сделаю лучше, я донесу на них обоих Королеве. Пусть они перегрызут друг другу глотки, а рука Карлы достанется мне.

Нытик дробно засмеялся, натянул на голову черный капюшон и, пригнувшись, быстро заспешил по дороге по направлению к видневшейся в отдалении громаде реактора.

Из-за деревьев выглянули Пупырь и Мумуня.

— Они спешат на Свалку, но если я побегу по тропинке, то смогу их опередить! — сказал Пупырь.

— Но там же красноглазые собаки! Они сожрут тебя, я боюсь! — Мумуня вцепилась в его рукав.

— Жди меня у мостика в камышах! Я скоро вернусь! «Вовек шлемоблещущий воин пред градом дротов не дрогнет, скорее умрет, чем отступит!» — И Пупырь, не оглядываясь, помчался по тропинке, подбадривая себя сагами.

Тельце у Пупыря было пузатенькое, совсем невоинственное. Он вовсе не был похож на «шлемоблещущего» воина, и от одной мысли, что мужу придется пробираться мимо красноглазых собак, Мумуню охватывал ужас. Пупырь, перепрыгивая с камня на камень, пересек наискось ручей и исчез в густых зарослях на противоположной стороне, махнув на прощание жене рукой.

— Все будет в порядке! Не волнуйся! — крикнул он.

Мумуня, охая, отправилась к мостику, нашла в камышах уютное местечко и уселась на кочку. Ее большой нос светился от усталости и беспокойства, хотя волноваться Мумуне было нельзя. Она должна была беречь себя, потому что скоро у Трюши появится братик или

сестричка, а может, даже братик и сестричка вместе, потому что у шерстяных мутантиков часто рождаются двойняшки.

С другой стороны ручья, из зарослей, в которых обитали красноглазые собаки, донесся отдаленный вой и звуки грызни. Хлопая крыльями, с дуба сорвался и полетел на этот звук большой черный ворон, известный любитель падали.

— Только бы с Пупырем ничего не случилось! — встревожилась Мумуня. Она достала маленький камешек на веревочке, который был у нее вроде талисмана, и стала поглаживать его, шепча: «Только бы с Трюшей и Пупырем все было хорошо... Пожалуйста! Только бы с Трюшей и...»

Камыши совсем близко от Мумуни зашуршали, их высохшие коричневые верхушки шевельнулись, и к шерстюше на колени прыгнула розовая жаба Биба, во рту у которой была упаковка слабительных таблеток.

— К-ква! — дружелюбно произнесла она.

Жаба забралась в карман Мумуниного кухонного фартука, который та не успела снять утром, когда напали карлики, и сейчас, ощущая себя в полной безопасности, начала чавкать, поглощая слабительные таблетки.

Глава шестая ОСАДА БИБЛИОТЕКИ

Все утро перед нападением карликов Умник, Хорошист, Отелло и Бубнилка готовились к осаде. Они запирали двери, ведущие в подвал, на замки и засовы, баррикадировали их книжными полками и забивали окна досками с гвоздями острием наружу. Когда все двери были надежно закрыты и осталась только маленькая, хорошо скрытая лазейка через вентиляционную трубу, лобастики стали перетаскивать наверх, на второй этаж библиотеки, тяжелые книги и словари, чтобы сбрасывать их на головы атакующих.

Умник хотел также запасти несколько ведер воды из скважины во дворе, чтобы окатывать нападавших, но оказалось, что ночью кто-то забросал скважину песком и камнями. Бешеный Блюм был хорошим воином и предусмотрел все мелочи. Еще ночью он послал лазутчиков, чтобы они тайком пробрались в поселок и завалили мусором родник. Лобастики бросились было к ручейку, чтобы набрать воды там, но обнаружили, что из-за страшной жары, стоявшей последние недели, ручеек высох и даже дно его потрескалось.

— Опасная ужасность! Похоже, карлики хорошо подготовились, — озабоченно сказал Хорошист, заглядывая в пустые ведра. — Они вот-вот нападут, а у нас только и есть, что сотня книжек, несколько стульев да банка с клеем.

— Случалось, карлики и раньше нападали, но чтоб все вместе — нет, такого еще не было, — шамкал беззубыми челюстями Умник, когда Отелло на спине ташил его на второй этаж. Отелло споткнулся об упавшую книжку и едва не уронил свою ношу с верхней ступеньки в пролет лестницы.

— Осторожнее, не бревно несешь! — строго выговорил ему старый лобастик. — Если я разобьюсь, некому будет делать призраков!

Умник был единственным из всех лобастиков, который был способен создавать призраков и фантомов не только во время зимней спячки, но и наяву. Иногда ему удавались очень страшные монстры и чудовища, огромные, как драконы, со множеством зубов, когтей и клыков, в панцирной чешуе и с кровожадным блеском в глазах. Выглядели они совершенно натурально, объемно, могли быть размером с дом, но при этом были так же безобидны, как обыкновенные бабочки-капустницы. Стоило карликам догадаться и бросить в чудовище горсть песка или земли, как монстр в тот же миг рассыпался.

— Дедушка Умник, а это правда, что карлики могут превращаться, когда захотят? — спросила Бубнилка. Не совсем представляя себе, какая опасность им угрожает, малышка легкомысленно прыгала на одной ножке по ступенькам и выгрызала картинки из вкусенькой маленькой книжечки, как изюминки из булочки.

— Правда, внученька, правда,— подтвердил лобастик.— А еще карлики так делают: подкатывают метательные машины, превращаются в камни и сами себя забрасывают в окна. А у некоторых из них есть кнуты с крючками, они цепляются ими за подоконники и взбираются по отвесной стене.

— Только они влезут, мы им по голове словариком ка-а-ак бабахнем, они и свалятся! Сделаем им оглушительное оглушительство! — Хорошист с пыхтением волок по ступенькам сетку с огромной книгой, в которой было по меньшей мере тысяча страниц и которая называлась очень сложно и загадочно: «Телефонный справочник».

— Интересно, что такое телефон? — любил иногда рассуждать Отелло.— Неужели так называются те штуки с трубками, которые иногда попадают в пустых домах?

Не успели лобастики все приготовить к отражению штурма, как в конце улицы за клубилась пыль и показалась кавалерия реакторных карликов на красноглазых собаках. За кавалерией маршировала тяжеловооруженная пехота с копьями, булавами, серпами и горшками с раскаленными углями, которыми они собирались забрасывать осажденных.

Всего карликов было около сотни, а перед ними на мощной боевой колеснице с колесами, сделанными из двух просверленных канализационных люков, ехал Бешеный Блюм. В колесницу впрягли двух красноглазых собак с отрубленными хвостами, которых Блюм то и дело подгонял длинным бичом.

Карлики давно уже умели приручать красноглазых собак, которых ловили в зарослях еще щенками, потом

выкармливали сырым мясом с кровью, чтобы они стали злыми и беспощадными. Собаки хорошо брали след и могли выслеживать лобастиков и шерстюш даже в самых густых камышах или в заросших репейником и бурьяном проулках заброшенного поселка.

Бешеный Блюм ехал на грохотающей колеснице по главной улице вдоль мертвых домов, в окнах которых кое-где сохранились полусгнившие рамы. Предводитель слышал мерный топот своей пехоты и голодное рычание собак, которых специально несколько дней не кормили, чтобы они были злее, хотя, как иногда говаривала Рыжая Карла, «свиреее, чем они уже есть, красноглазым собакам не стать».

Бешеный Блюм остановил колесницу возле библиотеки и оглядел своих воинов.

— Оболдуй, где метательная машина? Поставьте ее напротив окон, превращайтесь в камни и начинайте обстрел! — крикнул он карлику, который был при нем вроде адъютанта.

Адъютант Оболдуй почесал шестипалой пятерней заросший шерстью лоб:

— Командир, а машина-то тю-тю... Мы ее утопили, когда через болото переправлялись.

— А мне почему не сказали? — взревел Блюм.

— Сюрприз хотели сделать. А что такое сюрприз? Это когда кто-то один не знает, о чем знают все другие, — бодро сказал Оболдуй. — Правда, смешно? Метательная машина — бултых! — в болото и увязла, а вместе с ней и Моргун с Рогаликом. И — ха-ха! — все утонули!

— Сейчас ты у меня посмеешься! А ну-ка возьмите этого кретина и тараньте стену его головой! — приказал Бешеный Блюм.

Несколько карликов-пехотинцев схватили Оболдуя и потащили его к библиотеке под всеобщий хохот. Они разогнались, стремясь с разбегу протаранить дверь его головой, и Оболдуя, чтобы сохранить свои скромные

мозги, пришлось срочно превратиться в бревно. После каждого удара о дверь бревно весело похихикивало.

В двери уже появились трещины, но в этот момент окно второго этажа распахнулось и оттуда один за другим полетели толстые словари. Одним из словарей прихлопнуло карлика, гарцевавшего на красноглазой собаке под окнами. Тот упал, запутавшись ногой в стремени, и собака потащила его за собой по улице. Еще несколькими словарями оглушило карликов, таранивших дверь, а остальные бросили бревно и разбежались.

Бревно упало и превратилось в Оболдуя. На лице его была счастливая улыбка.

— А как же массаж моей головы? Разве мне его больше не будут делать? — разочарованно спросил он. Но тут сверху свалился справочник по химии, и, к радости карлика, массаж головы продолжился.

Видя, что дверь протаранить не удалось, Бешеный Блюм привстал в колеснице и скомандовал:

— Забрасывайте кнуты и лезьте! Все на штурм!

Воины со свистом раскрутили свои кнуты, и за подоконник второго этажа зацепилось несколько крючьев. Ухватившись за веревки, осаждавшие стали быстро карабкаться вверх. Но когда голова первого карлика, с кухонным ножом в зубах, оказалась чуть выше уровня подоконника, в окне на мгновение появился Хорошист и ударил врага телефонным справочником. Тот разжал пальцы и с криком полетел прямо в приоткрытый канализационный люк. А на остальных карликов, которые ползли по стене следом, Бубнилка вылила баночку с жидким клеем. Это был очень хороший клей, мгновенный, патентованный, который склеивал даже дерево, стекло и кожу. Карлики мгновенно приклеились руками и животами к стене и возмущенно завопили.

— Лезьте по прилипшим, как по лестнице! — приказал Бешеный Блюм, раздосадованный из-за того, что лобастики так хорошо обороняются.

Голодные красноглазые собаки выли, подпрыгивали и скребли кирпичную стену библиотеки передними лапами.

— Тоже мне винегретоянцы нашлись. На обед приглашают,— засмеялся Хорошист.— Очень мило с их стороны, но мы лучше дома пообедаем.

— Смотри, они начали приступ! — крикнул Умник. Наступая на плечи прилипшим к стене карликам и используя их, как ступеньки, наверх уже лезли другие. За спиной у каждого из них в специальном чехле висела утыканная гвоздями булава, которую они готовы были выхватить, как только руки, которые сейчас были заняты, освободятся.

Из окна на них сыпались книги и словари, многие осаждавшие падали, но их места сразу занимали другие. Пока одна группа лезла, другая снова принялась таранить дверь, которая уже держалась еле-еле.

— Это до чего ж дойти надо, чтоб деликатесами швыряться,— ворчал Отелло, сбрасывая на нападавших один за другим двенадцать томов Шекспира.

— Книги не для того написаны, чтобы ими швыряться. Книги написаны, чтобы их кушать. Правда, папочка? — спросила Бубнилка.

— Не мешай, не видишь, я занят! — проворчал Хорошист. В этот момент карлики залезли друг другу на плечи, и в окне показалась перекошенная в ухмылке физиономия рыжего врага. Хорошист стукнул его по лбу романом Достоевского «Преступление и наказание», и пирамида из карликов с воплем обрушилась.

— Вот что значит вечная ценность! Преступление еще не совершено, а наказание уже последовало,— с удовлетворением отметил Хорошист.

В стену рядом с его головой ударил массивный кирпич и разлетелся на осколки.

— Ах, так! Ну так получайте! — И Хорошист с Отелло, раскачав вдвоем, вышвырнули из окна телефонный спра-

вочник, а старый Умник с помощью телепортации¹ чуть-чуть подправил его полет, сделав его более прицельным.

Телефонным справочником Бешеного Блюда вышибло из колесницы. Карлики захохотали. Но они сразу же замолчали, когда Блюм, позеленев от злости, встал с земли и отряхнулся.

— Все на приступ, олухи! — прохрипел он. — Если через пять минут вы не принесете мне голову того, кто это сделал, я всех вас побросаю в пруд!

Дверь наконец не выдержала тарана и слетела с петель. Карлики бросились было внутрь, но в этот момент собаки, запряженные в колесницу, встали на дыбы, и колесница опрокинулась. Карлики оглянулись и замерли.

— Сюда идет чудовище! — закричал Оболдуй. — Смотрите!

В конце улицы появился огромных размеров монстр с красной кожей, под которой вздувались могучие мышцы. Он был совершенно лыс, кожа его собиралась в глубокие складки, а на лбу сверкал единственный яркий глаз, как у циклопа. У монстра было шесть рук, в каждой он держал по остро отточенной блестящей секире. На ходу чудовище размахивало своими секирами так, что их лезвия сливались в одно. Монстр был так велик, что легко перешагивал через дома и земля содрогалась под его тяжестью.

Карлики остолбенели: им никогда не приходилось видеть ничего подобного. Некоторые из них кричали, что это чудовище из Старого Города, которое хочет их сожрать, а другие — что Рыжая Карла, известная колдунья, послала знакомого великана им на подмогу и бояться его не стоит.

Красноглазые собаки выли, поджав хвосты. Монстр приближался. Метрах в ста от них он поднял над головой все шесть своих секир и хрипло проревел:

---

¹ Телепортация — перемещение предметов на расстоянии.

— Ненавижу карликов! Всех перебую! Семь шкур спущу и голым по миру пушу!

Перепуганные воины завопили и, не разбирая дороги, бросились врассыпную. Одни из них, размахивая бичами, гнали собак к лесу, другие в ужасе забивались под фундаменты домов и в подвалы, прыгали в канализационные люки, а некоторые торопились превратиться в камни и бревна.

Сам Бешеный Блюм, растеряв всю свою отвагу, забрался в русло пересохшего ручья и притаился под нависающим берегом. Он видел, как монстр прошел совсем рядом и остановился около биб-

лиотеки. Лобастики высунулись из окон и приветствовали его, как своего старого знакомого. Похоже, маленькие мутантики совсем не боялись великана и его сверкавших секир.

— Кто бы мог подумать, что у этих жалких уродцев окажется такой могучий союзник... Нужно предупредить Королеву, — пробормотал Бешеный Блюм.

Он собирался уже ретироваться вслед за своей отступившей армией, как вдруг обратил внимание на одну совершенно нелогичную подробность: хотя земля дрожала от шагов великана, но после них на мягком песке не оставалось следов. Это показалось Блюму подозрительным, и он решил остаться и все разведать до конца.

Прячась в густой траве, он подкрался к библиотеке с противоположной стороны, где монстр и лобастики не могли его увидеть, и забрался с помощью кнута с крючком на крышу. Притаившись за вентиляционной трубой, Блюм смог разглядеть чудовище совсем близко. Теперь, когда монстр стоял неподвижно, он уже не казался таким страшным. Более того, если приглядеться, то можно было заметить, что через его красную кожу просвечивает стена противоположного дома.

Подозрения вождя усилились. Он подставил ухо к вентиляционной трубе и смог уловить обрывок разговора лобастиков на втором этаже библиотеки.

— Здорово мы их надули! — смеялась Бубнилка. — Дедушка, а что произошло бы, если бы карлики не испугались?

— Наш великан безобиднее мухи, — ответил Умник. — Стоит бросить в него горсть земли, и он рассыплется. Чего же ты хочешь — это всего-навсего призрак.

Услышав это, Бешеный Блюм заскрежетал зубами. Всего лишь призрак! Этим лобастикам удалось обвести его вокруг пальца! Ну ничего, он им еще покажет! Никто из тех, кто пытался обхитрить его, долго не задерживался на этом свете. Думают, они самые умные? Как бы не

так! Еще до вечера он принесет Карле их лобастые головы и бросит к ее ногам. Главное только, чтобы Нытик не обманул и прикончил Хвоста. Чем меньше претендентов будет на руку Королевы, тем лучше, а уж победу над монстром он припишет себе, и совсем необязательно рассказывать всем, что это призрак.

Бешеный Блюм спустился с крыши и побежал к Лесу, где ждала его большая часть разбежавшейся армии.

— Жалкие трусы! — закричал он. — Сейчас я на ваших глазах прикончу чудовище или погибну в бою! Оболдуй, дай мне мое копьё!

Адъютант Оболдуй, дрожа, протянул начальнику длинное копьё с красным древком, в наконечник которого был вделан кусочек радиоактивной пластины. Блюм очень гордился этим копьём, потому что раны, нанесенные им, не заживали.

Два карлика, держа красноглазых собак за уши, подвели к предводителю его колесницу. Тот взгромоздился на нее, выставив вперед копьё, и приказал Оболдую завязать собакам глаза, чтобы они не боялись бежать прямо на чудовище.

— Смотрите, как я его прикончу, а потом расскажете Королеве! — крикнул Бешеный Блюм. — Я ничего не боюсь!

Он стегнул собак бичом, те залаяли, и колесница, гремя ржавыми колесами-люками, понеслась к поселку.

Остальные воины, держась на почтительном расстоянии, побежали следом, чтобы посмотреть, как чудовище убьет их командира.

— Когда Блюма прикончат, чур я буду вождем! — закричал Оболдуй.

— А я возьму его копьё! — заявил гнусавый карлик по имени Зюзя.

Великан, размахивая секирой, бросился Бешеному Блюму навстречу: лобастики делали все возможное, чтобы напугать врага и заставить его отступить, но у них ничего

не получалось — тот отлично знал, что призрак не сможет ему навредить.

Подскавав к нему, вождь привстал на колеснице и сделал вид, что проткнул копьем великану живот, хотя на самом деле копье прошло сквозь пустоту. В этот момент Блюм незаметно для наблюдавших карликов бросил в монстра горсть заранее припасенного песка, и в ту же секунду чудовище лопнуло, как надувной шарик, и бесследно исчезло.

Бешеный Блюм остановил собак и гордо сошел с колесницы. К нему подбежали удивленные воины.

— Вы убили монстра, начальник, но где его тело? — удивленно спросил Зюзя.

— Он бросился умирать в болото, — процедил сквозь зубы Блюм и указал копьем в сторону болота, на поверхности которого в этот момент лопались пузырьки газа.

Он видел, что все воины восхищены его подвигом, и только у его адъютанта был какой-то разочарованный вид.

— Он хотел быть вождем вместо вас, повелитель! — наябедничал Зюзя.

— А ты хотел получить его копьё! — крикнул Оболдуй, и спорщики, колотя друг друга, покатались по траве. Бешеный Блюм с презрением перешагнул через них и крикнул:

— А теперь все в атаку! Лобастики должны быть уничтожены!

И лавина карликов верхом на красноглазых собаках понеслась к библиотеке. Лобастики в ужасе смотрели в окно на приближавшихся врагов.

— Они раскусили нашу уловку. Что будем делать? — шепотом спросил Хорошист.

— Защищаться. Другого выхода у нас нет,— мрачно сказал Отелло.

Умник грустно вздохнул и прижал к себе Бубнилку. Оба, старый и малая, не могли сами сражаться, им осталось только наблюдать, как бьются другие.

Враги ворвались в библиотеку через выбитую дверь и бросились к лестнице, но ее предусмотрительно облили постным маслом, и карлики кувыркались вниз, пытаясь ухватиться за поломанные перила. А тут еще Хорошист с Отелло скатили на них со второго этажа пустую бочку, и лестница мигом опустела. Раненые с переломами, ссадинами и свернутыми шеями еле выползали на улицу, ожидая, пока произойдет регенерация¹ их тканей.

Остальные карлики больше не решались ступить на лестницу, они стояли внизу, грозили лобастикам копьями, бросали камни и орали.

Зюзя и Оболдуй, уже помирившиеся после драки, стояли под окном библиотеки и рассуждали.

— Ты веришь в эту... как ее... в интуицию? — спросил Оболдуй.

— Не-а, не верю,— ответил Зюзя, вытирая красный нос большим пальцем ноги. (Карликам это легко проделывать: ноги у них такие же цепкие, как и руки. Не-

---

¹ Регенерация — восстановление структуры тканей, быстрое заживление ран; восстановление утраченных частей живого организма.

которые из них ухитряются даже держать пальцами ног копьё или булаву.)

— А я вот верю,— грустно сказал Оболдуй.— Готов поспорить, мне сейчас кто-нибудь заедет по голове. У меня заранее перед ударом всегда макушка чешется.

Не успел он это произнести, как просвистел падающий на Оболдуя англо-русский словарь...

— Вот это да! Теперь и я верю! — восхищенно изрек Зюзя, разглядывая ноги своего приятеля, торчавшие из-под словаря.

Пятью минутами позже пришедший в себя Оболдуй потер лоб, на котором вздулась огромная шишка, и спросил склонившегося над ним Зюзю:

— Есть у тебя ртуть? Шарахнем по стаканчику за мою интуицию?

Группа карликов под предводительством Бешеного Блюда наспех сколачивала на улице лестницу, намереваясь начать штурм библиотеки сразу с двух сторон.

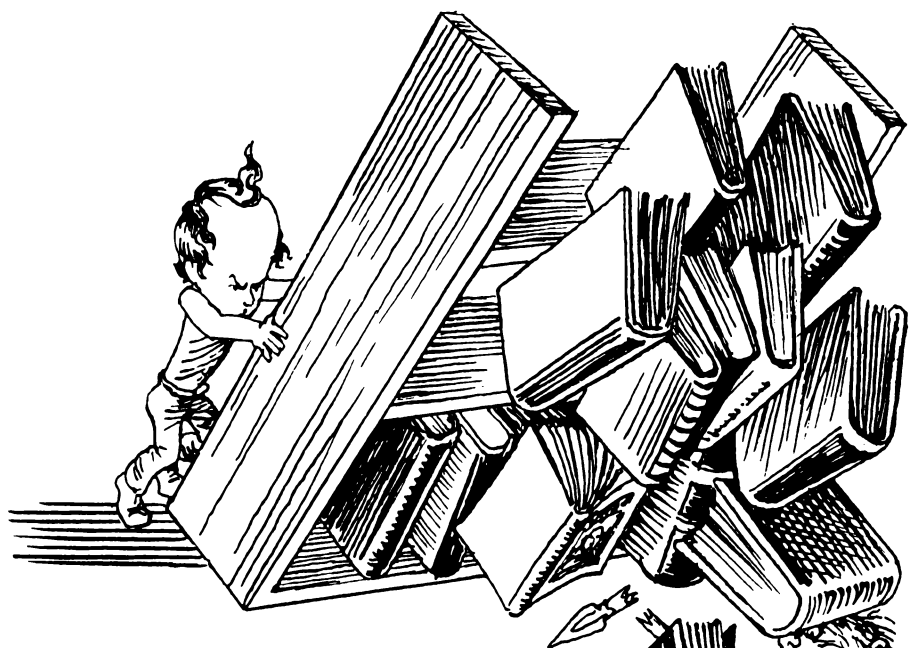
— Быть может, краткость и сестра таланта, но толстыми книжками драться сподручнее. Полцарства за кирпич! — ворчал Отелло, одну за другой швыряя во врагов стопки тоненьких брошюрок о здоровом образе жизни — последнее, что у них оставалось.

Над его головой пролетело тяжелое метательное копьё и воткнулось в библиотечный стеллаж. Его длинное древо со следами древесной коры подрагивало.

Карлики решили начать приступ, и одни уже подтаскивали к окну длинную, грубо сколоченную лестницу, в то время как другие, вскарабкавшись на крышу противоположного дома, метали в лобастиков град камней.

— Где боеприпасы? — закричал Хорошист, бесцельно шаря по подоконнику, но книги кончились, и он запустил в карликов стулом. До него донесся их визг и грохот обрушившейся лестницы.

— Бросайте в них огненные горшки! — раздался с улицы приказ Бешеного Блюда, и в окно влетел горшок с

раскаленными углями. Но он не успел разбиться, а полки не загорелись от углей, так как Умник мысленно удержал горшок в воздухе и катапультировал его в падавших.

Обожженная красноглазая собака заскулила и впилась в икру карлика Зюзи, который с наслаждением жевал стеклянный термометр. Зюзя завопил и, пнув собаку, запрыгал на месте.

— Это тебе за то, что ты со мной термометром не поделился! — захихикал Оболдуй.

— Умри, несчастная! И почему писатели пишут такие тонкие книжки! Из-за них мы погибнем!

Еще бы сто романов — и мы бы спаслись! — трагически вскричал Отелло и, не надеясь на пощаду, стал выдергивать из стены копьё, чтобы сражаться до последнего.

В окно влетело еще несколько горшочков с углями. Умник не успел их перехватить, и разбросанные по полу обрывки газет мгновенно воспламенились.

С улицы раздалось радостное «ура!» врагов, они зацепили лестницу за подоконник и поползли наверх...

Отелло, Хорошист и Умник защищались, как львы. Хорошист размахивал палкой, расшвыривая наседавших на него карликов, Отелло сбрасывал их копьём, а Умник опрокидывал на карликов книжные полки, чем на время сдержал их натиск. Но кислый дым от горящих газет заполнил помещение, мутантики стали задыхаться, глаза их слезились, они почти уже ничего не видели, и враги, воспользовавшись этим, пленили их, обмотав кнутами.

— Прикончите лобастиков и накормите собак! А головы сложите в мешок! — крикнул Бешеный Блюм. Он спрыгнул с подоконника и, морщась от дыма, замахнулся на связанного Отелло булавой, чтобы убить его первым, но тут с улицы донесся голос Оболдуя.

— Начальник, к вам гонец от Королевы! Срочно!

Вождь подошел к окну. Рядом с Оболдуем стоял запыхавшийся длинноногий мальчик из свиты Рыжей Карлы. Блюм и раньше видел его в тронном зале, когда он обмахивал Королеву веером, отгоняя назойливых реакторных мух.

— Чего тебе надо, щенок? Не мог подождать, пока я прикончу пленников? — крикнул Блюм.

— Вождь, повелительница хочет, чтобы пленников доставили ей живыми! — сказал гонец, низко кланяясь Блюму. — Они нужны ей для Большого Паука.

— Для Большого Паука?

Жестокий Блюм помрачнел. Даже он боялся Большого Паука, мерзкого чудовища, жившего в обширном подвале взорвавшегося реактора, в котором уровень радиации до

сих пор был огромным: там даже стены светились. Большой Паук, гигантский, как сто карликов, со светящимся скользким туловищем, обычно неподвижно располагался в самом центре своей паутины и спал.

Но каждый год, примерно в одно и то же время, Большой Паук начинал шевелиться и издавать низкие, скрежещущие звуки, это означало, что он проголодался и ему нужно принести кого-нибудь в жертву. Карлики бросали в его паутину пленников — шерстюш и лобастиков и наблюдали, как чудовище высасывает у них мозги. Насытившись, оно затихало еще на год. Карлики считали Большого Паука покровителем своего народа, и ужасные жертвоприношения продолжались у них на протяжении нескольких поколений.

— Он опять зашевелился в паутине? — спросил Блюм после некоторого молчания.

— Да, начальник. Паук голоден и требует жертву, — сказал гонец.

Вождь повернулся к пленникам:

— Вам повезло. Вы умрете еще не сейчас, но зато куда более мучительно. Свяжите их покрепче и погрузите на мою колесницу. Я сам отвезу их к Королеве.

Карлики грубо выкинули лобастиков прямо из окна, едва не переломав им при этом кости, потом привязали их к колеснице и начали стегать голодных собак, чтобы они побежали резвее.

На колеснице мутантиков было только трое: Хорошист, Умник и Отелло. Бубнилка куда-то исчезла, и лобастики искренне надеялись, что малышке удалось убежать, когда весь второй этаж был в дыму.

— Пока Бубнилка жива, наш род не прервется, — прошептал Хорошист. — Умник, ты цел?

— Тела не чувствую, все онемело от веревок, — пожаловался старик. — Отелло, а ты как?

— Да вроде ничего, — шепотом ответил тот. — Может, нам еще и удастся выбраться.

Бешеный Блюм влез в колесницу рядом с лобастиками, проверил, хорошо ли они связаны, и погнал собак к реактору.

— Паучок проголодался, нужно поторопиться,— объяснил он пленникам и омерзительно захохотал.

Колесница, грохоча, выехала из поселка, а за ней на собаках скакала кавалерия и маршировала пехота.

Когда последний карлик покинул библиотеку, из-под перевернутой книжной полки выглянула Бубнилка. Она была совсем маленькая, и карлики ее не заметили. Думая, что остальные лобастики погибли, Бубнилка, всхлипывая, вышла из библиотеки и направилась к видневшемуся в отдалении лесу. Она чувствовала себя самой несчастной в мире. Бубнилка зашла в лес, села под кустиком и заревела, вытирая глаза лопухом.

Неожиданно она услышала сзади чей-то голос:

— Не плачь, малышка. Мы тебя защитим. Кто ты?

Бубнилка обернулась и увидела Трюшу и Бормоглотика, присевших рядом на корточки и с сочувствием глядевших на нее.

Глава седьмая СТАРЫЙ ГОРОД

Жизнь — штука простая, но это не значит, что в ней нет места чуду.

*Пупырь Великий
(дедушка нашего Пупыря)*

Трюша и Бормоглотик спешили как могли, чтобы предупредить дедушку Мокея о нападении карликов. Но еще издали они учуяли запах гари и поняли, что враги их опередили. Над полянкой, где стоял шалаш лесника, поднимался дым. Когда мутантики осторожно выглянули из кустов, все уже было кончено.

Лесник Мокей был убит, его шалашик из сухих веток сожжен, а олени (две лани с оленятами и один взрослый олень-самец с роскошными рогами синего цвета), которых Мокей обычно кормил в это время, стояли на поляне и удивленно смотрели на пепелище, не понимая, куда исчез добрый старый лесник и почему он к ним не выходит. Заметив Трюшу и Бормоглотика, олени испуганно сорвались с места и умчались в чащу.

Все еще надеясь, что дедушке Мокею удалось стать невидимым и убежать, друзья подошли к шалашу и увидели на траве кровь. Чуда, в которое им так хотелось верить, не произошло. Похоже, карлики подкрались к леснику сзади, когда он вышел кормить оленей, оглушили его булавой или метательным камнем и утащили с собой.

Трюша, хорошо знавшая дедушку, стала всхлипывать, нос ее набух, как спелая груша.

— Сейчас не время плакать, нужно предупредить остальных,— сказал Бормоглотик и, подойдя к висевшему на дереве тазу, который карлики, к счастью, забыли снять, несколько раз сильно ударил по нему толстой веткой.

Звон разнесся далеко по всему лесу, подхваченный ветром. Подождав немного, мутантик снова ударил по тазу, и бил по нему до тех пор, пока ветка не сломалась.

— Надеюсь, что кто-нибудь услышал,— сказал он Трюше.

И кто-нибудь в самом деле услышал. Кусты затрещали, и на поляне появился запыхавшийся Толстый Грыз со своими воинами. Они ушли еще не очень далеко и, услышав набат, бросились на поляну, сообразив, что там должен кто-то быть.

— Если Королева догадается, что мы проворонили мутантиков, она скормит нас Пауку! — крикнул Грыз.

Реакторные карлики погнались за Трюшей и Бормоглотиком, но те хорошо знали лес и сумели затеряться в густых зарослях краснотала, переходивших в березовую рощицу. В березовой рощице друзья залезли на дерево

и, притаившись в густой листве, видели, как карлики пробежали мимо них в сторону Свалки.

— Странно, что они не взяли с собой собак, которые бы нас выследили,— сказал Бормоглотик, когда треск сучьев под ногами у их неуклюжих преследователей затих вдали.

— Собаки слишком громко лают, а карлики хотели напасть тайно,— предположила Трюша.

Приятель пристально посмотрел на нее:

— Послушай, а почему ты не стала невидимой, когда они чуть не догнали нас? Я же кричал тебе!

— Я не хотела оставлять тебя одного,— сказала девушка, отводя взгляд, и нос ее опять стал пунцовым.

— Нам нельзя оставаться на месте,— озабоченно заметил Бормоглотик.— Карлики могут вернуться.

И, чутко прислушиваясь, не слышны ли голоса или топот врагов, они спустились с дерева и пошли по тропинке мимо заброшенного поселка. В густых зарослях лопуха на небольшой полянке они услышали тоненький плач и увидели маленькую девочку-лобастика.

— Меня зовут Бубнилка,— сквозь слезы проговорила она.— А вы шерстюши? Мы посылали вам письмо с воро-о-оной!

Наконец, немного успокоившись, девочка рассказала, как реакторные карлики ворвались в библиотеку и схватили всех лобастиков, и только ей удалось спрятаться. Вспоминая о том, как враги забросали их зажигательными горшками и ничего не стало видно из-за дыма, малышка снова начала всхлипывать.

— Уже смеркается,— сказал Бормоглотик, посмотрев на сереющее небо.— Пупырь и Мумуня ждут нас в ка-мышах.

— Можно я пойду с вами? — с надеждой спросила Бубнилка.

— Не волнуйся, мы бы и не оставили тебя одну.— И Трюша взяла девочку за руку.

Когда они подошли к топкому берегу ручья, где в камышах их должны были ждать Пупырь и Мумуня, стало уже почти совсем темно, и каждый шорох, непонятный звук в лесу,— а ночной лес всегда полон пугающих звуков,— заставлял их вздрагивать.

— Пупырь! Мумуня! — негромко крикнула Трюша.— Мумуня! Пупырь!

Они звали еще долго, но никто не откликнулся, только сухо шуршали верхушки камыша.

— Их здесь нет,— сказал Бормоглотик.— Они еще не пришли, если только...— И сразу замолчал.

— Что «если только»? — Трюша с беспокойством схватила его за руку.

— Ничего.— Он замялся, сообразив, что едва не сказал лишнего.— Мало ли какое может быть «если только». Я имею в виду, они могли и немного задержаться.

С кваканьем из камышей высочила трехглазая жаба Биба и прыгнула прямо в руки Бормоглоту.

— Ну вот: здрасте — подвинься! — удивился тот.— Откуда ты здесь взялась, Биба? А что у тебя во рту? А ну, покажи!

Он встряхнул недовольную жабу, и на ладонь Трюши упало маленькое колечко с блестящим камушком.

— Это колечко моей мамы, она никогда с ним не расставалась! — ахнула девушка.— Значит, Мумуня была здесь! Почему она не дождалась меня? Неужели ее схвати...

— Не волнуйся,— быстро перебил Бормоглотик.— Биба могла стащить колечко при пожаре, спрятать его во рту и носить весь день. Она вечно таскает все во рту.

— Давайте посмотрим в камышах, вдруг найдем там кусочки твоей мамы! — предложила Бубнилка. Как многие очень маленькие дети, она говорила все, что приходило ей в голову, не задумываясь над тем, как это может быть воспринято.

Увидев, как вздрогнула Трюша и как мгновенно похолодела ее рука, Бормоглотик набросился на малышку:

— Как ты могла такое сказать? Ты что, совсем глупая?

— Я только сказала то, что ты подумал,— сказала лобастик.

— Я этого не думал! — запротестовал Бормоглотик, заметив, как в ужасе отшатнулась от него Трюша.

— Нет, подумал! — заупрямилась наивная Бубнилка.— Мы, лобастики, умеем читать мысли! Ты подумал: «Вдруг сюда прибежали красноглазые собаки и разорвали ее?» А про кусочки я уже сама придумала.

— Не спорь, Бормоглот. Может, ты и прав. Давайте пойдем в камыши и посмотрим,— тихо сказала Трюша, и мутантик поразился ее мужеству.

Ярко светила багровая луна. Каждый кратер и каждая выбоина на ее поверхности были отчетливо видны. После исчезновения озонового слоя над Землей и луна и солнце на заходах и восходах стали ярко-красными, а звезды можно было рассмотреть даже днем.

Жаба Биба прыгала впереди по камышам, показывая дорогу, а Трюша, Бормоглотик и Бубнилка следовали за ней. Наконец Биба остановилась и заквакала. На потрескавшейся от долгой засухи земле лежала пустая упаковка из-под слабительных таблеток и тщательно свернутый фартук Мумуни.

Бормоглотик поднял фартук: крови на нем не было, и тесемки были не оборваны, а аккуратно развязаны. Это немного успокоило хвостатенького мутантика, значит, Мумуня сняла его сама, и карлики или красноглазые собаки не разорвали ее. Но в то же время, раз Пупырь и Мумуня не дождались их, значит, случилось что-то серьезное, возможно, за ними гнались и они боялись привести погоню к ручью.

Друзья прождали их еще несколько часов. Наступила уже середина ночи, луна совершила почти треть своего пути по небу, а Пупыря и Мумуни все не было. С другой стороны ручья, от Болотца и от Зарослей Красноглазых Собак, тянуло гарью и видно было алое зарево.

— Это со Свалки,— сказала Трюша.

Внезапно задремавшая на Мумунином фартуке Бубнилка застонала и подняла голову.

— Мне приснилось, что нас схватили! Давайте спрячемся!

— Ерунда, малышка! В сны не надо верить! — засмеялся Бормоглотик.

— Нет, надо! Нам, лобастикам, снятся не простые сны, а только вещие.

Поверив ей, мутантики затаились под мостом, и правильно сделали. Вскоре над их головами загрохотали шаги, деревянный мостик закрипел и стал раскачиваться. По нему шли два карлика-лазутчика и везли тачку с награбленным добром. Впереди них на поводке, привязанный к тачке, бежал красноглазый пес с кучым хвостом.

Почуяв мутантиков, собака зарычала и натянула поводок, царапая передними лапами доски мостика. Тачка накренилась, и в ручей из нее что-то упало.

— Нытик, твой пес опрокинул тачку! — закричал один карлик на другого.— Уйми его, или я проломлю ему голову булавой!

— Он кого-то почуял, Плю,— раздался сиплый голос второго карлика.— Небось где-то в камышах прячутся сбежавшие шерстюши! Я спущу его с поводка, и мы на них поохотимся!

— У нас нет времени. Большой Паук зашевелился. Мы можем не успеть на жертвоприношение. Я не хочу пропустить такое потрясающее зрелище,— заспорил Плю.— Наши говорят, Бешеный Блюм захватил нескольких живых лобастиков и хочет бросить их Пауку.

Услышав такое, Бубнилка не выдержала и тихонько всхлипнула. Пес залаял и снова стал рваться, но Нытик дернул за поводок и пнул ногой:

— Цыц, Мухомор! Сидеть!..

— Ну, ты долго еще? — нетерпеливо спросил Плю.— Сколько мы будем стоять? У меня от одного вида воды голова кружится.

— Ладно, ты меня уговорил. Я сам не хочу опоздать на жертвоприношение. Только давай подожжем камыши, и пускай эти уроды, если они там в самом деле есть, сварятся заживо! — Нытик противно захихикал и вытащил горшочек с углями. Он стал дуть на угли, пока они не покраснели, а потом бросил горшок в сухой камыш. Заросли запылали, а карлики, полюбовавшись немного этим зрелищем, подхватили тачку и побежали к реактору, где их ждала Рыжая Карла.

Чтобы не задохнуться от дыма, Бормоглотик, Трюша и Бубнилка прыгнули в ручей и перешли его вброд. Вода едва доставала им до пояса, так обмелел он в последнее время.

— Вы слышали, что карлики сказали о Пауке? — спросила Бубнилка.— Они хотят накормить его лобастиками! Значит, мой папа, дедушка Умник и дядя Отелло пока живы!..

Неожиданно малышка замолчала и укоризненно посмотрела на Бормоглотика.

— Ну вот опять!.. Ты только что подумал, что они обречены! — укоризненно сказала она.— И что если еще не погибли, то вот-вот погибнут. Неужели тебе приятно думать о плохом?

— Прости,— расстроился Бормоглотик.— Я не хотел об этом думать, само подумалось.

Они вышли на противоположный берег и оглянулись. Над камышами с треском поднималось яркое пламя, и метров на сто вокруг было светло как днем. Огонь мог перекинуться на сухой лес, и тогда начался бы большой пожар, от которого могла выгореть вся роща. Хорошо еще, что было безветренно. Из камышей вылетали встревоженные двухголовые утки и с криками носились над ручьем. В зарослях остались гнезда, и те утки, которые

уже успели высидеть птенцов, теперь торопились увести их к ручью.

Надеясь найти Пупыря и Мумуню, Бормоглотик и Трюша стали пробираться к Свалке. Путь их лежал через Заросли Красноглазых Собак, и один раз они даже слышали издалека их вой. Но, видимо, псы испугались отблесков огня и не выглядывали из чащи, а может быть, хотя об этом не хотелось думать, они были уже сыты...

— Бормоглотик, ты боишься? — спросила Трюша, прижимаясь к его теплому боку.

— Я боюсь? С чего ты взяла? Я никогда ничего не боюсь! — заверил ее мутантик и опасно покосился на Бубнилку, не заметила ли она опять, что он говорит не то, что думает. Все-таки ужасно неприятно, когда кто-нибудь заглядывает тебе в голову и читает твои мысли.

Но Бубнилка молчала, она шла впереди, низко опустив голову, и смотрела себе под ноги. Ее тоненькая косичка, в которой вместо бантика была прищепка, изредка вздрагивала.

И вот наконец Заросли Красноглазых Собак остались позади и друзья вышли к Свалке, которая, как и камыши, была освещена красным заревом. Карлики обожали все поджигать, и после них везде оставалось только пепелище. В мерцании огня плясали маленькие силуэты карликов, которые продолжали грабить поселок. Они вытаскивали из домов все, что представляло для них ценность, грузили на тачки и самокаты и волокли в свои норы под реактором. Из поселка доносились их торжествующие крики и пьяный смех.

Трюша, Бормоглотик и Бубнилка едва успели спрятаться, как мимо них на трехколесном велосипеде проехал Собачий Хвост. На шее у него висели женские бусы, а к велосипеду была привязана тележка, на которой лежало несколько отрубленных голов. Но чьи они, в темноте разобрать было трудно.

За Собачьим Хвостом на самокатах ехали карлики из его личной охраны. Они с завистью оглядывались на пылающий поселок, где продолжались грабеж и попойки. Хвост взял телохранителей, потому что опасался за свою жизнь, допуская, что его соперник уже послал кого-нибудь убить его. Сегодня Блюму бы это простилось, потому что все только и говорили о его победе над шестируким великаном. Даже карлики из отряда Собачьего Хвоста, обычно испытывающие неприязнь к Бешеному Блюму, сегодня были восхищены его мужеством.

— Слышал, Блюм победил монстра? Ткнул его копьем в живот, тот и сдох! Это потому что у него копье заговоренное! — прошептал один из телохранителей Хвоста у него за спиной.

— Да, нашему Хвостике такого вовек не сделать, — тихо подтвердил другой. — У него даже такой колесницы, как у Блюма, нет, только трехколесный велосипед. А уж как выпендривается!

Их начальник сделал вид, что ничего не слышал, хотя все в нем клокотало от злости. Сегодня Блюм — герой, и наверняка слух о его победе уже дошел до Королевы. «Если не считать монстра, — завистливо думал «Хвост», — ему досталась легкая победа — лобастиков меньше, чем шерстюш, и они не умеют становиться невидимыми».

Молодой вождь остановил велосипед и повернулся к телохранителям:

— Хочу вас предупредить кое о чем. Если Карла узнает, что вы смогли убить только десяток шерстюш, а остальные разбежались, она побросает вас в пруд. Поэтому скажете, что остальные шерстюши сгорели. Все поняли?

Телохранители закивали. Они отлично знали нрав своей Королевы и не сомневались, что, узнай она правду, не миновать им пруда.

— Клянемся Злом, мы будем молчать, — твердо обещали они.

— Вот и отлично, а то я приказал бы отрезать вам языки и скормил бы их псам,— процедил сквозь зубы Хвост и поехал по дороге в сторону реактора, где в тронном зале его уже ждала Карла с отчетом об операции.

Когда отряд проехал, маленькие мутантики осторожно вышли из своего укрытия.

— Слышали, о чем они говорили? — радостно спросил Бормоглотик.— Многим шерстюшам удалось убежать!

— Многим, да не всем,— грустно сказала Трюша.— Видел головы? Какие же мерзкие эти карлики! Они совершенно бессердечные!

— Ошибаешься, у каждого из них по два сердца, но, видимо, дело не в них,— печально заметил Бормоглотик.

— Я хочу сходить на Свалку и посмотреть, нет ли там моих родителей. Вдруг они попали в беду? Как только я подумаю о том, что их головы могли быть среди...— Голос Трюши задрожал.

— Не говори ерунды! Пупырь и Мумуня знали об опасности и были очень осторожны! — решительно сказал ее друг, чтобы рассеять у девушки все сомнения.— А на Свалку тебе нельзя — там полно карликов.— И он указал на множество крошечных фигурок, суетившихся вокруг горящих домов.

— Ну и что, что полно. Я стану невидимой! — сказала Трюша.— Я уже два дня не становилась невидимой, и у меня есть небольшой запас. Минут на пять, я думаю, хватит. Ждите меня, я скоро вернусь!

Трюша хотела уже бежать на Свалку, а Бормоглотик не знал, как ее остановить, и решил идти с ней, чтобы защитить подругу от опасности, как вдруг Бубнилка осторожно дотронулась до ладони девушки. Ее маленькая бледная мордашка с огромными, как у всех лобастиков, ведущих ночной образ жизни, глазами, была очень серьезна.

— Ты ищешь своих родителей? — спросила она.— Их зовут Пупырь и Мумуня? Я знаю, где они.

— Откуда? — Трюша присела рядом с малышкой на корточках.— Как ты можешь это знать, если ты их никогда не видела?

— Я только учусь читать мысли, потому что я еще не совсем выросла,— тихо сказала Бубнилка.— Иногда я могу читать их близко, а иногда далеко, но только если это очень сильные мысли. Я не знаю, как это объяснить, но порой мысли бывают сильными и отчетливыми, а подчас очень слабыми и смутными. Твои родители попали в капкан, карлик по имени Толстый Грыз схватил их. Я почувствовала это еще давно, но только сейчас поняла, что они твои мама и папа, ведь я раньше не знала, как их зовут.

— В какой капкан? — переспросила Трюша, все еще надеясь, что малышка ошибается.— Откуда у нас в лесу капканы?

— Я точно не знаю,— пожала плечиками Бубнилка,— но, кажется, это была ловушка для синерогих оленей. Карлики расставили ее на тропинке, а когда Пупырь пробежал мимо, на него свалилась сеть. Мумуня ждала его на берегу ручья, а потом забеспокоилась, что мужа долго нет, и побежала за ним. Она уже почти распутала Пупыря, но тут на нее тоже упала сеть. Кажется, карлики всегда расставляют ловушки по две на случай, если один олень захочет помочь другому.

— Какой ужас! — Трюша, чтобы не закричать, зажала рот ладонью.

— А потом прибежали красноглазые собаки, и Пупырь с Мумуней стали невидимыми, собаки бегали вокруг и рычали, не понимая, куда они делись,— продолжала девочка, напряженно наморщив лобик и прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Она словно бы складывала единую картину из разрозненной мозаики.— А Пупырь и Мумуня так и лежали, запутанные в сетках, невидимость их кончалась. А когда она уже совсем пропала, появился Толстый Грыз с воинами, прогнал собак и схва-

тил твоих родителей. Вначале хотел их убить, а потом вспомнил про Большого Паука и про то, что чудовище любит получать свою добычу живой... И Грыз потащил их к реактору...

— А что с ними сейчас? Ты слышишь их мысли? — Бормоглотик, сам того не замечая, схватил малышку за плечи и встряхнул.

— Мне больно! — пожаловалась Бубнилка. — Не сжимай меня!

— Прости, я не хотел. — Хвостатый мутантик, спохватившись, отпустил ее. — Ты знаешь, что с Пупырем и Мумуней сейчас?

— Не знаю, — плаксиво сказала девочка. — Стенки у реактора толстые, я не могу ловить мысли сквозь них. И еще там в реакторе слишком много злобных и страшных мыслей, они бродят целыми стаями, бьются в стенки... я их боюсь.

Друзья долго молчали, обдумывая сложившееся положение. Только в кармашке Мумуниного фартучка, который был теперь на Трюше, спросонья поквакивала Биба. Жабе было хоть бы хны, напали карлики или нет, потому что в кармашке было тепло и животик у нее был туго набит вкусненькими слабительными таблеточками, аспиричиком, глюконатиком кальция и кусочками горчичников.

— Мы должны пробраться в реактор и помочь Пупырю, Мумуне и лобастикам, пока их не отдали Пауку, — решительно сказал Бормоглотик. — Я подумал о Старом Городе. Со стороны луга к реактору не подобраться, там мощные укрепления и карлики стерегут ворота день и ночь, а со стороны Старого Города — я это сам видел — к реактору идут подъездные пути. Там очень влажное место, из-под земли бьют родники, и мне кажется, что карлики редко там бывают. Они ненавидят воду.

— Через Старый Город? — с ужасом переспросила Трюша. — Оттуда еще никто не возвращался живым.

— Ты забыла обо мне,— напомнил Бормоглотик.— Я же ходил туда целых два раза, и хоть бы что.

— Это потому, что ты не заходил дальше пригорода, а все ужасы начинаются уже в самом Городе,— сказала девушка.

О Старом Городе среди мутантиков ходило множество самых страшных слухов и легенд. Говорили, что там живут чудовища, намного более ужасные и злобные, чем карлики и красноглазые собаки. Еще говорили, что никто из тех, кто бывал в Городе,— не в пригороде, а в самом Городе! — никогда не возвращался. Случалось иногда, что целые экспедиции мужественных мутантиков переходили через железнодорожную линию, отделявшую предместье от самого Города. Из таких экспедиций не возвращался никто, только эхо иногда доносило со стороны города крики боли и ужаса, а потом — нечто похожее на рев чудовищ. А потом земля начинала дрожать, как если бы происходили обвалы и камнепады.

Даже карлики, чей реактор был почти рядом со Старым Городом, никогда не решались переходить границу, и, можете поверить, у них были на то очень веские причины. Около пятнадцати лет назад две сотни лучших реакторных карликов, вооруженных до зубов, под предводительством предыдущей Королевы Тушенки-IV отправились на завоевание Старого Города. У них было более пятидесяти колесниц, катапульты, тараны, огромные запасы металлических копий и камней, рядом с карликами бежало более сотни красноглазых собак, отлично выдрессированных и жестоких,— и из всего этого войска не вернулся никто, только прибежала одна собака и тут же издохла, хотя никто не видел ее ран.

О Тушенке-IV и ее гвардии больше никто никогда ничего не слышал. После исчезновения бывшей Королевы власть в реакторе захватила Рыжая Карла. Она не имела наследственного права, но была хитра, коварна и опиралась на поддержку некоторых вождей, которых потом перессорила

друг с другом и постепенно сжила их со свету. Это черепа бывших соратников с пустыми глазницами и оскаленными зубами торчали на копьях вокруг ее трона.

Разумеется, после такого грандиозного провала захватнического плана о штурме Старого Города карлики и думать забыли и только изредка с ужасом косились на огромные многоэтажные дома по ту сторону железной дороги, которую теперь никто из них не решался переступить.

— В Старый Город так в Старый Город! — сказала Трюша очень решительно, мечтая только о том, чтобы и внутренне чувствовать себя так же решительно, как она это произнесла.

Бубнилка поправила прищепочку на своей косичке.

— Я тоже п-пойду, — заявила она, чуть-чуть заикаясь от страха. — Вы же не оставите меня од-дну?

Бормоглотик посмотрел на них и покачал головой:

— Да, гвардия у меня еще та. Две девчонки! — вздохнул он. — Ну что ж, выбора нет... Как вы смотрите на то, чтобы поплыть в Старый Город по ручью? По-моему, это самый короткий путь.

Бубнилка и Трюша не возражали. Правда, малышка пропищала, что не умеет плавать, но, если придется, все равно поплывет, вцепившись в какую-нибудь палочку и сильно-сильно работая ногами.

— Я ценю твое самопожертвование, но у меня есть лодка, — улыбнулся Бормоглотик. — Очень большая и хорошая лодка, даже с парусом! Хотя ручей порядком и обмелел, течение в нем все равно быстрое.

Они пробежали через заросли и вышли к ручью чуть выше моста. Камыши еще немного дымились, но из земли уже пробивались верхушки новых камышей. В условиях радиоактивных осадков, выжигавших почву, многие растения сумели приспособиться и успевали завершить весь свой жизненный цикл за один-два дня — от дождя до дождя.

- А твоя лодка не сгорела? — спросила у друга Трюша.
— Сейчас узнаем, потерпи немного.

Бормоглотик перешел вброд ручей, на минуту скрылся в темноте, а потом вернулся, толкая перед собой по воде большое жестяное корыто. Внутри его лежали надувные подушечки, чтобы мягко было сидеть, а на борту светившейся в темноте краской была сделана надпись: «Отважный Первопроходец».

— Это и есть твоя лодка? А она нас всех выдержит? — Трюша с сомнением оглядела корыто.

— А вот это мы проверим,— заявил мутантик.

Он подогнал корыто и помог девочкам залезть в него. Трюша, держась за руку Бормоглотика, прыгнула в корытце прямо с берега, чтобы не замочить мохнатенькие ножки в туфельках на каблучке.

«Отважный Первопроходец» едва не опрокинулся и просел под их тяжестью. Девушка взвизгнула, но лодка выровнялась, и оказалось, что она очень устойчиво держится на плаву.

— Я чуть не упала в воду! — пожаловалась Трюша.

— Сама виновата — не надо было прыгать. Ну что, выходим в открытое море? — И Бормоглотик оттолкнулся коротким самодельным веслом. Корыто покачнулось, цапнуло дно и выплыло на середину ручья. Быстрое течение подхватило его и понесло вдоль высоких берегов. Кошачий мутантик стоял на носу «Отважного Первопроходца» и веслом направлял движение лодки, отталкиваясь от дна.

Для важности он даже надел белую капитанскую фуражку, которую раньше прятал под надувными подушками. Капитанская фуражка все время сползала ему на глаза, закрывая обзор, и Бормоглотика приходилось то и дело поправлять ее. Эту фуражку, как и подушки, и само корыто, и вкусненькие лекарства, и другие свои богатства мутантик притащил из маленького магазинчи-

ка, который обнаружил на окраине Старого Города во время одного из своих последних походов.

— Ну, как вам плавание? Правда, не хуже, чем на яхте? — спросил он через некоторое время, оборачиваясь к своим спутникам.

— На яхте? По-моему, это больше похоже на подводную лодку, — сказала Трюша, опасливо глядя куда-то вперед.

— Почему? — удивился Бормоглотик.

— А потому что мы сейчас врежемся в сваю и наша надводная лодка станет подводной, — объяснила девушка и, зажмурившись, вцепилась ручками в борта корыта.

Капитан схватился за весло, и только в последнюю секунду, сильно оттолкнувшись, сумел избежать столкновения с торчавшей из ручья бетонной сваей.

— И как я ее сразу не заметил! — воскликнул он, когда опасность уже миновала.

— Потому что ты хвастался, — сказала Трюша, открывая сначала один глаз, а потом другой.

Они плыли уже около получаса, когда направление ручья круто изменилось и впереди показался небольшой водопад. «Отважного Первопроходца» закрутило на стремнине, протащило по камням и сбросило с водопада. Только широкое дно корабля и мелководье спасли путешественников от корытокрушения. Трюша, Бормоглотик и Бубнилка свалились друг на друга и образовалась такая сложная куча мала, что в темноте долго нельзя было разобрать, где чья рука или нога и чей это пушистый хвостик выглядывает из-под Трюши. Бормоглотик некоторое время разглядывал его в недоумении, размышляя, откуда у его подруги вдруг взялся хвост и как он его раньше проглядел, а потом догадался, что хвост был его собственный.

Когда маленькие мутантики наконец разобрались, что к чему, и вновь приняли вертикальное положение, корыто уже выровнялось, миновало стремнину и тихо покачивалось на спокойной глади ручья.

— Дядя Бормоглотик, а ты когда-нибудь раньше плавал по этому ручью? — спросила Бубнилка, потирая ушибленный о борт лобик.

— Ну как тебе сказать... Вообще-то только вверх по течению к своему Болотцу, а там вставал на якорь, — признался кошачий мутантик, зная, что, соври он, малышка все равно прочтет правду в его мыслях.

— Так я и думала, — хихикнула Трюша. — Наш отважный капитан, оказывается, не так опытен, как хочет выглядеть со своей фуражкой.

Но самая трудная часть их путешествия была еще впереди. Камыши на берегу закончились, и течение несло «Отважного Первопроходца» на открытое место. Здесь ручей разливался шире, течение уменьшило свой бег, и корыто ползло еле-еле, несмотря на то, что Бормоглотик сильно отталкивался веслом.

Неожиданно раздался злобный лай, и на берег выскочили три карлика с рычащими красными глазами псами на поводках. Это были солдаты из отряда Толстого Грыза, охотившиеся за шерстюшами и лобастиками, избежавшими смерти и укрывшимися в Странном Лесу. Увидев своими зоркими глазами дрейфующее на ручье корыто, а в нем мутантиков, карлики издали торжествующий крик. Рыжая Карла обещала по ведру ртути за каждого убитого беглеца, и солдаты предвкушали желанную награду.

Не решаясь сунуться в воду, карлики с берега забрасывали корыто камнями и копьями, а так как оно проплывало совсем близко от берега, ни один метательный снаряд не пролетал мимо цели. Мутантики бросились на дно корыта и вздрагивали, когда о жестяные стенки

их корабля барабанили камни. Теперь Бормоглотик не мог больше отталкиваться веслом — ведь стоило ему высунуться, он мгновенно был бы убит или ранен, поэтому корыто замерло на месте, совсем не продвигаясь вперед, и служило отличной мишенью для карликов.

Солдаты не торопились, растягивая удовольствие. Задача казалась им совсем простой — всего несколько метров воды разделяло их и мутантиков. Видя, что те надежно укрыты железными стенками корыта от камней и копий, а сама посуда хорошо держится на воде и не переворачивается, один из карликов со свистом раскрутил кнут, и крючок на его конце впился в капитанскую фуражку на голове Бормоглотика. Солдат потянул кнут, и фуражка маленького мутантика, взмыв в воздух, оказалась у него в руках. Карлик нахлобучил фуражку на заросшую шерстью макушку и снова стал раскручивать кнут. На этот раз он собирался зацепить крючком одну из ручек корыта и притянуть его к берегу.

Красноглазые псы натягивали поводки и рвались в ручей, они уже даже не лаяли, а хрипло сипели от злобы. В отличие от карликов псы не боялись воды и были полны решимости опрокинуть корыто и растерзать прятавшихся в нем мутантиков. Но солдаты и сами надеялись вот-вот заполучить добычу и не спускали псов с поводков.

Кнут со свистом рассек воздух, и крючок зацепился за ручку корыта, подтягивая его к берегу. Понимая, что это их последний шанс, Бормоглотик быстро высунулся из корыта и ударил по натянутой веревке веслом. Не ожидавший этого, карлик выпустил кнут и, потеряв равновесие, упал в ручей. Барахтаясь, он завопил от ужаса, хотя у берега было мелко и вода едва доставала ему до груди.

— Тону! — орал он, колотя руками по воде и не замечая, что стоит на дне. — Дайте же мне копьё, чтобы я

мог за него ухватиться! Жлоб! Кука! Чего же вы ждете! Спасайте меня!

Кука, сжалившись, хотел было протянуть ему копье, но карлик Жлоб удержал его.

— Мы не обязаны тебя за просто так спасать. Что ты нам дашь за свое спасение? — спросил он у тонущего.

— Все отдам! — заорал бедняга, пуская пузыри. — Жлоб, не будь гадом!

— И кошелечек с монетками дашь? — спросил Кука, присаживаясь у берега на корточки и с жалостью наблюдая за утопающим.

— И кошелечек! Все отдам!

— И кусочек уранового стержня? — добавил Жлоб.

— Грабьте меня, только спасите! Ну что же вы, мне же больно! — визжал тонущий.

Течением его отнесло от берега на середину ручья и закружило в омуте от вывороченного столба.

— И норку свою отдашь? — потирая ладошки, спрашивал Жлоб.

— Все! Все отдам! Тону! — Карлик исчез под водой, но через минуту, оттолкнувшись ногами, опять вынырнул.

— Ну хорошо! Цени мою доброту! — Кука протянул ему конец копья, но когда утопающий уже почти ухватился за него, вдруг резко отдернул руку.

— Э-э! Стоп! — засомневался он. — А если мы тебя спасем, а ты нас надуешь?

С пронзительным душераздирающим криком «Гаады!» карлик скрылся под водой и больше уже не показывался.

Солдаты прождали минут пять, а потом Кука недоверчиво сказал:

— Придуривается, хочет, чтобы мы сбавили цену. Как ты думаешь, Жлоб?

Тот почесал заросший рыжей шерстью живот и сказал:

— А может, и не придуривается... А коли и вправду утоп, спишем на боевые потери.

Карлики увидели, что вместе с пузырями чуть ниже по течению всплыла капитанская фуражка, и переглянулись, сообразив, что их товарищ и в самом деле утонул.

— Ты был моим лучшим другом, мы с тобой вместе росли! — прослезился Кука. — Теперь твоя норка под фундаментом в три комнатки опустела! Какими глазами я посмотрю на твою вдову? Она такая молоденькая, толстененькая, пышненькая, и осталась одна-одинешенька. Ай-ай-ай, какое несчастье! Теперь мне самому придется на ней жениться, чтобы хоть как-то уменьшить ее горе!

— А я возьму его кошелек и все вещи. Пускай у меня побудут, — заявил Жлоб и потянулся к мешку, лежавшему на берегу.

— Не трогай! Ты никогда его не любил! — завизжал Кука, прыгнув на мешок и вцепившись в него обеими руками.

— Это ты его не любил! Я был его другом! — И Жлоб стал вытаскивать ~~из~~ под Куки мешок.

Воспользовавшись тем, что карлики, занятые дележом имущества утонувшего, на время забыли о них, Бормоглотик выдвинул раздвижную мачту, сделанную из телескопической удочки, и натянул на нее кусок старого брезента. Ветер надул самодельный парус, и кораблик быстро помчался по течению. Тут только карлики спохватились и спустили рвущихся с поводков собак.

— Фас! — заорали они. — Мутанты уходят! Разорвите их!

Красноглазые псы, получив наконец долгожданную свободу, помчались вдоль берега за быстро удалявшимся корытом. Они прыгнули в воду и поплыли к нему, но момент был уже упущен. «Отважный Первопроходец», маленький кораблик с надувшимся парусом, был уже недосыгаем. Некоторое время карлики бежали за ним по берегу, бросая камни, но с каждой минутой все больше отставали. Красноглазые псы, угрюмо поджав хвосты, вылезли на берег и отряхнулись.

— Упустили! — заорал Кука на спутника. — Это все из-за тебя!

— Нет, из-за тебя! И отдай мой кошелек, я его честно украл! — Жлоб, крутя над головой палицей, бросился на Куку, тот встретил его выставленным вперед копьем — и началась драка, закончившаяся тяжелыми увечьями с обеих сторон. Кстати, досталось и неуклюжим псам: карлики в наказание за то, что те упустили добычу, поколотили собак древками копий.

Убедившись, что камни перестали долетать до их маленького кораблика, Бормоглотик встал со дна лодки, где все они лежали, и перевел дыхание:

— Уф! Я думал, мы погибли! Если бы карлики не перессорились, я не успел бы поставить парус.

— Хорош у нас капитан, и паруса быстро поставить не может! — фыркнула Трюша. — С таким капитаном и в тарелке с супом утонешь.

— При чем тут капитан? Женщина на корабле приносит несчастье, а две женщины сумеют быстро превратить корабль в подводную лодку, — проворчал Бормоглотик.

— А у меня ножки мокрые, — пожаловалась вдруг Бубнилка. — Кажется, наше корыто протекает.

— Быть не может, я сам его конопатил! — запротестовал мутантик.

— Наверное, потому и протекает, — съязвила Трюша.

Бормоглотик заглянул в лодку и обнаружил, что во внешней стороне борта торчит короткое метательное копьё, а в пробоину вовсю хлещет вода.

— Ну и как, капитан, скоро мы утонем? Я это просто так спрашиваю, из любопытства, — поинтересовалась девушка.

— Возьми ковшик и вычерпывай воду, а я постараюсь заткнуть чем-нибудь дыру, — дал указание Бормоглотик.

Кое-как он вытащил копьё и приладил к пробоине резиновую заплатку, вырезанную из надувной подушки.

Течь на время удалось устранить, и «Отважный Первопроходец», освободившись от груза воды, с удвоенной скоростью устремился вперед, подгоняемый попутным ветром.

Быстро наступало утро. Небо над равниной посерело и раздвинулось, красный диск луны потускнел и затянулся предрассветными тучами. А до Старого Города плыть было еще далеко.

Со стороны реактора, разрушенное бетонное основание которого виднелось за деревьями, донесся какой-то ужасный протяжный рев, от которого даже здесь, вдалеке, вибрировал воздух и закладывало уши. Наконец противный крик прекратился...

— Это Большой Паук,— прошептала Бубнилка.— Он требует пищи... Мы можем не успеть.

— Уверен, лобастики и Пупырь с Мумуней что-нибудь придумают. Они намного хитрее карликов. А нам нужно очень поторопиться, чтобы успеть.— И Бормоглотик, стараясь не смотреть на Трюшу, взялся за весло, направляя движение маленькой лодочки.

— А у тебя уже есть какой-нибудь план? — тихо спросила его подружка.

— Я не уверен, что он сработает, но план у меня есть. Единственное, чего карлики боятся, это воды, и если бы мы как-то смогли затопить реактор... Но это будет не просто.

Русло ручья повернуло, и маленькие мутантики увидели вдали громады заброшенных многоэтажных домов. Кое-где в окнах еще сохранились стекла, и восходящее с противоположной стороны солнце освещало в них.

Около осыпавшегося железнодорожного моста Бормоглотик убрал парус.

— Дальше мы пойдем на веслах. За этим мостом начинается Старый Город...— сказал он.

Бубнилка прижалась к девушке своим слабеньким, как у всех лобастиков, тельцем, и Трюша почувствовала, что малышка дрожит.

— Там уже знают, что мы идем...— Бубнилка обняла ее ручками за шею.

— Где?

— Там, в Городе... Он думает о нас... Он видел, как мы плыли по ручью...

— Кто «он»?

— Не знаю, кто-то,— печально добавила малышка.

Глава восьмая МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

— Кто идет? — крикнул телохранитель Королевы; его темный силуэт с копьем виднелся на крепостной стене.

— Бешеный Блюм, Победитель Великана, Разрушитель Библиотеки! — громко ответил вождь, останавливая колесницу у ворот.

Но на телохранителей Королевы перечень подвигов старого вождя не произвел никакого впечатления. Они были наглые, глупые и слушались только Рыжую Карлу.

Увидев, что створки ворот не раздвигаются, Блюм гневно забарабанил по ним палицей.

— Открывайте, собаки, пока я не велел вас искупать! — взревел он.

— Пароль! Королева не велела никого пропускать без пароля,— крикнули со стены.

— Я не знаю пароля!

— Тогда жди до утра. Ты вот говоришь, что ты Блюм, а может, ты вовсе не он!

Разозленный карлик (а свое прозвище «Бешеный» он получил неслучайно) шелкнул кнутом и, обвинив им шею начальника стражи, сдернул его со стены, как морковь из грядки, и пощекотал ему живот концом копья.

— А теперь ты узнал меня, собака?

— Да, начальник... Ты и правда Блюм! — сдавленным голосом прохрипел стражник. — Блюм везет пленных для Паука, открывайте, ребята! — крикнул он наверх.

Ворота открылись, и победитель въехал на строго охраняемую территорию реактора. В его колеснице были связанные пленные лобастики, почти уже потерявшие сознание от боли, долгой скачки и дорожной пыли.

В ожидании жертвоприношения лобастиков бросили в подземную клетку, где уже находились Пупырь и Мумуня. Убедившись, что все пленники крепко связаны, тюремщики захлопнули клетку, закрыли ее на большой амбарный замок, а сами встали снаружи. Но вскоре, как обычно бывает у всех лиц данной профессии, они решили выпить, и стражники отправились в караулку хлебнуть ртути.

— Вам недолго осталось ждать, — крикнули они. — Слышали рев? Завтра вас отдадут Пауку.

Когда тюремщики ушли, Отелло открыл глаза и спросил шепотом:

— Эй, друзья по несчастью, у кого-нибудь из вас свободны руки? Нам нужно освободиться от веревок.

— Мы уже пробовали: не выходит. Уж что-что, а вязать узлы карлики умеют, — грустно отметил Пупырь. Они с Мумуней, как две рыбы, были опутаны частой ячеистой сетью, а потом еще и туго обмотаны веревкой.

— Это ты, Пупырь? — удивился Умник, услышав знакомый голос. — Как вы сюда попали, мы же послали вам предупреждение с птицей?

— Так получилось. Во всяком случае, спасибо вам за письмо, — поблагодарила Мумуня.

Хорошист перекатился на живот и, приподняв голову, посмотрел между прутьями решетки. Недалеко от них на перевернутом бочонке лежала заточенная половинка ножниц, забытая одним из тюремщиков.

— Умник, ты смог бы телепортировать, то есть перенести ее сюда? — спросил он.

— Попробую, но для этого я должен вначале ее разглядеть.— Дедушка Умник с трудом привстал и оперся спиной о решетку. Он посмотрел на половинку ножниц, напрягся, и она чуть-чуть шевельнулась.— Слишком далеко,— пожаловался старый лобастик, бессильно закрывая глаза.— Не могу!

— Попытайся еще раз, это наш единственный шанс!

— Я понимаю, что единственный, но не могу!

— А ты напрягись, а мы с Хорошистом тебе поможем...

— Ладно, тогда давайте все вместе...

И все три лобастика усталились на ножницы. Со второй или третьей попытки ножницы упали с бочонка и медленно стали двигаться по каменным плитам пола в их сторону, а потом чуть приподнялись и протиснулись сквозь прутья решетки. Отелло, перевернувшись на спину, схватил их связанными руками и кое-как разрезал веревку. Потом, когда он уже освободился, ему было несложно перерезать веревки на остальных.

— Совсем не чувствую рук. Хамское хамство со стороны карликов было связать нас так крепко,— пожаловался Хорошист, растирая запястья себе, а потом и дедушке Умнику, который едва держался на ногах.

— Как ты, мать моя? Все в порядке? Как твой живот? — Пупырь помог жене выпутаться из разрезанной сети.

— Вроде ничего. Я старалась лежать очень осторожно, чтобы не придавить малыша,— сказала Мумуня.

Она дотронулась ладонью до округлившегося живота и с облегчением ощутила, как крошечный шерстюша, живой и невредимый, толкается пяточкой.

Но хотя пленникам удалось освободиться от веревок, от этого их положение не намного улучшилось. Они же были заперты в подземной клетке, и не меньше десятка дверей отделяло их от внешнего мира. К тому же каждую минуту могли появиться карлики-тюремщики, чтобы проверить, все ли в порядке.

Вдруг из глубин реактора раздался жуткий звериный рев, и бетонные стены завибрировали. Мумуня зажала ушки ладонями, чтобы не оглохнуть.

— Масенький Паучок проснулся. Нужно отсюда выбираться, а то как бы он не решил познакомиться с нами поближе,— сказал Пупырь.

— Легко сказать. Посмотри, какой огромный замок, а у нас нет ключа! — Отелло просунул руки сквозь решетку и ощупал стальные дужки ржавого замка.

Мутантики оглядели подвал в надежде найти запасной ключ, но все ключи карлики унесли с собой, да и ничего, чем можно было бы перепилить решетку, тоже не было. Зато в углу они увидели большой стеклянный шкаф, где на полочках стояли всевозможные склянки и бутылочки. Пупырь выбрал веревку подлиннее из тех, которыми они были связаны, и, сделав на одном ее конце петлю, набросил ее на ручку шкафа и открыл дверцу.

— Хочешь поиграть в индейцев? Умри, несчастная, и все такое прочее? — с усмешкой поинтересовался Отелло.

— Ты хорошо видишь в темноте? Лобастики ведь, кажется, ночные мутантики? — не отвечая спросил у него Пупырь.— Тогда прочти все, что написано на пузырьках.

— Зачем нам какие-то пузырьки? — удивился Отелло.— Ключа там все равно нет.

— Читай, читай! — торопил его Пупырь.— Только не пропускай ни слова.

— Ну, как знаешь...— Лобастик пожал плечами и, прищурившись, стал читать: — Шампунь от перхоти... Бальзам для заживления ссадин... Синильная кислота от изжоги... Перекись водорода... Йод... Мыльная пена для ванной... Спирт... Зеленка... Снова йод... Камфора... Растирание для спины... Мышьяк внутривенно... Ну вот, прочитал... Кажется, тут у карликов аптечка... И зачем это надо было?

— И это все? Ты ничего не пропустил? — разочарованно спросил Пупырь. — А что написано вон на той большой бутылке из толстого стекла?

Отелло снова прищурился.

— А вот ее я и пропустил! «Жидкость для борьбы с прыщами для юных карликов», — прочел он.

— Это то, что нам надо! Давайте ее сюда! — торжествующе воскликнул шерстюш и зажал себе рот ладонью, спохватившись, что закричал слишком громко.

— Поздновато ты затеял бороться с прыщами, Пупырь. Жить нам осталось всего пару часов, — невесело усмехнулся Умник.

Но чтобы не спорить, лобастики сосредоточились, мысленно приподняли бутылку, и она по воздуху перелетела в руки Пупыря. Он осторожно открыл стеклянную пробку. Держа бутылку как можно дальше от себя, он попросил всех отойти в сторону и вылил жидкость для борьбы с прыщами на дужку замка. Послышалось ши-

пение, и в плитах пола, на которые упали капли, образовалось выжженное отверстие, из которого струйкой потянулся белый дымок. А потом замок вдруг с лязгом отвалился, дужки его оказались совершенно разъедены и оплавилась.

— Ну вот и все. С замком разобрались,— сказал шерстюш, отбрасывая бутылку подальше от себя и тщательно следя, чтобы ни одна капля не попала на кожу.— Жидкость для борьбы с прыщами нам больше не понадобится.

— Но как это тебе удалось? Что было в этой бутылочке? — поразился Отелло, наклоняясь и разглядывая оплавленный замок, который лежал в кипящей лужице на разъеденных плитах пола.

— Обычное средство от прыщей,— объяснил Пупырь.— Разве ты не знал, что карлики вытравляют прыщи азотной кислотой?

— Азотной кислотой? Но это же страшный яд! Она даже металл растворяет в два счета! — воскликнул Хорошист.

— Ну наконец-то ты догадался! А думаешь, зачем я ее вылил на замок? Решил вылечить его от прыщей? — иронически спросил Пупырь, открывая решетку и помогая Мумуне перепрыгнуть через кислотную лужицу.

Мутантики вышли из клетки и, прокравшись к двери подвала, прислушались. В коридоре они слышали шаги и голоса карликов-стражников, которые, хлебнув ртути, направлялись посмотреть на пленников.

— Карла не хочет ждать завтрашнего жертвоприношения. Она велела накормить Паука прямо сейчас. Он своим ревом мешает ей спать,— сказал один из стражников, звякая связкой ключей и стараясь попасть ключом в замочную скважину.

— Хотел бы я спать вместе с Карлой! Я бы знал, как ее успокоить,— заявил другой, и все карлики загоготали.

— Трам, дай сюда ключи, ты совсем пьян! — раздраженно произнес третий, и опять зазвенели ключи.

— Сюда идут! — вскрикнула Мумуня.— Нас сейчас схватят!

Мутантики заметались по подвалу, но спрятаться от четырех вооруженных тюремщиков было негде. Подвал ведь совсем маленький, и карлики сразу бы их обнаружили.

— Видно, сегодня моя очередь быть героем,— прошептал Пупырь.— «Вовек шлемоблещущий воин...» Возвращайтесь в клетку и притворитесь, что связаны, а об остальном я позабочусь!

У мутантиков не было времени спрашивать, что задумал Пупырь, они прыгнули в клетку и поспешно закрыли за собой дверцу. Укладываясь на холодный пол и набрасывая на себя веревки, как будто он связан, Отелло оглянулся. Пупыря нигде не было: он сделался невидимым.

Загрохотали шаги, и в подвал ввалились карлики.

— Здесь они, куда они денутся? Связаны, как висельники на эшафоте! — захохотал стражник Трам, подбирая на ладони ключи.— Кукиш, дай фляжку, я хочу глотнуть ртути, а потом потащим их Пауку.

Карлик Кукиш протянул было ему фляжку, но вдруг ойкнул и уронил ее на пол. Кто-то так ударил его по затылку, что из глаз посыпались искры.

Он оглянулся, но за ним никого не было, кроме совсем пьяного Трама, который не мог ничего сказать, а только показывал на него пальцем и хихикал.

— Ах ты, рожа, чего дерешься? Я из-за тебя ртуть пролил! — заорал на Трама Кукиш и сгоряча врезал ему палицей по лбу, и тот растянулся на полу без чувств, вытянув ноги.

— Ты зачем моего друга обидел, толстяк? — взревел широкоплечий карлик по имени Свиное Рыло, который давно уже затаил обиду на Кукиша после того, как в прошлом году тот стащил у него овечью ногу и банку свежекопченных дождевых червей.

Не стараясь выяснить, в чем дело, Свиное Рыло вмешался в драку, да так активно, что, два раза перевернувшись в воздухе, Кукиш разбил головой стеклянный шкаф.

— Эй, перестаньте! Большой Паук не станет ждать! — крикнул подошедший стражник.

Он хотел мирно разнять сцепившихся тюремщиков и даже встал между ними, как вдруг кто-то дал ему пинка, да такого сильного, что Глюк едва удержался на ногах.

— На командира руку поднял! Я тебя самого Пауку скормлю! — И, утратив все свое миролюбие, Глюк с палицей набросился на Свиное Рыло, решив, что это он ударил. Помахав палицей с минуту, Глюк вдвое сократил у Свиного Рыла количество целых ребер, а тот, не оставшись в долгу, откусил ему ухо.

Теперь в стороне остался только один карлик из пяти — Драчун. А с таким прозвищем наблюдать за дракой и не влезть в нее, согласитесь, просто обидно. Он некоторое время скреб затылок, размышляя, чью сторону принять, а потом с воплем «А какая разница!» стал тузить всех подряд. Комок дерущихся, визжащих тюремщиков вкатился в клетку и, врезавшись в стену, распался на отдельных участников.

Пупырь быстро нахлобучил на голову Драчуну пустой горшок, — так как он все еще оставался невидимым, впечатление было такое, что горшок сам передвигается по воздуху, и прошептал:

— Ну, чего ждете? Бегите!

Мутантики быстро выскочили из клетки и захлопнули дверцу. Карлики были так заняты выяснением отношений, что даже не заметили этого. Как раз в эту минуту Свиное Рыло и Драчун, объединившиеся против Глюка и Кукиша, тузили их чем попало, а Трам похрапывал у стены, и, очевидно, ему снился кошмарный сон, потому что во сне он размахивал руками и кричал: «А ну, отдай, кому говорю! Это мое!»

Мутантики выбежали в коридор и, навалившись на дверь подвала, закрыли ее на засов.

— А где Пупырь? — беспокоилась Мумуня. — Мы его с ними не закрыли?

— Вот и нет! — успокоил ее родной голос, и рядом медленно стали возникать знакомые очертания мужа.

— Ну, разве я не Ахилл? То есть я хочу сказать, что тоже умею драться пяткой! — похвастался Пупырь. Он попытался выпятить грудь, но вперед выставился животик.

Не теряя времени, мутантики стали пробираться по темному

подземному коридору со множеством дверей и лестниц. Они находились на подземном уровне реактора, где много лет назад размещались служебные помещения АЭС. В стенных нишах стояли проржавевшие огнетушители, а на одной из дверей висела покосившаяся табличка с черным треугольником, на ней можно было прочесть полустершуюся надпись: «...ышенная ..диация! Без защитных костюмов не ...»

Услышав в одном из коридоров топот, беглецы спрятались за деревянным щитом, и мимо них в сторону подвала пробежали с десяток личных телохранителей Королевы в блестящих железных доспехах.

— Рыжая Карла беспокоится, почему так долго не ведут пленников... Большой Паук разорвал паутину и ревет, если его срочно не накормить, он может вырваться! — крикнул начальник стражи Пуп.

И снова коридор задрожал от жуткого рева, и один из огнетушителей со стены с лязгом упал.

— Похоже, мы здорово переполошили этот реакторный муравейник! — устало улыбнулся Умник. Он не мог идти быстро, и Хорошист с Отелло поддерживали его под руки.

Как только телохранители пробежали, мутантики выбрались из-за щита. Продолжать идти по главному коридору было опасно, тут их будут искать в первую очередь, и поэтому они свернули в один из боковых коридоров.

Беглецы рассчитывали, что он выведет их на поверхность, но не тут-то было. В конце коридора была глухая бетонная стена, а в стене — единственная железная дверь.

— Мы не туда повернули! Кажется, придется возвращаться! — прошептала Мумуня, прислушиваясь к нараставшим в конце коридора торопливым шагам.

«Они не могли далеко уйти! Если через пять минут пленники не будут у Паука, вы все отправитесь напрямиком в пруд!» — донеслись из главного коридора вопли Бешеного Блюда и начальника стражи Пупа.

«Мы проверим этот коридор! Они могли повернуть сюда!»

«Живо! И помните, ваши жизни в ваших руках!»

Мутантики торопливо оглядывались в поисках выхода, но они были в тупике. Карлики приближались к ним по коридору.

— Если эта дверь закрыта, карлики нас схватят! — прошептала Мумуня.

Умник и Отелло вдвоем навалились на ручку. К счастью, дверь не была заперта, но ею давно не пользовались и петли заржавели, поэтому поддавалась она с трудом. Мутантики скользнули в приоткрывшийся проход.

— Кажется, пронесло! — с облегчением произнес Отелло, запирая дверь изнутри на засов. — Мы большие везунчики!

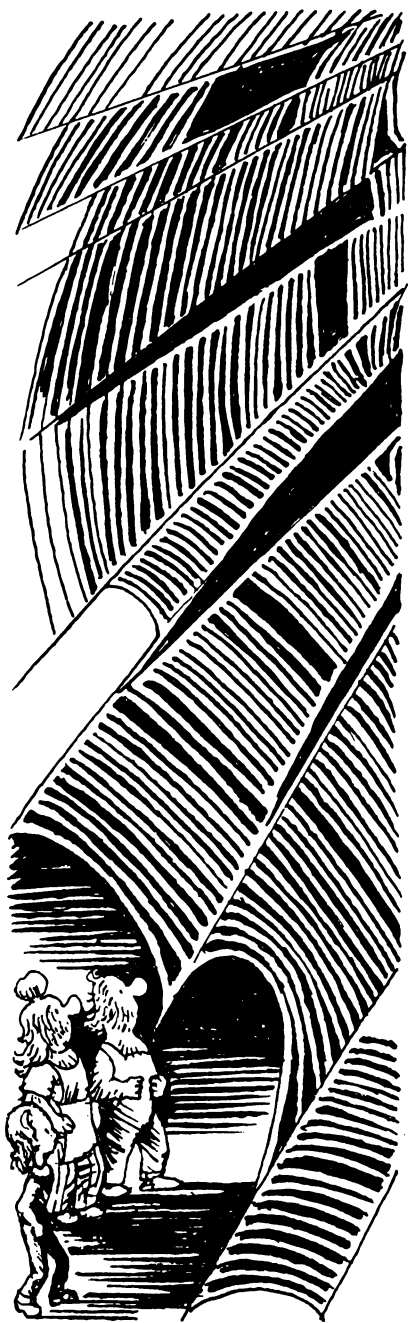
— Смотря что ты считаешь везением, — пробормотал Пупырь. — По мне, лучше бы нам вообще не везло.

Не понимая, что он имеет в виду, лобастик оглянулся, посмотрел вверх, и язык прилип у него к гортани. Они находились в огромном темном зале прямо под взорвавшимся четвертым блоком. Воздух здесь был смрадный и застоявшийся, а над ними в толстой паутине шевелился огромный мохнатый паук, покрытый светящейся слизью. У паука не было глаз, а на их месте торчал какой-то отвратительный пупырчатый нарост, похожий на индюшачий гребень, который то надувался, то опадал.

Мумуня вскрикнула и прижалась спиной к раскрошившейся бетонной стене:

— Я боюсь, ужасно боюсь! Пупырь, давай отсюда уйдем!

Тот отодвинул засов и что было сил дернул ручку двери, подумав, что лучше погибнуть от копий карликов, чем от этого омерзительного чудовища. Но железная дверь не поддавалась. Вначале Пупырь решил, что ее заклинило, но потом с другой стороны донесся гогот стражников и он понял, что их заперли.

Надежды на спасение почти не оставалось: они сами вбежали именно в этот зал, словно сама судьба привела их сюда.

Хотя чудовище было слепым, оно каким-то сверхчутьем безошибочно выбирало нужное направление. Паук задвигался, гребень его надулся, и он стал неторопливо спускаться к ним по паутине.

Мутантики в ужасе бросились в другой конец зала подальше от него и там наткнулись на останки своих предшественников. На полу их скопилось множество за все предыдущие годы; от сухости воздуха и радиации тела мумифицировались и светились зеленым, как грибы-гнилушки. Макушки у всех мумий были расколоты, а мозги выедены, как желток из разбитых яиц, а на маленьких съжившихся телах болтались веревки.

Паук поискал добычи некоторое время там, где мутантики были вначале, а потом, надув свой отвратительный нарост направился в их сторону, периодически передвигая каждую из своих огромных тонких лап. Там, где по полу волочилось его брюхо, оставалась полоса вонючей светящейся слизи. Ка-

жется, сейчас Большой Паук был озадачен, так как прежде он привык иметь дело с хорошо связанной добычей, которая не бегала с места на место, а покорно лежала с обритыми макушками, подготовленная к пиршеству.

Когда Паук приблизился, мутантики бросились врассыпную, проскакивая под его огромными лапами. Чудище несколько раз вслепую шелкнуло похожими на ножницы челюстями, которые едва не перерубили Умника пополам, но в последнюю секунду Отелло и Хорошист успели подхватить старого лобастика и проташить его почти под самым брюхом паука.

Как только разбежавшиеся мутантики собрались все вместе в одном из углов зала, гребень неподвижно сидящего чудовища снова надулся, налился кровью, наросты на нем покраснели, и Паук, безошибочно выбрав цель, пополз к ним.

— Как он узнает, где мы? Он же слепой! — воскликнул Пупырь, следя за размеренным движением ног чудовища и готовясь нырнуть под них вместе с Мумуней.

Умник, поддерживаемый Хорошистом и Отелло, приподнял голову и посмотрел на омерзительного монстра и его вздымавшийся гребень.

— Паук улавливает запах страха, — объяснил он. — Нарост у него на голове — это гребень страха. Паук ползет на наш страх.

Челюсти чудовища лязгнули, разрубив попавшуюся у него на пути мумию, и, воспользовавшись мгновенной заминкой, пока он отбрасывал мумию в сторону, мутантики снова проскользнули между его лапами. Паук немедленно развернулся, застыл на несколько секунд, соображая, а потом его гребень снова стал рыскать по углам, приносясь к страху.

— А если бы мы перестали его бояться, он потерял бы нас? — спросила Мумуня.

— Перебороть свой страх не так просто, — грустно сказал Умник. — Запах страха — самый сильный запах на свете.

И, словно подтверждая это, Мумуня случайно наступила на выеденный череп под ногами, он лопнул, как сухая скорлупка, — а сердце у Мумуни в ужасе забилося, — в ту же секунду Паук снова пришел в движение. У него на спине образовалось утолщение, похожее на трубку, и оттуда один за другим стали вылетать оранжевые шары. Мутантики пригнулись, и первая партия шаров с противным чмоканьем разбилась о стену.

— В этих шарах желудочный сок. Следите, чтобы на вас не попали брызги! Чудовище, раз мы такие прыткие,

решило переварить нас прямо на ходу,— крикнул Отелло. Он подхватил Умника и спрятался с ним в одну из глубоких ниш в стене, туда, где выкрошились кирпичи.

Паук выстрелил новой партией шаров, и одна из капель попала Хорошисту на руку. Место мигом покраснело, как обваренное, и лобастик застонал. Он вытер руку краем своей курточки, опасаясь, как бы желудочный сок не разъел кожу.

Пупырь увидел под потолком длинный каменный навес, похожий на длинную галерею. Он помог жене ухватиться за свисавший конец паутины, посадил ее и сам быстро полез следом.

— Лезем по паутине наверх! Там какой-то балкончик! Давай, Мумуня!

Хорошист и Отелло, боязливо оглядываясь на приближающегося Паука, обвязали Умника веревкой вокруг пояса и поползли вверх по толстой паутине, волоча старого лобастика за собой. Паутина была прочная, с крупными ячейками, и лезть по ней было совсем несложно. Только вниз смотреть было страшно: на темные плиты пола со светящимися мумиями и большое скользкое пятно, движущееся вдоль стены,— спину чудовища.

Большой Паук на какое-то время замер, не понимая, куда исчезла его добыча, а потом, ощутив одной из лап подрагивание паутины, бросился вдогонку. Но теперь ему приходилось сложнее. Запах страха уже не был таким отчетливым, потому что у мутантиков, карабкавшихся наверх, просто не было времени бояться.

Опередив Паука на десяток метров, мутантики залезли на балкончик.

— Все здесь? — спросил Отелло. И убедившись, что все на месте, он вытащил половинку ножниц, ту самую, с помощью которой они в подвале перерезали веревки, и стал поспешно пилить конец паучьей нити, которым крепилась к потолку вся паутина.

Нить была очень толстой и поддавалась с трудом. Чудовище с каждой секундой приближалось все ближе, у Мумуни от ужаса перехватило дыхание. Еще несколько секунд, и Паук их схватит!

— Отелло, милый, быстрее!

— Я и так делаю все, что могу!

Но вот наконец почти перепиленная нить, толщиной с хороший канат, лопнула под тяжестью Паука, и чудовище, уже забиравшееся на балкончик, камнем полетело вниз.

Раздался звук, похожий на оглушительное чмокание, и Паук шмякнулся об пол брюхом кверху. Его лапы конвульсивно подергивались, а потом прямо на глазах Большой Паук начал уменьшаться и съеживаться, медленно опадая, как надувная игрушка, которую проткнули гвоздем.

— Шары с желудочным соком разорвались у него внутри. Обычно они герметичные, а сейчас получилось, что он растворил сам себя,— объяснил дедушка Умник, морщась от поднимавшегося снизу зловония.

— Страх сожрал сам себя,— задумчиво проговорил Пупыр, глядя вниз на то, что осталось от Паука.— Как сказал какой-то древний мудрец, страх и сам труслив, он убежит, нужно только не побояться посмотреть ему в лицо.

Мумуня зажала нос, чтобы не дышать тошнотворным запахом, и оглядела длинную узкую галерею, на которой все они находились. Галерея тянулась вдоль всей стены на уровне потолка и явно была тем балконом, с которого Рыжая Карла наблюдала за действиями Паука. Скорее всего отсюда, из галереи, вела потайная лестница в личные покои Королевы, потому что едва ли каждый раз, чтобы попасть на балкончик, Карла стала бы карабкаться по паутине, рискуя быть сожранной чудовищем.

— Смотрите! Здесь какой-то сундук! Сундук-сундучище, железное днище! — окликнул друзей Хорошист.

В одной из глубоких ниш в стене стоял большой железный ящик, вроде тех, в которых обычно хранится противопожарный инвентарь.

Пупырь приподнял тяжелую крышку, которая едва не отдала ему пальцы, и все увидели, что на дне сундука на бархатной подушке лежит сверкающий кристалл продолговатой формы. Едва ли в мире можно было найти драгоценный камень прекраснее этого. Грани кристалла сверкали, и даже случайно упавший на них луч света распадался внутри камня на десятки и сотни различных цветов и оттенков, образуя сочетания причудливые и невероятные.

— Думаю, мы случайно набрали на сокровищницу Рыжей Карлы, — предположил Отелло. — Королева считала это место самым надежным во всем дворце. Еще бы, пока паучок был здесь, сюда вряд ли бы кто сунулся.

— Какая красота! — Мумуня взяла камень в руки. И в ее ладонях кристалл засиял, казалось, еще ярче, и тона, которыми переливались его грани, стали еще теплее.

— Ты когда-нибудь слышала о Магическом Кристалле? — спросил Пупырь.

— Нет.

— А о философском камне? А о камне мудрости и власти?

— Тоже нет.

— Какая у меня глупая женушка! — улыбнулся Пупырь. — А сейчас, Мумуня, ты не только слышишь о нем, но и держишь его в руках. Магический Кристалл может быть разным. В ладонях доброго он становится светлым и искрящимся, как у тебя теперь, а в руках злого тускнеет, темнеет и помогает вершить темные дела.

Даже Отелло, считавшийся самым начитанным среди лобастиков (еще бы, сколько томов он проглотил в самом

буквальном смысле этого слова!), слушал Пупыря восхищенно, но с некоторым недоверием.

— А откуда ты все это знаешь? — спросил он.

— Наследственная память,— важно сказал шерстюш.— Когда необходимо, я ее активизирую. Сам не знаю, как это у меня получается. Просто вижу предмет и вспоминаю о нем все. Кажется, у Бормоглотика тоже есть это свойство, хотя и не такое сильное...

— А как использовать Магический Кристалл, ты знаешь? Копалки-хваталки-колдовские шепталки? — Хорошист осторожно взял камень у Мумуни и с облегчением убедился, что его тона по-прежнему светлые и теплые.

— Не знаю.— Нос у Пупыря задумчиво замерцал.— Об этом в моей наследственной памяти ничего нет. Думаю, и Карле известны далеко не все возможности этого камня, хотя она и слывет колдуньей.

— О Карле ничего нельзя знать заранее,— сказал Отелло.

Тогда он еще не подозревал, насколько окажется прав и как это повлияет не только на их судьбы, но и на будущее всех шерстюш и лобастиков.

А пока мутантики захватили Магический Кристалл с собой, и Пупырь спрятал его в глубокий карман своей брезентовой курточки. Карман застегивался на молнию, а потом еще и на пуговицу, так что камень был там в безопасности. Если, конечно, можно было чувствовать себя в безопасности, все еще находясь внутри реактора.

Мутантики занялись поисками потайного хода, и вскоре их старания увенчались успехом. Одна из плит повернулась на шарнире, и перед ними оказалась винтовая лестница, поднимавшаяся куда-то наверх. Пупырь, Мумуня и лобастики, стараясь, чтобы ржавые ступеньки не скрипели, стали осторожно взбираться.

Лестница вывела их на прямоугольную площадку, где с одной стороны было окно, из которого виднелись вы-

сотные дома на окраинах Старого Города, а с другой стену закрывал плотный ковер.

— Тшш! — Прижав палец к губам, Отелло подкрался к коврику и заглянул в проеденную реакторной молью дырку, которых в старом ковре было более чем достаточно.

Он увидел маленькую комнатку с треснутым зеркалом, на всех стенах висело оружие и дамские наряды. В этом была вся Карла — женское начало сочеталось в ней с воинственным. Лобастик увидел и саму Королеву, которая, как тигрица в клетке, металась из угла в угол, кусая губы.

В ту минуту, когда Отелло притаился у ковра, Карла хлопнула в ладоши и раздраженно крикнула:

— Требуха, поди сюда!.. Не слышишь, что я тебя зову?

Занавеска отодвинулась, и в комнатку, беспрестанно кланяясь, прошмыгнула жирная карлица с четырьмя подбородками, приплюснутым носом и золотыми кольцами в ушах. Рыжая Карла, не терпевшая женщин в

своем окружении и приказавшая, если хоть одна из них переступит порог реактора, сразу швырнуть ее с камнем на шею в пруд, переносила Требуху лишь потому, что та была исключительно безобразна и стара, как сам Взрыв. Карлица пользовалась у Королевы полным доверием и знала почти обо всех секретах своей госпожи.

— Долго тебя ждать, жирная корова? — гневно спросила Карла. — Ну, что там нового?

— Моя Королева, я была в пыточной. Провинившимся тюремщикам отрезали уши, а новые вырастут у них не раньше чем через месяц, — сообщила Требуха и угодливо поклонилась.

— Я не об этом спрашивала. Мне плевать на их уши, — поморщилась Карла. — Гонец еще не прибыл? Я послала его за Черным Герцогом.

— Нет, моя Королева. Нытика еще нет. — В голосе карлицы послышалось любопытство, так как никогда раньше она не слышала о Черном Герцоге и даже не знала, кто это.

— Вожди ожидают вас в тронном зале. Они ждут вас. Сказать им, что вы к ним выйдете? — добавила Требуха.

— Не сейчас, — ответила Карла. — Эти тупицы опять будут хвастаться и навалят перед троном кучу отрубленных голов. Большой Паук что-то давно молчит. Он сыт?

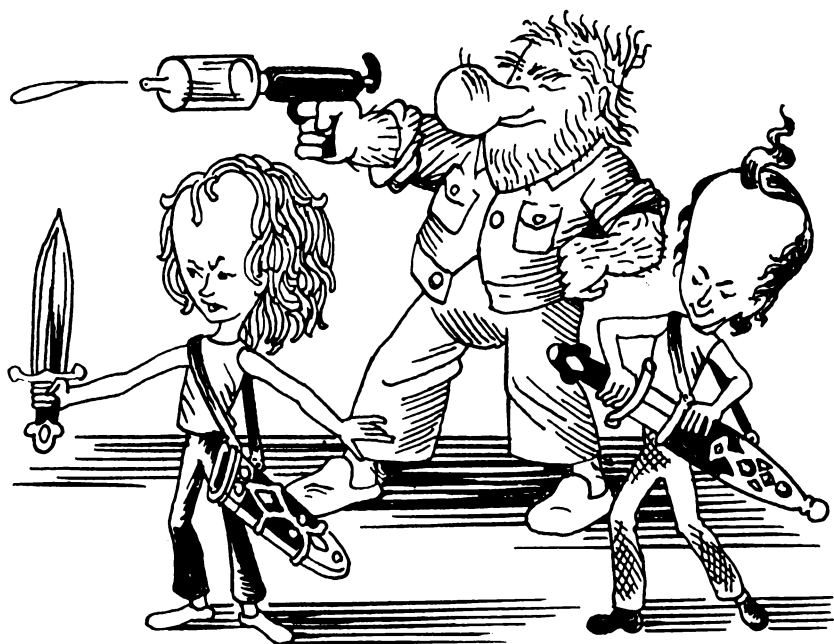
— Дверей еще не открывали, Королева. Мы не осмеливаемся...

— Хорошо, Требуха, я сама посмотрю. Постой, старуха... ты не достала мне омолаживающего рецепта? Вчера у меня появилась новая морщинка у глаз.

— Не верю! — запротестовала карлица. — Моя Королева всегда прекрасна, у нее не может быть морщин... А для омолаживающего рецепта нужно взять два говяжьих сердца, немного ртути, мышьяка, цианистого калия, несколько капель кислоты...

— Ну так в чем дело? — оборвала ее Карла. — Если ты все знаешь, давно могла бы приготовить!

— Нет самого важного компонента, Королева. Нужна еще кровь маленьких мутантиков — только очень маленьких, иначе снадобье не подействует.

— Среди пленников есть маленькие мутантики?

— Нет, повелительница, ни одного.

Рыжая Карла гневно нахмурилась:

— Пошла вон, Требуха. Я хочу остаться одна.

Как только толстая карлица вышла, Королева бросилась к ковру. Она собиралась пробраться по потайной лестнице в подвал и посмотреть, доволен ли Большой Паук — надежный страж ее сокровища. Кроме Карлы о потайной лестнице в реакторе никто не знал, во всяком случае, никто из живых, а те, кто когда-то знал, давно уже пополнили отряд светящихся мумий, или их кости покоились на дне пруда.

Королева была очень привязана к Пауку, к этому мерзкому созданию, и иногда даже гладила его по кожистому гребню, когда он сытый и неподвижный висел в своей

паутине под потолком. Естественно, когда он был голоден, Карла не решалась к нему заходить: случайный приступ страха — и Паук мог убить ее.

Увидев, что она направляется к ковру, подглядывающие мутантики спрятались за поворотом лестницы. Когда Карла, которой на секунду показалось, что она слышала чьи-то шаги, пожав плечами, стала спускаться к Пауку, мутантики проскользнули к ней в будуар, который она только что покинула, и быстро вооружились. Лобастики взяли блестящие кинжалы в дорогих ножнах, которыми Королева обзавелась, наверняка ограбив какой-нибудь музей, а Пупырь сунул за пояс висевший на гвоздике водяной пистолет, из которого Карла иногда любила палить в своих телохранителей, наслаждаясь их визгом.

В ее комнатке, находившейся на последнем, верхнем уровне реактора, почти на чердаке, в потолке был железный люк. Мутантики вылезли через него на плоскую крышу здания и закрыли люк на засов снаружи, на тот случай, если карлики спохватятся и начнут погоню.

С крыши реактора, самого высокого сооружения в этой части Мутировавших Территорий, было видно на много километров вокруг. С одной стороны вырисовывался Станный Лес, с петлявшим вдоль его опушки ручьем, а чуть дальше — Болотцем, на котором жил Бормоглотик. С другой стороны, в которую и смотрели сейчас мутантики, за железнодорожной линией, служившей границей, из предутреннего молочного тумана выступали дома Старого Города.

— Нам нужно в Старый Город,— сказал Умник, которого Хорошист и Отелло усадили на вентиляционную трубу.

— Зачем? Из него никто не возвращается,— возразила Мумуня.

— Где-то в Старом Городе есть разгадка Магического Кристалла, я это чувствую. А без его помощи нам не освободить Лес от карликов. Захватнический поход про-

должается, и с каждым днем будет гибнуть много лобастиков и шерстюш. Карла даже хочет поджечь Лес, чтобы им негде было прятаться.

Но неизвестно, отправились бы мутантики в Старый Город, который извечно вызывал у них ужас, если бы Рыжая Карла сама не вынудила их к этому. Когда люк стал вздрагивать от мощных ударов и прогибаться, а по двору реактора со стороны главных ворот забежали карлики с факелами и залаяли выпущенные из будок псы, путь к Лесу был отрезан и оставался только один путь — к Старому Городу.

Мутантики заметались по крыше в растерянности. Прыгать с такой огромной высоты было равносильно самоубийству, но вот-вот сюда ворвутся карлики и отомстят им за гибель Паука.

— Я кое-что нашел! Идите сюда! — позвал Отелло.

С крыши свисал длинный оборванный конец толстого провода, мутантики ухватились за него и быстро спустились на задний двор реактора, где из земли били горячие ключи и карликов не было видно. Но беглецов заметили красноглазые псы и погнались за ними, перепрыгивая через вбитые в землю сваи, оставшиеся от стройки.

Пупырь с Мумуней и лобастики, тащившие ослабевшего Умника, проскочили между железными прутьями ограды, но расстояние между ними было узким и огромные псы не смогли протиснуться, от злобы собаки рычали, брызжа слюной, и остервенело подрывали передними лапами землю.

Мутантики оказались перед узкой рельсовой колеей, в конце которой начинался Старый Город, и на минуту в нерешительности замерли перед ней. Только один ржавый рельсовый путь, тянувшийся *неизвестно откуда и неизвестно куда*, отделял их от тайны. Некоторое время все они стояли у железнодорожной колеи, не решаясь переступить границу.

— Мавр сделал свое дело, мавр может уходить! — решительно сказал Отелло. Он первым храбро перешагнул через рельсы и пропал в тумане.

— Отелло, ты того... жив? — окликнул его Хорошист.

— Вроде жив, — не очень уверенно отозвался тот. — Но почему бы тебе самому не посмотреть?

И вот уже все мутантики пересекли границу и стояли в тумане, прижимаясь друг к другу, чтобы не потеряться. Туман был слегка подкрашен красным — это где-то за Станным Лесом всходило солнце.

— Ничего не видно, — пожаловалась Мумуня.

— Может, это и хорошо. Раз нам не видно, значит, и нас не видно, — философски заметил Пупырь.

— А может, все наоборот: *нам* не видно, а *нас* видно, — предположил Хорошист, во всем ухитрявшийся видеть отрицательную сторону.

Чтобы не свернуть в сторону, мутантики держались за веревку, а впереди шел Отелло и *мысленно* прощупывал дорогу на несколько метров вперед, как это умеют делать только лобастики, утверждающие, что Земля, как и сами они, умеет думать.

Глава девятая ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Спустившись по потайной лестнице в зал для жертвоприношений и посмотрев вниз с балкончика, Рыжая Карла увидела мертвого Паука, от которого осталась одна только светящаяся оболочка. Вначале она даже не осознала, что Большой Паук, обитавший здесь уже второе столетие, мертв, а эта бесполезная грязная тряпка, покрытая слизью, валявшаяся на полу, — все, что осталось от грозного божества всех карликов, державшего в страхе все Мутировавшие Территории.

Но Карла не стала долго раздумывать и переживать о происшедшем: по примеру тех, кто любыми путями

оказался на вершине власти, она никогда не сомневалась в безошибочности своих решений и сразу начала искать виновных. Приказав бросить в пруд всех офицеров, отвечавших сегодня за охрану пленников, и выкупать каждого третьего стражника в ручье, Королева немного успокоилась и хотела вернуться в тронный зал, как вдруг увидела, что сундук с ее сокровищем выдвинут из ниши.

Рыжая Карла в тревоге бросилась к нему, подняла крышку, и реактор огласился истошным воплем негодующей Королевы. Она поняла, что мутантики, которых считала погибшими вместе с Пауком, бежали, захватив Магический Кристалл. А убежать из этого запертого зала они могли только через ее секретный ход!!!

Карла объявила по всему реактору тревогу и, созвав самых сильных своих телохранителей, велела им сломать люк на крышу, понимая, что пленники могут быть только там. Но когда люк взломали, оказалось, что мутантики сбежали по свисавшему с крыши канату и сейчас, очевидно, были уже на пути к Старому Городу.

— Я должна во что бы то ни стало вернуть себе Кристалл! Слышишь, старая карга! Если его не вернуть — я погибну, и *ты* погибнешь вместе со мной! — заорала Королева на дрожащую Требуху.

Рыжая Карла осознала реальную опасность переворота: ведь теперь, когда Большой Паук сдох, ее власть над карликами, поддерживаемую одним страхом, мог сохранить только Магический Кристалл.

Кое-как успокоившись и выпив стаканчик отравы для комаров, который у них считался легким женским вином, Королева решительно приказала верному ей начальнику стражи:

— Пуп, удвоить караулы! Никого не впускать и не выпускать из реактора! Всем, кто начнет болтать о гибели Паука, вырывать языки! Собрать всех вождей в тронном зале, я к ним сейчас выйду!.. Всех подозреваемых в измене — в пруд! Теперь ты, Требуха, собери всех шпионов. Если

Нытик вернется с Черным Герцогом, сразу води его ко мне! Поняли?

— Да, повелительница.— Пуп и Требуха хотели исчезнуть, чтобы начать выполнять ее приказания, но Рыжая Карла задержала их властным движением руки.

— И вот еще что... Только об этом пока никто не должен знать... Приготовьте бочки с зажигательной смолой. Что бы там ни было, Завоевательный поход должен продолжиться!

Карла надела ожерелье из коровьих зубов, набросила на себя парадную лисью мантию и почти минуту простояла перед зеркалом, поправляя пышную прическу. И это не была пустая трата времени — теперь, когда трон ее, как ей казалось, пошатнулся, только большое женское обаяние в сочетании с хитростью и жестокостью поможет ей остаться Королевой. А уж обдурить этих тупых вождей со сверкавшими от вожделения глазами она сумеет!

В сопровождении телохранителей, вооруженных метательными ножами и булавами, Карла вышла в тронный зал. Там уже ждали ее Толстый Грыз, Бешеный Блюм и Собачий Хвост со своими адъютантами, а также несколько мелких вождей. Блюм и Хвост обменивались полными ненависти взглядами, и это Карле понравилось: пока вожди враждуют друг с другом так, что вот-вот вцепятся в глотки, они не приблизятся даже к первой ступеньке ее трона и будут верной опорой ее власти.

Она как бы случайно задела Хвоста своей лисьей мантией, дав ему возможность насладиться ароматом ее дуста, одновременно она кокетливо улыбнулась Блюму, чтобы они оба поверили в ее благосклонность.

Потом Карла поднялась на трон. Перед подданными предстала роскошная женщина, ставшая в этот момент грозной Королевой, словно сам трон изменил ее.

— Итак,— спокойно сказала Карла.— Первый день Завоевательного похода закончился, и мы можем подвести

итоги. Разрушено около ста домиков и шалашей, взята Свалка, захвачена библиотека, Блюмом убит неизвестный великан, кроме этого уничтожены двадцать лобастиков и шерстюш,— это хорошие итоги. А теперь плохие: около тридцати карликов погибли, еще двадцать отправились в пруд, поплатившись за свою нерасторопность, Паук издох, пленники сбежали, и Магический Кристалл похищен... Ну-с, что скажете? Нечем хвастаться, не правда ли?

Толстый Грыз тяжело вздохнул, Блюм, заскрежетав зубами, немного вытащил из ножен кинжал, заставив слегка поволноваться телохранителей, а Собачий Хвост бросился перед троном на колени.

— Я найду твой Кристалл, Королева! Обещаю тебе! Я принесу тебе головы и сердца сбежавших мутантиков и верну камень, даже если мне придется пойти за ним в Старый Город.

Рыжая Карла невесело усмехнулась.

— Надеюсь, ты не пожалеешь о своих словах. Именно туда тебе и придется отправиться, Хвост. Следы воров обнаружены на заднем дворе у границ с Городом. А ты, Блюм, поможешь мне? Не побоишься ради меня переступить границу Старого Города?

— Нет, Королева, Бешеный Блюм ничего не боится. Он умрет, но принесет тебе камень,— твердо сказал вождь.

— Ну а ты, Грыз? Не хочешь попытать счастья? Ведь тот, кто вернет мне Магический Кристалл, станет моим мужем.

Толстый Грыз печально повесил голову:

— Я уже слишком стар, Королева, и для походов в Старый Город, и для супружества. Надеюсь, ты не казнишь меня за это?

— Казню? Во всяком случае, не сейчас,— успокоила его Карла.— Ты неплохой военачальник, хотя и трус. А теперь, когда два моих лучших вождя уходят в Старый

Город и неизвестно, вернутся ли, ты мне здесь пригодишься.

Собачий Хвост подошел к окну реактора и посмотрел на занимавшийся рассвет.

— Мы выступаем прямо сейчас, пока следы еще свежие и собаки сразу их возьмут,— заявил он.— Мы идем вдвоем с Блюмом, Королева, но назад вернется только один из нас. Мало ли что может произойти в дороге.— И Хвост бросил на своего соперника презрительный взгляд.

Рыжая Карла на мгновение задумалась, а потом тряхнула пышными волосами.

— Главное, чтобы тот из вас, кто вернется, вернулся вместе с Кристаллом! — медленно произнесла она.— А в пути... в пути всякое может случиться.

Уже в дверях Хвост оглянулся, послал Карле воздушный поцелуй и крикнул:

— Жди меня, Королева, скоро я принесу тебе Магический Кристалл в одном мешке с головами его похитителей! Но когда я стану твоим мужем и Королем, то хочу, чтобы меня называли не *Собачьим Хвостом*, а *Грозным Хвостом* или, еще лучше *Грозным Реакторным Хвостом*.

— Тщеславный мальчишка, как бы тебе не стать Мертвым Хвостом,— пробормотала себе под нос стоявшая позади трона Требуха, увидев, как побелели сжимавшие кинжал костяшки пальцев Бешеного Блюма.

— Ступайте, отважные вожди! И возвращайтесь с камнем! Я помню о своем обещании!

Рыжая Карла поднялась с трона и, велев Толстому Грызу со своим отрядом прочесать Странный Лес, уничтожая мутантиков, вместе с Требухой и начальником стражи Пупом вернулась в свою комнату.

— Ты и правда думаешь, моя повелительница, что два эти неудачника помогут тебе вернуть Магический Кристалл? — спросил Пуп, помогая Королеве снять мантию. Он осторожно, с поклоном, снял с ее головы тяжелую

корону из коровьего черепа с позолоченными рогами и положил ее на мягкую подушечку у зеркала.

— Почему бы и нет? — Рыжая Карла презрительно пожала плечами. — Один из них мальчишка, смелый и глупый, а второй — прирожденный палач, который ни разу еще не ложился спать, не убив кого-нибудь. Я доверяю Блюму меньше, чем Хвосту, хотя *надеюсь* на него больше.

— Ты сама хитрость, о Королева! — угодливо хихикнула Требуха. — Нет ни одного карлика, которого бы ты не подозревала в измене. Скажи, а ты вообще кому-нибудь доверяешь?

— Я доверяю сама себе, — ответила Карла. — А еще я верю в злобу и жадность. А больше ни во что...

— И нам ты не доверяешь? — грустно спросил Пуп.

Королева потрепала его по покрытой шрамами щеке.

— Тебе с Требухой я *почти* доверяю, — честно ответила она. — И знаете почему? Потому что вас все ненавидят. Выбрось я завтра обоих на улицу, и вас разорвут в клочья. Так что в вашей верности я уверена. Но все равно не советую вам даже во сне мечтать о моем троне! Не миновать вам тогда пруда.

Такие вспышки откровенности случались у Карлы нечасто, должно быть, от волнения она выпила чуть больше дуста, чем нужно, и Требуха решила воспользоваться этим и еще кое-что выяснить у повелительницы.

— Госпожа, а тот, кто вернет тебе Магический Кристалл, в самом деле станет твоим мужем?

— Мужем — возможно, но не правителем! — И Карла задумалась. — На троне не поместятся двое, он для этого слишком узкий.

— Но ты же обещала им...

— А когда я держала свои обещания? Слишком честные долго не живут. Еще есть вопросы, а то что-то вы сегодня очень любопытные?

— Только один последний вопросик,— не удержалась Требуха.— Повелительница, а кто такой Черный Герцог? Я никогда не слышала о таком карлике.

— А кто тебе сказал, что он карлик? — удивилась Королева.

За окном послышались встревоженные крики стражи. Карла шагнула к окну и рывком распахнула ставни. К реактору, бесшумно взмахивая кожистыми крыльями, приближалась огромная летучая мышь, ее уши так были загнуты кверху, что были похожи на маленькую корону.

— Вот и ответ на твой вопрос. Прибыл Черный Герцог собственной персоной,— представила его Рыжая Карла.

Все вернулись в тронный зал.

На спине у летучей мыши, вцепившись в уздечку, сидел зеленый от страха Нытик. Сложив крылья, мышь влетела в окно, и шпион, задев головой за раму, кубарем скатился на пол.

— Королева, я доставил Черного Герцога.— Нытик попытался встать, но сразу же упал, ноги плохо его слушались, а на лбу вспухала огромная шишка. Пуп приказал телохранителям отнести шпиона на кухню, привести в чувство и накормить.

Рыжая Карла велела принести своему любимцу кусок сырого мяса и, пока Черный Герцог жадно ел, ощупывала кожистые складки у него на крыльях.

— Совсем отошал, мой мальчик,— с жалостью сказала она.— Требуха, прикажи поварам, чтобы Герцогу давали лучшие куски, я хочу, чтобы он был сильным. Поняла?

— Будет сделано, повелительница.— Жирная карлица с опаской покосилась на огромную мышь, занимавшую почти треть зала.

Требухе показалось, что Черный Герцог поглядывает на нее с каким-то особым выражением, будто сама она была аппетитным куском свиного сала. Карлица торопливо спряталась под трон.

— Вот трусливая корова! — расхохотался начальник телохранителей Пуп.— Боишься, что он тебя сожрет?

— Сам-то не больно смелый! Что ж сам к нему не подходишь? — визгливо крикнула Требуха, высовывая голову из-под трона.

— Пуп, предупреди стражу, чтобы не вздумала бросать в Герцога камни и копыя! — распорядилась Рыжая Карла.— Пусть ему освободят чердак и сделают под потолком перекладину, Герцог любит темноту и привык висеть вниз головой. И пусть к нему никто не подходит: он не переносит чужих и может разорвать любого.

— Госпожа, а почему он не трогает тебя? — пискнула из-под трона Требуха, наблюдая, как Королева гладит чудовище по складчатой шее и даже теребит за уши, а тот не только не выражает неудовольствие, но и щурится, как сытый кот.

— Герцог любит запах сушеного чеснока.— Карла показала на маленький мешочек, пришитый изнутри у нее к рукаву.— Я и Нытику велела натереться чесноком, иначе Герцог разорвал бы его.

— А почему эта мышь такая большая? — спросил Пуп.

— Это длинная история. Когда-то я поставила эксперимент. Взяла десять летучих мышат, кормила их кровью

и мясом, а на ночь запирала в самую сердцевину реактора, знаешь, где все светится... И когда они оказались в самом центре, я немного поколдовала с Магическим Кристаллом. Девять мышат сдохли, не выдержав излучения, а один выжил... И вот он — Черный Герцог. И именно он поможет мне вернуть Кристалл, если эти тупицы вернутся с пустыми руками.

Рыжая Карла легонько подтолкнула мышь к окну. Герцог, взмахнув кожистыми крыльями и сорвав одну из ставен, взлетел, сделал круг над реактором и направился к чердаку.

— Днем он отоспится, отдохнет, а ночью мы с ним полетаем,— пробормотала Карла и отошла от окна.

А тем временем Бешеный Блюм и Хвост собирались в дорогу. Блюм вынул из чехла свое любимое копьё и на глазах у соперника стал с многозначительным видом затачивать наконечник. Собачий Хвост, не желая оставаться в долгу, сбежал в свою нору и притащил допотопное подводное ружье, заряженное пикой в зазубринах. Это ружье досталось ему от дедушки, и Хвост тихо бормотал (но, разумеется, так, чтобы Блюм его слышал), что из этого ружья он вонзает стрелу на расстоянии двадцати метров в глаз летящей вороне, а уж кой-кому в лоб он тем более не промажет.

Похваставшись друг перед другом, вожди на время заключили перемирие, причем каждый решил про себя, что вначале он догонит мутантиков и отберет у них Магический Кристалл, а уж на обратном пути выберет подходящую минуту и избавится от соперника.

Хвост и Блюм отобрали из стаи и запрягли в колесницу самых сильных, с отменным чутьем псов, натасканных на запах лобастиков и шерстюш, и дали собакам понюхать веревки, которыми пленники раньше были связаны. Тотчас псы натянули построжки, и колесница с лязгом тронулась.

Собаки направились на задний двор реактора, к горячим ключам. Осторожно, стараясь, чтобы брызги не попали им на кожу, карлики обогнули горячие ключи и подъехали к ограде. Здесь им пришлось остановиться и выломать несколько ржавых прутьев, чтобы собаки смогли провезти через дыру огромную колесницу.

Около рельсов Хвост на минуту приостановил колесницу, как бы для того, чтобы проверить, хорошо ли прикреплена к поясу булава.

— Струсил? — насмешливо спросил Блюм.

Молодой вождь спрыгнул с колесницы.

— Просто не хочу поворачиваться к тебе спиной, старый палач, — зло ответил Хвост и первым перескочил через рельсы.

Увидев, что с его спутником ничего не случилось, Блюм последовал за ним. Утренний туман уже начинал рассеиваться. Собаки сразу взяли след, и колесница загрохотала по асфальтовой дороге.

Глава десятая СЛЕДСТВИЕ ОШИБКИ

Знание того, что ты ничего не знаешь — и есть абсолютное знание.

Пупырь Великий

В тумане легко было разминуться, и именно это произошло с Бормоглотиком, Бубнилкой и Трюшей, когда, оставив на берегу ручья привязанного «Отважного Первопроходца», они пробирались вдоль рельсов, направляясь к реактору, где, как они думали, томились в плену Пупырь, Мумуня и лобастики. И именно в это время сбежавшие пленники находились в плотном кольце утреннего марева всего в нескольких десятках метров от них, направляясь к Старому Городу. Обе группы были

совсем рядом, настолько, что, не будь тумана, они непременно встретились бы.

Встреча, которая бы так обрадовала и тех и других, могла бы состояться и завершилась бы обоюдной радостью, объятиями, но обманчивая предутренняя дымка поглощала силуэты и голоса. На минуту, когда мутантики были совсем рядом, почти на расстоянии вытянутой руки друг от друга, Бормоглотнику показалось, что он слышит чьи-то голоса и даже различил несколько длинных зыбких теней, но решил, что это карлики-часовые, охранявшие реактор, и прошептал Трюше и Бубнилке, чтобы те притаились и переждали.

Встрече не суждено было произойти, и маленькие мутантики прокрались через рельсы, уткнувшись в ограду реактора. Красноглазых псов, которые неистовствовали за оградой всего несколько минут назад, уже не было: один из поваров, свежующих на кухне овцу на завтрак Карле и ее свите, выбросил во двор кишки и потроха, и голодные собаки, почуяв запах крови, сбежались к кухне со всех сторон.

Мутантики прошмыгнули между прутьями ограды и подкрались к глухой стене реактора, раздумывая, что им делать дальше. Туман все еще был достаточно густым, и стража пока не замечала их, однако все входы в реактор, в которые малыши могли пробраться, тщательно охранялись усиленными караулами по приказу Карлы.

— Я стану невидимой и проберусь внутрь! Потом как-нибудь отвлеку стражу и вы проскочите за мной,— прошептала Трюша.

— Подожди немного.— Бубнилка удержала ее своей слабенькой ручкой.— Сюда кто-то идет. Давайте спрячемся и подслушаем.

Друзья прыгнули за гусеницу ржавевшего у стены огромного трактора и, присев на корточки, стали ждать, пока стража пройдет мимо.

В этот день очередь охранять двор выпала Оболдую, Жлобу и еще одному гундосому карлику по прозвищу Цыкающий Зуб, который не выговаривал почти все буквы, но при этом был очень болтлив.

— Фофадно, фефанифу фуфан,— пожаловался Цыкающий Зуб, перебрасывая копье из одной руки в другую и подпрыгивая на месте.

— Чего этот гундосый бормочет? — спросил Жлоб.

— Говорит: «Холодно, ненавижу туман»,— перевел Оболдуй, знакомый с Цыкающим Зубом уже довольно давно и научившийся понимать его.

— Фефли фон буфет нафывать мефя фундосым, я ферегрызу фему форло! — злобно сказал Цыкающий Зуб.

— А сейчас этот гундосый что сказал? — вызывающе спросил Жлоб.

— Опять, говорит, холодно, мол, ненавижу туман и все такое прочее,— ответил Оболдуй, не желавший, чтобы его приятели ссорились.

Около ржавого трактора, устав от бесцельного хождения вокруг реактора, карлики остановились передохнуть. Со стороны пруда донесся пронзительный крик, а потом раздался всплеск.

— Фарфиков фюот, фофорые фленнифоф уфуфили,— сообщил Цыкающий Зуб.

— Говорит, карликов моют, которые пленников упустили,— перевел Оболдуй.

— Не карликов моют, а офицеров топят,— внес поправку Жлоб.— Карла сегодня как с цепи сорвалась.

— Тшш! Шпионы услышат! — Оболдуй поднес палец к губам и огляделся.— Только по секрету,— прошептал он,— телохранители говорят, мутантики до того, как сбежать, убили Большого Паука.

— Брешут твои телохранители! — убежденно сказал Жлоб.— Разве Паука убьешь? А ты что думаешь, гундосый? А, гундосый, чего замолчал?

— Фя тяфя фуфью, фофака! — заорал Цыкающий Зуб и, не дожидаясь перевода, прыгнул на Жлоба. Охранники покатались по земле и случайно оказались возле того колеса, за которым прятались маленькие мутантики.

Первыми увидел их Цыкающий Зуб.

— Флефники! Ффофай фих! — закричал он.

— Сейчас я тебе покажу «флефник»! Сейчас ты у меня сам «флефником» станешь! — огрызнулся Жлоб, решивший, что это какое-то нехорошее слово, которым Зуб дразнится, и заехал ему по уху.

— Не фей мефя! Фофай фих!

И, вырвавшись, Цыкающий Зуб бросился к колесу. Из-за него выскочили маленькие мутантики и, промчавшись мимо удивленного Оболдуя, затерялись в тумане.

Стражники безрезультатно искали их некоторое время и вернулись к стене реактора.

— Фя же фофарил! — крикнул Зуб. — Уфуфутили!

— Что он говорит? — спросил Жлоб.

— Он сказал: я же тебе говорил! А ты, болван такой стоеросовый, не послушал! А теперь он на тебя донесет, и тебя, Жлоб, в пруд бросят, и правильно сделают! — схитрил переводя Оболдуй.

— И это он все так длинно сказал? — не поверил озадаченный Жлоб.

— Он еще и не то сказал. Говорит, если ты не дашь нам тот кошелечек, который отобрал сегодня у Куки, лежать тебе на дне пруда, а если отдашь, тогда мы... то есть он, так и быть, не будет на тебя доносить, — поспешно добавил Оболдуй, поглядывая на висевший на поясе у Оболдуя кошелечек с монетками.

Жлоб от ярости стал красным, как помидор.

— Предатель! — заорал он и потряс кулаком перед носом Цыкающего Зуба. — Хочешь все на меня свалить! Не выйдет!

— Фо фон фоварит? Фофему «фредатель»? Фя нифого нифогда не фредавал! — заметил удивленный Зуб, который мало того что гундосил, еще был глуховат.

Жлоб покосился на Оболдую в ожидании перевода.

— Давай кошелек, Жлобище! А то тебе конец! — растолковал хитрый Оболдуй. — Это из-за тебя мы упустили мутантиков, так что и расхлебывать тебе.

Жлоб с ненавистью посмотрел на косноязычного товарища, а потом отцепил от пояса кошелек и протянул его Зубу.

— На, гундосый, подавись! Не думал я, что ты такой подлый!

Цыкающий Зуб удивленно заморгал, не понимая, зачем карлик отдает ему кошелек.

— Фофем мне тфой фофелек? Фя не фредатель! Офафь ефо сефе!

— Чего этому гаду еще надо?

— Говорит, что взятку лучше передавать через посредника, а то как бы чего не подумали, — сказал Оболдуй. Он как бы нехотя взял у Жлоба кошелек и сунул его себе в карман.

— Я ему потом отдам, вечером! Так полагается, — объяснил он и, похлопав огорченного Жлоба по плечу, добавил, подражая Зубу: — Такова физнь, мой фрук, такова физнь!

Пока хитрый Оболдуй присваивал себе кошелек, маленькие мутантики, обнаружив, что погони за ними нет, остановились, чтобы отдышаться.

— Чуть не схватили! — сказал Бормоглотик. — Ну как, Бубнилка, удалось тебе прочитать их мысли?

— Кое-что удалось, — радостно воскликнула малышка. — Кажется, пленникам удалось сбежать: и Пупырю с Мумуней, и моему папе и всем-всем лобастикам! Мало того, что они сбежали, еще и стащили у Карлы какой-то камень... Она сейчас думает, как его вернуть.

Грушевидный нос Трюши победно засветился, из желтого становясь красным, из красного — оранжевым, а потом снова желтым.

— Ура! Пупырь и Мумуня спасены! — тихонько воскликнула она радостно.

— Не шуми, я хочу выяснить, что задумала Рыжая Карла! Отсюда ее мысли очень хорошо слышны, наверное, она стоит где-нибудь у окна,— сказала Бубнилка (и в самом деле, в этот момент на верхнем уровне реактора Карла ждала появления Черного Герцога).

Малышка вслушалась в мысли Королевы.

— Карла отослала за ними в погоню двух самых свирепых вождей. Этот камень, который наши родители у нее стащили,— камень власти, и она хочет его вернуть любой ценой.

— А куда Пупырь с Мумуней побежали? Нужно же их предупредить!

— Они побежали в Старый Город совсем недавно. Странно, что мы с ними разминулись.

— Ничего странного: туман,— грустно сказал Бормоглотик.

— В Старый Город! — охнула Трюша.— В Старый Город! Я за них боюсь!

— Мы пойдем за ними и предупредим их о погоне,— сказала Бубнилка.— Жаль, что я еще такая маленькая. Я еще не умею *передать* мысли на расстояние, я умею их только *принимать*.

Теперь, когда мутантики знали, что родные и друзья спаслись, они решили как можно скорее покинуть территорию реактора, где на каждом шагу их ожидала опасность. Туман уже начинал рассеиваться, и их могли увидеть.

Но оказалось, что, удирая от стражи, Бормоглотик, Бубнилка и Трюша заблудились. Обогнув реактор, вместо того, чтобы выйти к забору, они попали в небольшой внутренний дворик. Там они наткнулись на кирпичную

стену бывшей водокачки, в которой теперь была школа для детей карликов. Маленькие мутантики подкрались к окну и заглянули сквозь щель в ставне. Им было любопытно, чему и как учат юных недорослей.

В классе начинался урок. Успевшие перессориться за перемену ученики катались по полу, кусались, швырялись стульями и колотили друг друга головами об парты.

В класс вошла учительница — тощая немолодая карлица по имени Грымза, приходившаяся начальнику теплохранителей Пупу троюродной сестрой. В одной руке у нее был журнал, а в другой — деревянный молоток на длинной рукоятке, которым она тотчас принялась колотить своих нерадивых учеников.

— За парты, олухи! Кретины! Хамы! — заорала она. — Вы не слышали, как я стучала в таз!.. Гнус, что у тебя за поясом? Метательная булава? Разве ты забыл, что приносить оружие в класс запрещено под страхом умывания в ручье?

— Это папина! — пропищал Гнус. — Я больше не буду!

— Знаю, что будешь! А ну, дай ее сюда!

Грымза вырвала у Гнуса булаву и швырнула ее в окно. Булава пробила в гнилых ставнях дыру и просвистела над головой едва успевшего присесть Бормоглотика.

Грымза прошла к учительскому столу и, забравшись на него с ногами, начала урок.

Карлики считали Грымзу очень умной и образованной, потому что она была единственной, кто хоть как-то умела писать и знала кое-что о равенстве треугольников. Кроме того, она умела неплохо готовить химические смеси и варила из дуста, ртути и мышьяка с добавлением небольшого количества соляной кислоты вкусный самогон, который очень любили пить ее братец Пуп и даже сама тетушка Требуха, которая, кроме того, что стала обжорой, не прочь была и выпить.

Когда недоросли кое-как расселись за парты и успокоились, Грымза открыла журнал и, отметив отсутству-

ющих (тех, которые были тяжело ранены после вчерашнего урока физкультуры, когда играли в вышибалы кирпичом), сказала:

— Сегодня на уроке мы будем учиться считать до трех. Тот, кто уже умеет считать до трех, поднимите ногу!

Юные недоросли тревожно завопили, но в классе поднялась только одна мохнатенькая ножка — юной хорошенькой карлицы с первой парты, у которой в ушко была кокетливо продета маленькая косточка.

— Смола, опусти ногу, я знаю, что ты умеешь! Ты — моя единственная гордость среди этого сборища кретинов! — И учительница погладила отличницу по квадратной голове.

Потом Грымза снова заглянула в журнал и взревела, размахивая молотком:

— Дрызг, к доске! Живо!

С места поднялся приземистый круглоголовый недоросль и, косолапя, с обреченным видом направился к доске.

— Дрызг! Почему ты весь в царапинах, опять кошек пытал?

— Гы...— отозвался тот.— Просто у нас на завтрак белка была, а мама ей когти подстричь забыла... Царапучая, зараза.

— Дрызг, ты умеешь считать до трех?

— Не-а...

— А до двух?

— Не-а...

Грымза нахмурилась.

— А хотя бы до *одного* умеешь считать?

Дрызг со вздохом замотал коротко остриженной головой с двумя вмятинами на затылке, которые возникли после того, как накануне он учился жонглировать ку-валдами.

— Дрызг, откуда у тебя ссадина на лбу? Тоже кошка?

— Не-а, ребята вчера подкололи...— охотно объяснил недоросль.— Говорят, слабо прыгнуть ласточкой в бассейн. Я думаю, в чем подкол? А оказалось, они туда мазута не налили, ну я об дно лбом и шмякнулся.

Двоечники на задних партах загоготали, но после того, как Грымза бросила в них стулом, притихли.

— Хорошо, Дрызг, сейчас я буду учить тебя считать до трех, а вы, оболтусы, запоминайте! Используется метод непосредственного мозгового стимулирования!

— Как «мулирование»? — удивился ученик.

— Объясняю для дураков: мозговое стимулирование — это шоковая терапия или массаж головы! — объяснила Грымза и заехала ему деревянной колотушкой по лбу. Раздался звук, подобный тому, как если бы кто-то постучал костяшками пальцев по столу.

— Один удар — это раз! Простая арифметика. Запомнил? А сейчас будет — два! — И она стукнула Дрызга колотушкой два раза, научив его таким образом считать уже до двух.

— А теперь будет три! — И Грымза замахнулась колотушкой в третий раз, чтобы завершить процесс образования.

Но тут недоученный Дрызг с громким воплем выскочил в окно, высадив раму, и побежал наутек. За ним с колотушкой над головой гналась учительница и кричала:

— Стой, оболтус! А как же мозговое стимулирование? Ты мне портишь всю педагогику!

Тут Грымза случайно обернулась и увидела около окна маленьких мутантиков, не успевших спрятаться за угол дома.

— Пленники сбежали! Лови их! — завопила она и помчалась за ними.

Дрызг, Смола и остальные юные недоросли с радостью покончили с образованием и, выхватив ножи и вилки, которые они, как примерные карлики, всегда носили с собой, погнались за мутантиками, намереваясь, очевидно, превратить урок математики в урок банального людоедства.

Бормоглотик и Трюша бегали быстро и смогли вначале опередить карликов, но вдруг Бубнилка упала. Мутантик остановился и, подхватив малышку, помчался догонять Трюшу, но с грузом он уже бежал не так быстро. Грымза с колотушкой и недоросли с ножами и вилками стали его догонять. А тут еще Жлоб, Оболдуй и Цыкающий Зуб, а вместе с ними по меньшей мере десяток телохранителей Карлы, охранявших служебный вход в реактор, заметили беглецов и помчались наперерез, отсекая малышей от забора.

Но когда надежда на спасение уже почти исчезла, Трюша заметила валявшийся на земле длинный пожарный шланг, прикрученный проволокой к крану.

— Бормоглот, откручивай кран! — закричала она, схватив шланг и направляя его на приближающихся карликов.

Хоть вероятность того, что пожарная система реактора все еще действует, была невелика, все же это был их

единственный шанс. Бормоглотик ухватился двумя руками за ржавый кран и изо всей силы стал вращать его против часовой стрелки. Кран поддавался очень туго, а карлики были уже совсем рядом!

— Скорее, Бормоглот! — крикнула Трюша.

— Я стараюсь — не выходит!

Грымза уже занесла свою колотушку над головой Бубнилки с явным намерением то ли испробовать на ней свой свирепый педагогический метод, то ли прибить малышку насовсем. Но в это мгновение кран наконец зашипел, потом загудел и из внезапно надувшегося шланга ударила мощная струя застоявшейся воды. Напор был так силен, что Трюша едва удержала в руках вырывающийся шланг. Бормоглотик перехватил его.

Вопящую Грымзу струей воды перекувырнуло в воздухе и отбросило на несколько метров, а следом за ней смыло и нескольких ее учеников, в том числе Дрызга, Смолу и кое-кого еще.

— Осторожно, сзади! — крикнула Бубнилка.

Не раздумывая, мутантик повернул шланг, и струя ударила в одного из телохранителей Королевы, подло подкравшегося сзади и уже поднимавшего свою утыканную гвоздями булаву для удара. Струей воды его сбilo с ног, он выронил булаву и с писком уполз под бетонную плиту.

Рассохшийся шланг вздрагивал, и из его многочисленных маленьких дыр и дырочек хлестала вода. Бормоглотик и Трюша поворачивали конец шланга из стороны в сторону, расшвыривая струей перепуганных падающих.

Цыкающего Зуба струей смыло с крыши трактора, на которую он пытался залезть, и карлик шмякнулся о стену реактора.

— Безобразие! Хамство! Вандализм! — закричал он, вдруг перестав быть косноязычным. Это под влиянием «водной» терапии в нем пробудилась наследственная па-

мать, и он вспомнил даже те слова, которых никогда в жизни не знал.

Не успев даже позлорадствовать над неудачей своего врага, Жлоб, только открывший рот, чтобы произнести: «Так тебе и надо», сам был облит с ног до головы ледяной водой и с воплем, не помня себя от ужаса, залез *по совершенно отвесной стене реактора* на его крышу. Второй приступ ужаса он испытал уже на крыше, увидев, на какую высоту взобрался без страховки.

— Интуиция подсказывает мне, что и меня сейчас обольют, — философски заметил Оболдуй, наблюдая, как разлетаются под струей телохранители Карлы, по-

пытавшиеся обойти маленьких мутантиков со стороны забора.

— Моя интуиция никогда меня не обманывала,— продолжал он.— Вот прямо сейчас возьмут и оболь... Ну, что я говорил? Взяли и окатили! — пропищал он уже плаксивым голосом, уползая под трактор.

После того как еще два или три нападавших и около десятка юных недорослей, мокрые с головы до пят, побросав оружие, стали с визгом кататься по земле, карлики больше не решались атаковать и держались на безопасном расстоянии, куда брызги струи уже не могли до них достать.

Расчистив или, точнее, «промыв» себе дорогу к забору, Трюша и Бормоглотик окатили еще два или три раза визжавших карликов, а потом, бросив корчившийся, подобно удаву, шланг на землю, подхватили Бубнилку и побежали с ней в сторону границы со Старым Городом. Уцелевшие карлики припустили было в погоню, но тут шланг дернулся на последнем издыхании, подскочил и выпустил последнюю мощную струю воды почти им в упор.

Трюша, Бормоглотик и Бубнилка проскочили сквозь дыру в ограде и оказались около железнодорожных путей, образовавших в этом месте нечто похожее на перевернутую букву «Т». Перекладина «Т», представлявшая широкий железнодорожный путь, изгибалась и сворачивала в сторону от основной колеи, уходя в направлении Старого Города и заканчиваясь, надо полагать, где-нибудь на территории Зброшенного Вокзала.

Перескочив через пути и убедившись с облегчением, что карлики их не преследуют, а стоят у границы и что-то угрожающе кричат, размахивая булавами и швыряя камни, маленькие мутантики почувствовали огромное облегчение. В который раз они были рядом со смертью, дразня ее, а она не осмелилась их тронуть.

— Как твоя коленка, Бубнилка? — спросила Трюша.— Ты ее сильно ударила?

— Только чуточку ушибла, она уже совсем не болит! — сказала малютка. — Как здорово, что тебе пришла мысль облить их из шланга. Я боялась, что эта старушенция с колотушкой на мне живого места не оставит. А потом проникла в ее мысли, они все тесные, злобные и все как-то в кучку.

— Мысли в кучку? — заинтересовалась Трюша. — Как это?

— А вот так, сама не знаю, — засмеялась девочка. — В кучку, и все тут!

Малышка очень многое понимала и чувствовала, а вот объяснить и выразить словами могла далеко не все. «Какая-то я сама себе непонятная», — вздыхала иногда она.

Маленькие мутантики понимали, что потеряли слишком много времени у реактора и теперь им будет непросто догнать родных и предупредить их о погоне. Поэтому они старались идти как можно быстрее, во всяком случае, Бормоглотик торопился, а Трюша и Бубнилка, всю ночь не спавшие, клевали носами и шли еле-еле, жалуясь, что устали.

Они двигались по дороге вдоль рельсового пути. Справа и слева от них возвышались неподвижные громады домов со слепыми окнами, валялись ржавые рамы машин, стояли покосившиеся телефонные будки и поскрипывали сорванные с петель двери подъездов. Здесь были сотни и тысячи мест, где могла прятаться и подстерегать их любая опасность. Разросшиеся деревья и пробивавшиеся сквозь асфальт побеги кустарника ухудшали видимость: лес год за годом захватывал заброшенный город. «Еще сто или двести лет, — словно бы говорил он, — и здесь ничего не останется, ни домов, ни каменных стен, ни асфальта, — буду только я». И, возможно, думали маленькие мутантики, это даже к лучшему.

— Интересно, мы правильно идем или нет? — спросила Трюша. — Вдруг Пупырь и Мумуня повернули куда-

нибудь в сторону? В таком огромном городе легко разминуться.

— Так ты до того договоришься, что лучший способ искать кого-нибудь — это вообще никуда не ходить, а стоять на месте,— проворчал Бормоглотик, даже не подзревая, насколько он был близок к истине.

— Наши родители где-то в центре города,— сказала Бубнилка, сосредоточиваясь и сжимая ручками виски.— Я могу представить себе улицу. Она такая длинная, немного кривая, там недалеко какой-то шатер, вроде цирка, деревянный забор и еще что-то... Ага, двухэтажный дом, а на нем надпись: «Универсам»!

— А моих папу с мамой ты видишь? — с надеждой спросила Трюша.— Они тоже там?

— Не знаю. Кажется, я смотрю не их глазами, а глазами погони. Я вижу эту улицу через мозг карлика, который за ними гонится. А впереди меня, то есть впереди этого карлика,— бежит пес. Очень злой он... Там рядом еще один карлик, которого первый ненавидит, он размышляет о том, не всадить ли нож сопернику в спину... Нет, думает, потом, вначале верну Кристалл...

Маленькие мутантики продолжали идти рядом с рельсами, когда увидели на путях какое-то странное приспособление с рычагом посередине и двумя парами железных колес.

— Что это за штука? — спросила Трюша.

— Дрезина,— объяснил Бормоглотик, дотрагиваясь до рычага.— На ней ездят по железной дороге. Если раскачивать этот рычаг, дрезина начнет двигаться.

— А откуда ты знаешь? Разве ты раньше видел такие штуки?

— У меня ведь тоже есть наследственные способности,— смущенно сказал мутантик.— Раньше я тебе об этом не говорил, но стоит мне прикоснуться к чему-нибудь, к какой-нибудь вещи,— и я вспоминаю все-все про этот предмет, как будто сам им когда-то пользовался,— стес-

няясь, объяснял Бормоглотик.— Например, один раз в заброшенном магазине я нашел какую-то странную коробку, дотронулся до нее — и сразу понял, что это телевизор, что по нему смотрят кино, или увидел другую штуку — и вспомнил, что это электрическая бритва...

— Почему бы нам не поехать на этой дры... дрызине? — спросила Бубнилка.— Тогда нам не придется идти пешком, и мы сможем догнать родителей.

Девочки залезли на дрезину и комфортно разместились на деревянных сиденьях, а Бормоглотик налег на рычаг. Вначале они ехали медленно, а потом, когда дорога пошла под уклон, дрезина разогналась, и только замелькали телеграфные столбы. Трюша и Бубнилка смогли даже немного поспать.

Неожиданно перед въездом в Старый Город впереди показался низкий черный тоннель, и дрезина, не останавливаясь, нырнула в него. Света впереди не было, и они оказались словно в темном страшном колодце.

— Я боюсь! Тут кто-то есть! — Бубнилка крепко сжала Трюше палец.

Посередине тоннеля дрезина вдруг остановилась и, сколько Бормоглотик ни дергал за рычаг, не трогалась с места. Вероятно, одно из колес сошло с рельса и его заклинило.

— Тут кто-то есть! — еще раз пропищала Бубнилка.— Я... я слышу, как *Он* думает!

Глава одиннадцатая ТАЙНА СТАРОГО ГОРОДА

У меня есть мысль, и я ее думаю.

Пупырь Великий

Со старыми городами связано много тайн, это общеизвестно, так всегда было и будет. А уж если город стоит заброшенным уже сто пятьдесят лет, то количество на-

копившихся и неразгаданных тайн будет просто ни с чем не соизмеримым.

Пупырь, Мумуня, Отелло, Умник и Хорошист вошли в Город по центральному шоссе со стороны реактора. Потом, когда дорога пошла под уклон, Пупырь нашел где-то скейт, и они усадили на него Умника, едва державшегося на ногах. Дедушка впечился ручками в скейт, а тут еще Отелло решил, что Умника повезет Пупырь, а тот думал, что скейт будет толкать Хорошист, а последний ровным счетом ничего не думал, а просто глазел по сторонам, привычно выдумывая новые слова, такие, как, «пешехождение», «попрыгунчество», «брыкательство» и даже придумал самое длинное слово «ванькаостенкоголовывытирательство». Тем временем скейт с сидевшим на нем Умником потихоньку поехал под уклон, набирая скорость. Дед что-то тихонько пискнул, но его никто не услышал, потому что от ветра хлопнула дверь универсама и все испуганно оглянулись в ту сторону.

Вцепившийся в скейт повизгивающий старичок мчался под горку, отважно идя на таран кирпичной стены дома впереди.

— Дедушка уехал! — закричала вдруг Мумуня, обнаружив исчезновение скейта.

Спohватившиеся мутантики погнались за скейтом. Воображение рисовало им самые ужасные картины: Умник врезается в стену, страшный удар, и он лежит на асфальте, раскинув руки, а в его больших голубых глазах застыла укоризна...

Но догнать скейт, стрелой мчавшийся под гору, было уже невозможно.

— Умник, прыгай, прыгай! — кричали они, но старичок или не слышал, или насмерть перепугался.

В тот момент, когда скейт должен был врезаться в стену, все закрыли глаза, а когда открыли, то увидели, что Умник, целый и невредимый, преспокойно возвращается к ним. Он выглядел не напуганным, а радостным.

— Какое ужасное горкопускательство! Дедушка, с тобой могло произойти разбивательство! — всполошился Хорошист.

— С чего вы взяли? — удивился Умник.

— Но как же... ты ведь мчался на стену?

— Я развлекался,— пожал плечами старичок.— Если я уже немолод, это не значит, что я не нуждаюсь в развлечениях, как вы считаете?

Мутантики переглянулись, размышляя, не повлияло ли пережитое волнение на психику Умника.

— Дедушка, а как тебе удалось не разбиться? — спросил Отелло.

— А с чего ты взял, внучок, что я должен был разбиться?

— Но ты же ехал прямо на стену на этой доске. Нужно тебя с нее снять, пока она опять куда-нибудь не поехала...

— Не вздумай! Я теперь никому не отдам этот скейт! — запротестовал Умник.— Никогда в жизни у меня не было такой хорошей каталки.

— Но доска же неуправляемая!

— Почему неуправляемая, очень даже управляемая... Я с самого начала мог управлять ею *мысленно*, просто мне хотелось вас немножко попугать.

И старый лобастик снова помчался на доске к дому, но перед самой стеной скейт вдруг сделал несколько крутых поворотов, развернулся и снова подъехал к изумленным мутантикам. При этом Умнику не приходилось даже отталкиваться от асфальта, скейт ехал сам.

— Он прислушивается к каждой моей мысли, к каждому желанию! — похвастался лобастик.— Думаю, я теперь смогу даже выделять на нем всякие трюки.

Друзьям его нечего было сказать.

— Изумительство, невероятельство и совершенчество! — поразился Хорошист, наблюдая, как дедушка крутит восьмерки на скейте вокруг него.

Так Умник обзавелся скейтом, к которому вскоре так привык, что даже отказывался слезать с него на самое непродолжительное время. Если раньше старик вечно тащился в самом конце или его приходилось нести на руках, то теперь он мчался впереди всех, то и дело оглядываясь и покрикивая: «Ну, чего вы там, как черепахи? А побыстрее нельзя?»

Пупырь даже прозвал его «дедушкой-кавалеристом» и сказал, что для того, чтобы стать шлемоблещущим воином, Умнику не хватает только пики и острой сабли.

Но как бы хорошо все ни складывалось со старым лобастиком, не стоило забывать, что они находились в Старом Городе, а здесь с ними могло произойти что угодно и когда угодно.

— Ты хотя бы представляешь, что именно мы ищем? — спросила Мумуня у Пупыря. — Как может выглядеть разгадка Магического Кристалла?

— Не знаю, — сказал тот. — Но думаю, когда мы ее увидим, эту разгадку, мы сразу поймем, что это она.

— Тогда, может быть, перекусим? — с надеждой спросил Отелло. — Интересно, есть здесь где-нибудь книжный магазин?

Пупырь осмотрелся по сторонам.

— Книжного магазина нет, но зато есть аптека! — крикнул он обрадованно.

— Какая невезучость! Просто *изруквонплохость*! — пробормотал Хорошист.

Лобастики не едят лекарств, и он сообразил, что в аптеке найдется пища для шерстюш, а они будут сидеть и смотреть, как Пупырь и Мумуня набивают животики. Вот если бы попался книжный магазин, тогда все сложилось бы по-другому: лобастики бы обедали, а шерстюши, наоборот, сидели бы голодные.

Пупырь подошел к двери аптеки и подергал ее. Дверь оказалась запертой, а на двери мелом было написано: «...ктивное заражение свыше 10 рентг. в ч...»

— Давай разобьем витрину,— предложила Мумуня.

— Неудобно,— засомневался ее муж.— Ну разве только тихонько...

Проникнув в магазин через разбитую витрину, мутантики обнаружили на полках еще много всяких лекарств и микстурок. Большинство из них были, конечно, уже просрочены, но ведь просроченные лекарства даже вкуснее, это известно всем шерстюшам.

Пупырь и Мумуня нашли большую миску, накрошили в нее вкусеньких таблеточек, добавили микстурки, перекиси водорода и люголя (такая гадость для смазки горла), все тщательно перемешали, сделали бутерброды из ваты и горчичников и с аппетитом пообедали. А на десерт у них были какие-то сладкие розовые пилюльки, которые супруги запивали настойкой шиповника.

Завидуя им, голодные лобастики перерыли всю аптеку в надежде найти хотя бы рецептурный справочник, которым можно было бы подкрепиться, но ничего не обнаружили. Но потом Хорошист нажал на какую-то кнопку в кассе и из нее выехал длинный ящикек. В нем было много каких-то бумажек с нарисованными цифрами.

На вкус они оказались не ахти, но на голодный желудок сойдет. Лобастики съели по пачке бумажек, а потом начали спорить об их предназначении. Но никто этого не знал, даже Умник, который предположил, что это были странички какой-нибудь нарезанной на прямоугольнички книжки.

Отелло достал из-под прилавка стерильный бинт, с подозрением понюхал его, а потом откусил и прожевал кусочек, намереваясь сразу выплюнуть, если это окажется отрава. Хорошист и Умник с тревогой наблюдали за отважным экспериментатором.

Но, видимо, бинт оказался вкусным, Отелло удивленно поднял брови и прожевал еще кусочек, а потом еще... и еще... и с каждым разом все с большим аппетитом. А через несколько минут уже все лобастики сидели под

прилавком и с наслаждением чавкали бинтами. Они были такие голодные, что не успокоились, пока не съели почти все бинты, которые были в аптеке. Вдохновленные находкой нового деликатеса, они решили поискать другие лакомства, но, едва не подавившись резиновым жгутом, оставили это опасное занятие.

— А в Старом Городе не так уж и плохо,— заявил Пупырь, когда после обеда все мутантики сидели на прилавке и болтали ногами.— Может, мы его напрасно боялись? Сколько времени мы уже здесь, а с нами еще ничего страшного не произошло.

— Если бы только Трюша была рядом, тогда бы все было совсем хорошо,— добавила Мумуня.

— Обожаю пузиконабивальство! — воскликнул Хорошист.— Еще бы моя Бубнилка нашлась, и тогда Старого Города бояться нечего.

Но всегда так бывает, когда очень уверен в своей удаче или выскажешь что-нибудь уж слишком оптимистичное, в следующий миг случается нечто совершенно противоположное, которое не только вдребезги разобьет твои надежды, но еще и шишек наставит.

Так произошло и сейчас.

По Старому Городу словно прокатился смерч, земля всколыхнулась, асфальт вспучился и треснул, бетонные стены домов мелко сотрясались, а сохранившиеся чудом стекла задребезжали в рамах, как будто где-то под землей тяжело вздохнуло и пошевелилось огромное чудовище. С аптечных полок посыпались бутылочки с микстурками и зазвенела мелочь в кассе.

Но все это продолжалось не больше минуты. Землетрясение так же внезапно закончилось, как и началось, но ощущение, что рядом находится нечто неведомое и грозное, осталось.

— Думаю, нам лучше не задерживаться здесь надолго. Возьмем провизию и отправимся в дорогу,— сказал дедушка Умник и выехал на скейте из аптеки.

Пупырь и Мумуня быстро насыпали в сумку немного лекарств на ужин, а Хорошист и Отелло взяли оставшиеся бинты. Мутантики вышли на улицу и, свернув в переулок, быстро направились в сторону центра.

Но не успели они пройти и двух кварталов, как возле аптеки послышалось прерывистое дыхание псов, грохот колес и показалась колесница Бешеного Блюда.

Блюм остановил собак у разбитой витрины и переглянулся с Собачьим Хвостом, который сидел в колеснице рядом с ним.

— Они в аптеке! Не спугни их, а я уйму псов! — И, хотя собаки почему-то рвались в переулок, Блюм привязал их к столбу, чтобы они не расстроили охоту.

Хвост бесшумно вытащил из чехла, висевшего за спиной, подводное ружье, зарядил его стрелой и туго натянул резинку так, что стрела теперь готова была вылететь при одном легком нажатии на курок. Потом, желая опередить Блюда и прикончить мутантиков, прежде чем он привяжет собак, Хвост ворвался в аптеку через разбитую витрину и стал прочесывать отдел за отделом. Было ясно, что мутантики побывали здесь только что и, очевидно, спрятались при их приближении.

Услышав за спиной какой-то шум, Хвост стремительно обернулся и не раздумывая выпустил стрелу. Стрела пролетела всего в нескольких сантиметрах от уха появившегося Бешеного Блюда и, задрожав, глубоко впилась всеми тремя зубьями в обшитую деревом стену. Если бы Блюм секундой раньше не нагнулся, чтобы поднять с пола эластичный бинт, он был бы уже мертв, и даже удивительная способность карликов к регенерации не помогла бы ему. Старый вождь поднял голову и, слегка побледнев, уставился на Хвоста сузившимися злобными глазами.

— Я не думал, что это ты, — оправдывался молодой вождь.

— Понятное дело, не думал, но это была твоя последняя ошибка... — И Блюм, увидев, что противник стоит

с разряженным ружьем, стал поднимать свое зазубренное копьё.

Хвост, метнувшись за кассу, выхватил булаву и приготовился защищаться, хотя понимал, что против копьё, которым мастерски владел Бешеный Блюм, у него куда меньше шансов.

Но в этот момент с улицы раздался лай собак, которые сорвались с привязи и помчались с пустой колесницей в переулок.

— Мутанты убежали, и псы их учуяли! Ладно, я с тобой потом рассчитаюсь! — прорычал Блюм и, опустив копьё, выбежал из аптеки, устремившись за взявшими след собаками. Хвост вырвал из стены стрелу и, на ходу заряжая ружье, поспешил вдогонку.

Спина Блюма, видневшаяся впереди, была отличной мишенью, но Хвост был настолько благороден, что не стал стрелять в спину соперника. Вероятно, Блюм об этом догадался, потому что, пробежав полквартала, он оглянулся на молодого вождя, и его тонкие губы растянулись в саркастической усмешке.

Собаки шли уже даже не по следу, а, как говорится на охоте, «взрячую», то есть хорошо видя добычу. Догнать беглецов быстро им мешала тяжелая колесница. Хвост стал поднимать ружье, прикидывая, долетит ли его стрела до цели, но решил, что еще далеко, и отложил свое намерение, чтобы не потерять перед Блюмом репутацию меткого стрелка, которая немного пошатнулась после промаха в аптеке.

Мутантики тоже заметили погоню и теперь стремились уйти дворами и запутать следы. Впереди мчался дедушка Умник на скейте, за ним спешили Пупырь с Мумуней и лобастики. Они метнулись в одну подворотню, потом в другую, но расстояние между беглецами и красноглазыми псами сокращалось с каждой минутой.

Тогда, спасаясь от собак, мутантики опрокинули мусорный бак и, вскочив на него, пробрались на гаражи

и дальше уже побежали по крышам. Им удалось выиграть какое-то время, пока красноглазые псы, гремя колесницей, обегали гаражи вдоль забора.

Пупырь помог Мумуне спуститься с гаража с другой стороны, а Хорошист и Отелло помогли дедушке Умнику, крепко прижимавшему свой скейт.

Мутантики оглянулись, выбирая, куда им бежать дальше. Погоня вот-вот должна была их настигнуть, и по железным крышам уже грохотали реакторные карлики, перепрыгивающие с гаража на гараж.

Пупырь, Мумуня и лобастики выскочили в переулок через арку, перебежали через дорогу и оказались недалеко от большого крытого цирка с крышей-шатром.

— Спрячемся в цирке! — крикнул Пупырь.

— Хорошо! Почему бы и нет! — согласился Умник.

Одно из стекол на первом этаже было разбито, и дедушка, разогнавшись на скейте, решительно проскочил внутрь и поехал мимо гардероба в сторону лестницы, которая поднималась к арене. Около лестницы Отелло и Хорошист подхватили дедушку и быстро побежали с ним по ступенькам.

Красноглазые псы уже приближались к цирку, но вдруг дорогу им перешел тощий зеленый кот с крысой в зубах. При виде собак у кота мгновенно пробудился врожденный страх перед этими животными: он метнулся к высокой липе и в мгновение ока вскарабкался на ее вершину. Псы моментально переключились с одной добычи на другую и, царапая передними лапами кору, стали с ненавистью лаять на кота, требуя, чтобы он спустился и позволил им себя разорвать. Но у кота были другие планы на сегодняшнее утро, и он остался на дереве.

Подбежавшие Блюм и Хвост, которые немного отстали (Блюм слегка прихрамывал, он сорвался с гаража и вывихнул себе ступню, но благодаря способности карликов к регенерации она уже почти восстановилась), огляделись

в поисках беглецов. Вначале они решили, что те спрятались на дереве, но, разглядев в оранжевой листве кота, разогнали собак булавой.

— Мы их потеряли,— хмуро сказал Блюм.

— Это ты виноват. Ты стал стар для погонь. В твоём возрасте лучше всего сидеть в норе и греть свои кости у уранового стержня,— издевался над ним Собачий Хвост.

— Посмотрим еще, чье мясо раньше достанется псам,— проворчал его противник.

Один из красноглазых псов залаял у разбитого окна в первом этаже цирка, и карлики догадались, что беглецы прячутся где-то внутри.

Они оставили привязанных собак с колесницей у главного входа, вошли в цирк и прислушались. Немного погодя где-то на втором этаже хлопнула дверь, и реакторные карлики помчались по лестнице.

Приготовив копые к бою, Бешеный Блюм распахнул ударом ноги дверь, и они оказались в большом зале, хорошо освещенном пробивающимися сквозь купол лучами солнца. Пустые ряды мягких стульев окружали арену, на середине которой лежал большой скелет с двумя бивнями, судя по всему слоновий. Далеко не все животные смогли приспособиться к условиям повышенной радиации, и большинство из них погибло в первые же дни после Большого Взрыва.

Собачий Хвост, перепрыгнув через барьер, поставил ногу на слоновий череп и торжествующе заорал, барабанив себя кулаком в грудь:

— Много свежего мяса для жен и детенышей! Теплая шкура на зиму! Я доволен!

— Ты что, спятил? Чего кричишь? — зашипел на него Блюм.

Хвост опомнился, убрал ногу с черепа и смущенно сказал:

— Сам не знаю, что на меня нашло, но мне показалось, что все это уже было когда-то давно... Как будто я охотился на слонов... или даже не на слонов, а на каких-то зверей, с мохнатой шкурой...

Бешеный Блюм подтолкнул его древком копья.

— У тебя бред. Лучше давай искать, куда спрятались эти мутанты. Ты обшарь зал, а я проверю за кулисами.

Пупырь, Мумуня и лобастики хотели спрятаться в служебных помещениях за кулисами. Они никогда раньше не бывали в цирке и теперь удивлялись, в какое странное место попали: какие-то пестрые ленты, барабаны, обручи, клетки для животных, клоунские костюмы и приставные красные носы (но все равно меньше, чем у шерстюш). Отелло случайно зацепил ногой огромную гирию, которая на первый взгляд весила не меньше ста килограммов, но вместо того, чтобы отшибить ему все пальцы, гирия вдруг откатилась в сторону, как мяч.

— Фенаменолиссимо! Ты силач! — поразился Хорошист.

— М-м... Ты так считаешь? — Отелло сомневался, говорить ли ему, что гирия надувная, или лучше сохранить за собой репутацию силача?

Умник стал мысленно жонглировать тремя мячиками, но это требовало больших усилий, потому что, как он говорил, каждый из предметов должен двигаться по своей траектории. После того как один из мячиков не пожелал подчиняться мыслям жонглера и стукнул Умника по носу, у того пропал интерес к этому занятию.

С арены донесся торжествующий крик Хвоста, возомнившего себя охотником на мамонтов, и мутантики поняли, что карлики все-таки сумели их выследить и вот-вот будут здесь.

И они стали крадучись пробираться вдоль кулис, размышляя, где бы им спрятаться.

— Карла послала их за Магическим Камнем,— прошептал Отелло на ухо Пупырю.— Эта мысль звучит в их головах, как колокол.

— Пусть звучит, все равно Карла его не получит. Она слишком злая, чтобы им владеть,— ответил Пупырь.

Умник подъехал на скейте к большому, стоявшему вертикально ящику с зеркальными стенками. Этот ящик вполне подходил по размеру, чтобы в него спрятаться, так мутантики и поступили. Как только Мумуня осторожно закрыла за ними дверцу, за кулисы вбежал Бешеный Блюм со своим радиоактивным копьём.

— Где эти уроды? Эй, вы, выходите, чтобы я мог прикончить вас!

Но, разумеется, никто не вышел. Блюм огляделся, и взгляд его упал на зеркальный ящик.

— Так вот вы где, страшилища! Ну, считайте себя уже дохляками!

Он подскочил к ящику и проткнул его копьём два или три раза. Потом, когда стекло осыпалось, Блюм рванул дверцу и заглянул внутрь, ожидая увидеть там мертвых мутантиков. Но ящик был пуст.

— Хм...— Он поскреб затылок.— Наверное, они где-то в другом месте. Эй, вы, уроды, выходите! Последний раз предупреждаю!

И он отправился в глубь кулис, чтобы проверить остальные помещения. Дверца ящика со скрипом закрылась, потом снова открылась, и там оказались мутантики, целые и невредимые.

— Нам повезло, что этот карлик никогда не слышал о приспособлениях для цирковых фокусов,— засмеялся Умник.— У таких ящиков, как наш, всегда бывают двойные стенки.

— Двойные или не двойные, но, если бы он ткнул копьём чуть сильнее, нам пришел бы конец...— И Мумуня вздрогнула, разглядывая ужасные дыры в стенке ящика.

Мутантики слышали, как Блюм громит мебель за кулисами. Потом там что-то опрокинулось и загрохотало. Кажется, карлик проткнул копьем барабан, а потом пнул ногой литавры.

Около ящика, в котором они прятались, Пупырь увидел небольшой сундучок с откидывающейся крышкой и явно с двойным, а то и тройным дном. Вероятно, в этой части кулис хранился реквизит иллюзиониста. Пупырь открыл сундук, и там среди разных приспособлений для фокусов — саморазматывающихся лент, цилиндров, из которых выскакивают кролики, летающих тростей и прочей бутафорской мелочи — он вдруг увидел большой прозрачный кристалл со множеством граней, как две капли воды похожий на тот, который лежал у него в кармане.

Вначале Пупырь решил, что это его Камень, и схватился за карман, проверяя, нет ли в нем дыры, через которую он мог бы выпасть. Но Магический Кристалл был на месте, и шерстюш с облегчением вздохнул.

— Смотри, наш Магический Камень! — удивился Хорошист, заглядывая в сундучок через плечо Пупыря. — Зачем ты его выложил? Хочешь спрятать?

Убедившись, что и лобастик попался на ту же удочку, шерстюш задумался: нельзя ли как-нибудь воспользоваться этим сходством? Пока он размышлял, его нос мерцал, принимая соответствующие цвета — зеленый и синий.

— Идея! Почему бы нам не подбросить этот кристалл карликам вместо настоящего? — воскликнул Пупырь. — Тогда они отнесут его Карле и, быть может, перестанут за нами гоняться...

— Отлично! — похвалил Умник. — Только нужно, чтобы карлики ничего не заподозрили и подмена выглядела естественно. А ну, дай-ка сюда фальшивый кристалл. Только, смотри, сам не спутай, где какой...

— А их и не спутаешь. Настоящий в руках начинает сверкать, а этот нет.

Перерыв все за кулисами и ничего не обнаружив, Бешеный Блюм выглянул в зрительный зал, чтобы узнать, как дела у Собачьего Хвоста.

Тот был очень занят. Он с сосредоточенным видом ходил между рядами и вспарывал каждое сиденье ножом крест-накрест. Он уже изрезал первые четыре ряда и теперь был на середине пятого.

— Что ты делаешь? — удивился Блюм.

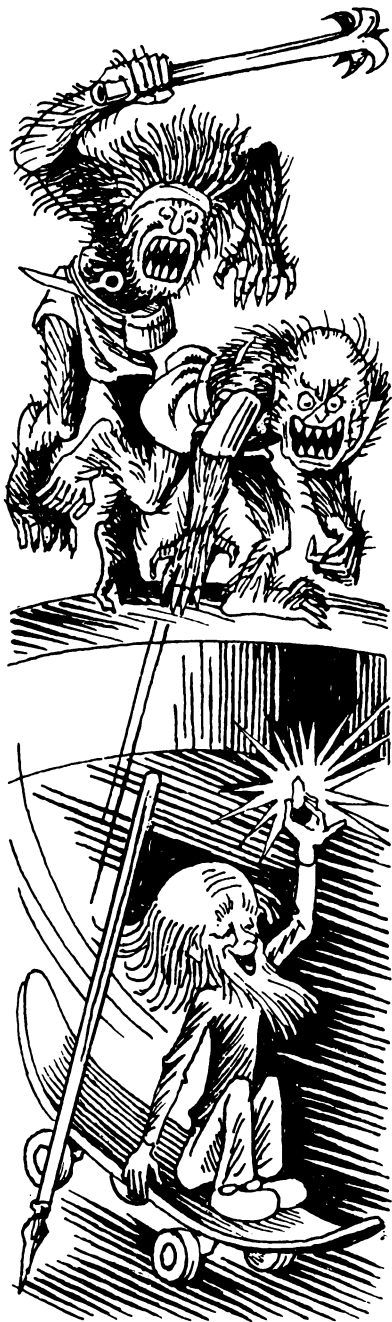
— А ты не видишь? Кромсаю, — объяснил Хвост, испортив очередной стул и вырвав из него клочок поролона. Вид у молодого вождя был очень довольный.

— А зачем?

— А вдруг они внутри спрятались? — предположил Хвост. — Хочешь, тоже можешь резать, но только с другого конца.

Блюм некоторое время наблюдал, как его соперник вспарывает ножом сиденья, а потом, спохватившись, что вскоре все стулья будут изрезаны и ему ничего не достанется, вытащил из-за пояса нож и тоже приступил к работе.

Вскоре, забыв обо всем, карлики кромсали сиденья, и даже пару раз, сами того не замечая,

благодаря пробудившейся у них генетической памяти, нацарапали на них слова, которых сами не могли потом прочитать, потому что были безграмотны.

Вдруг из-за кулис раздалась бодрая музыка, напоминавшая какофонию (это Пупырь и Хорошист дули в трубы, Отелло стучал в барабан, а Мумуня колотила молотком по клавишам пианино). Кулисы раздвинулись, и показался Умник на скейте. Над головой в поднятой руке он держал сверкающий Магический Кристалл. Скейт, подчиняясь мысленному приказу лобастика промчался вдоль арены и остановился рядом со слоновым скелетом.

— Эге-гей, карлики! — закричал Умник. — Мы решили вернуть вам Кристалл! Разве вы не хотите его получить?

— Только вместе с твоей головой, старый безумец! — прорычал Блюм и метнул в старого лобастика копье. Но Умник повернулся на колесах скейта, и копье вонзилось в манеж, не причинив лобастике никакого вреда.

Схватив булаву и перепрыгивая через ряды сидений, к сцене уже мчался Хвост.

— Тебе конец, старик! Лучше отдай Камень! — крикнул он.

— Неплохая мысль! Посмотрим, кто из вас первым сумеет его получить! — Умник бросил кристалл на арену между Хвостом и Блюмом, которые мчались к нему с разных сторон, и, развернув скейт, исчез за кулисами.

Хвост и Блюм хотели помчаться за ним, но более важным для каждого из них сейчас было овладеть кристаллом. Ведь именно тот, кто вернет Королеве Магический Камень, станет ее супругом и повелителем карликов.

Собачий Хвост первым нетерпеливо протянул к кристаллу руку, но Блюм схватил его за запястье.

— Не трогай камень, щенок! Он мой!

— Это мы еще посмотрим, чей он! — запальчиво крикнул Хвост и оттолкнул Блюма с такой силой, что старый вождь упал, споткнувшись о слоновий бивень.

Но он тотчас вскочил и, с рычанием, подняв над головой копьё, бросился на молодого вождя, явно собираясь прикончить его. Хвост, сгруппировавшись, бросился ему под ноги, и, перелетев через него, Бешеный Блюм растянулся на арене. Собачий Хвост выдернул из чехла ружье и прицелился.

— Тебе конец, старикан! На этот раз я не промажу!

Но раньше чем он успел нажать на курок, Блюм, перекатившись на бок, метнул в него нож, который вонзился молодому вождю в грудь. Хвост пошатнулся.

— Ну, что я говорил! Это тебе конец, щенок! — торжествуя крикнул Блюм и потянулся за копьём, чтобы нанести завершающий удар.

Но до копьё он не успел дотянуться: чувствуя, что перед глазами у него замелькали круги, а ноги подкашиваются, Хвост, горя желанием отомстить, выстрелил. И так как расстояние было очень близким, его стрела тоже не пролетела мимо цели, она вонзилась Блюму в бок и буквально пригвоздила его к арене.

Сразу же после выстрела силы оставили Хвоста, он сделал несколько неуверенных шагов, вырвал из груди нож и упал на своего соперника. А рядом с карликами, сверкая многочисленными гранями, лежал фальшивый Магический Камень.

Из-за кулис выглянули мутантики и осторожно обошли середину арены, на которой неподвижно лежали двое реакторных карликов, их желчная зеленая кровь уже разъедала арену, как серная кислота.

— Умри, несчастная! Рыцарский турнир закончился гибелью обоих участников, — сказал Отелло. — Вот до чего доводит жадность и ненависть.

— Какой ужас! Я не хочу на это смотреть! — Мумуня прижалась к Пупырю и спрятала лицо у него на груди.

Умник осторожно подъехал на скейте, чтобы взять фальшивый камень, но в этот момент Блюм, лежавший

на арене вниз лицом, вдруг протянул руку и мертвой хваткой вцепился в кристалл.

Это произошло так неожиданно, что дедушка вскрикнул и торопливо отъехал.

— Пусть камень останется у них,— сказал Пупырь, с грустью глядя на карликов.— Как бы они ни хотели нам зла, мы не желали их смерти.

Хорошист, немного разбиравшийся в медицине, дотронулся до запястья Хвоста и сразу же отдернул руку.

— Думаю, нам нужно скорее сделать удирание и унесение ног! — воскликнул он.— А то скоро нам будет секир-башка!

— Что ты имеешь в виду? Карлики же умерли! — не поняла Мумуня.

— Пульс карликов восстанавливается. Они регенерируют,— объяснил Хорошист.— Раны не были смертельными. Через полчаса они будут как новенькие и смогут произвести взаимоубиение еще один раз, или десять раз, как им захочется.

И в самом деле, зеленая кровь уже перестала сочиться из глубокой раны в груди Хвоста, а сама рана затягивалась буквально на глазах. Сильная кислотность и токсичность крови препятствовали проникновению инфекции, внутренние органы уже начали восстанавливаться, а мышечные волокна приобретали прежнюю эластичность. То же происходило и с Бешеным Блюмом, который с рычанием выдернул из своего бока стрелу, чтобы она не мешала заживлению раны.

Сам Блюм еще был не в силах встать, но уже, царапая ковер арены, смотрел на мутантиков с такой ненавистью, как будто хотел убить их одним взглядом.

— Я хочу отсюда уйти! — прошептала Мумуня.— Пожалуйста, давайте отсюда уйдем.

— Хорошая идея, и главное, своевременная,— согласился Пупырь.

И мутантики поспешили покинуть цирк, пока карлики еще недостаточно окрепли, чтобы снова погнаться за ними и принести Карле не только камень, который они считали магическим, но еще и головы его похитителей.

Но так как у главного входа за стеклянной дверью все еще выли и грызли постромки запряженные в колесницу красноглазые собаки, мутантики воспользовались запасным пожарным выходом, который, к счастью для них, оказался открытым.

Они быстро шли по парку, стремясь как можно дальше уйти от цирка.

— Как ты думаешь, Пупырь, у нас еще много времени? — беспокойно спросила Мумуня. — Когда они снова смогут начать погоню?

— Видишь ли, — важно начал ее супруг. — Все зависит от того, какой смысл ты вкладываешь в само понятие времени. Время бывает большим историческим и малым историческим, а бывает еще микровремя, когда каждая секунда увеличивается до размеров бесконечности... Так вот, с точки зрения микровремени его много, а с точки зрения большого исторического времени его совсем нет... Все зависит от шкалы отсчета. Для муравья, например, соломинка огромна, а для тебя она крошечная... Так какая она: большая или маленькая — вот вопрос для размышления...

— Тебя опять понесло, — прервала его жена. — Всегда ты так, если волнуешься или хочешь меня успокоить, сразу начинаешь разглагольствовать... Не знаешь, так и скажи: «не знаю», и нечего впутывать философию.

— Почему «не знаю»? Просто я размышляю вслух, а тебе это не нравится, — возмутился Пупырь.

— Почему бы вам не спросить у меня? Думаю, карлики вначале отнесут кристалл Королеве, и мы сможем выиграть несколько часов. Но когда Королева поймет, что этот камень — фальшивка, нам не поздоровится. Во второй раз они уже не попадутся на ту же удочку... — сказал

Умник, ловко втискиваясь между Пупырем и Мумуней на своем скейте.

— Ну хорошо, во всяком случае, хотя бы несколько часов у нас есть,— отметил Отелло.

Мутантики свернули с бульвара в один из узеньких переулочков и присели отдохнуть за мусорным баком. С этого места они могли обозревать всю улицу, так что нельзя было подкрасться к ним незамеченным, в то время как они сами оказались хорошо укрытыми от посторонних взглядов.

— У вас есть идеи, где нам искать разгадку Магического Кристалла? В какой хотя бы части города? — спросил Пупырь у лобастиков.

— Полная сломяголовость и покрытость тайным мраком,— ответил Хорошист, по своему обыкновению перепутав все слова.

— Что ж, если мы не найдем разгадки этой тайны, тогда она найдет нас сама,— философски заметил Пупырь, и на этот раз Мумуня не стала его одергивать.

Глава двенадцатая ЧЕРНЫЙ ГЕРЦОГ

Проще устоять на острие копья,
чем удержаться на троне.

Карла I, Рыжая

Собачий Хвост пошевелился и открыл глаза. Ткани уже заканчивали регенерацию, и хотя молодой вождь продолжал испытывать в груди острую боль, он понял, что рана не была смертельной и заживает. Вытерев кровь, он увидел длинный вдавленный шрам, повторяющий форму метательного ножа Блюма. Это был уже не первый шрам на теле Хвоста, и он не обращал на них внимания. «Мужчину шрамы украшают... Хорошо, что перед тем, как потерять сознание, я выдернул нож»,— подумал он.

Почти одновременно силы вернулись и к Бешеному Блюму, который со стоном поднялся на ноги и стоял, пошатываясь, опираясь на копье. Он хотел заколоть Хвоста, пока тот лежал без движения, но, когда попытался замахнуться копьем, ноги, оказавшиеся без опоры, подкосились и Блюм снова упал. «Не сейчас,— подумал он с сожалением.— Силы еще не вернулись... Главное, добраться до колесницы и *первым* принести Камень Королеве».

И Блюм, не оглядываясь на соперника, пополз к выходу из цирка. Хвост, догадавшись, что старый вождь первым хочет уехать, оставив его в Старом Городе, усилием воли встал и, пошатываясь, поплелся следом за соперником. Это было странное преследование: один полз на четвереньках, а другой еле шел на подгибающихся ногах. Скатившись по лестнице, карлики некоторое время лежали без движения, внимательно глядя один на другого,

а потом бок о бок выползли из цирка и взгромоздились на колесницу, упав друг на друга.

— Это моя колесница,— прошипел Блюм.— Пошел вон!

— Сам пошел вон...— огрызнулся Хвост.— Отдай Кристалл!

— Не отдам!

Блюм дернул за вожжи, и собаки потащили колесницу к реактору. С каждой минутой к карликам возвращались силы, и раны уже перестали их беспокоить.

— Щенок, как ты смел поднять на меня руку? На меня — на Блюма, Победителя Великана!

— Это ты Победитель Великана? Не верю, что такой трус, как ты, мог кого-нибудь победить. Наверное, Великан утонул в болоте, а ты приписал победу себе,— издевательски насмеялся Хвост.— А ну, отдай Камень!

— Возьми! Только вначале получи это! — И Блюм попытался ткнуть молодого вождя кинжалом в бок, но оружие ударилось о броню и выпало из его не совсем еще окрепших пальцев.

И соперники снова сцепились, вырывая Магический Камень друг у друга. Не удержавшись на узком сиденье колесницы и выпустив из рук поводья, они свалились на землю.

И... как ни странно, это спасло им жизнь. Не успела пустая колесница проехать и десяти метров, как асфальт перед нею вспучился, треснул, в нем образовался глубокий пролом, и колесница вместе с красноглазыми собаками, громяхая колесами из канализационных люков, ухнула в бездонную трещину.

Собачий Хвост и Бешеный Блюм перестали драться и отпустили друг друга.

— Старый Город хотел нас убить! — прошептал Блюм дрожащими от ужаса губами.— Если бы мы не упали, то были бы уже покойниками...

Они осторожно подползли к краю трещины и заглянули вниз. Провал был очень глубоким и темным, так

что карлики ничего не увидели. Вполне возможно, что колесница все еще продолжала свое бесконечное падение в пропасть.

— Там осталось мое подводное ружье,— сказал Хвост.

— И мое копье,— вздохнул Блюм.— Не говоря уже, что колесница тоже принадлежала мне.

— Хорошо, что Кристалл пока у нас. Нужно выбираться из этого ужасного Города. Как насчет того, чтобы заключить временное перемирие? Пересчитать друг другу кости мы успеем и во дворце у Карлы,— предложил Хвост.

У Блюма на мгновение мелькнула мысль, не обхитрить ли ему молодого вождя: протянуть ему руку, как будто заключая перемирие, а потом столкнуть его в пропасть — пусть догоняет свое ружье. Решено — так он и сделает. Сейчас только он подойдет чуть ближе...

Но едва Блюм хотел это сделать, земля опять загудела, задрожала, и пропасть начала расширяться. Карлики топорливо отпрыгнули от края.

«Нет, нет, нет! — подумал старый вождь.— Здесь, в Старом Городе, я к нему и пальцем не прикоснусь!»

— Пускай будет перемирие, если ты так хочешь,— сказал он Хвосту.— Главное, выбраться отсюда целыми.

Трещина в земле перестала расширяться. Карлики осторожно обошли провал, держась от него подальше, и устремились к границе с реактором. О своих ранах они уже не думали. Вскоре они перешли на привычный свободный бег — самый распространенный способ передвижения всех карликов.

Никаких необъяснимых явлений больше не происходило, земля не дрожала, и вскоре уже можно было разглядеть неподвижную громаду реактора.

Хотя Блюм и Хвост ни за что бы в этом не сознались, но, переступив наконец через границу, отделявшую Старый Город от реактора, они испытали ни с чем не сравнимое облегчение.

— Нам удалось вырваться из этого проклятого Города живыми. Мы можем вернуть Королеве Кристалл! — гордо заявил Хвост.— О нас будут слагать легенды.

— Жаль, что ты не провалился в яму вместе с колесницей. Тогда бы легенды были только обо мне,— проворчал Блюм, мечтая, что было бы здорово присоединить к своему титулу: *Бешеный Блюм, Победитель Великана и Поджигатель Библиотеки, Завоеватель Старого Города, или даже еще лучше: Блюм — Повелитель Карликов, Властитель Магического Кристалла.*

Оба вождя, молодой и старый, гордо прошли мимо вытянувшейся при их приближении стражи, смотревшей на них со страхом и завистью, и направились прямо в тронный зал. Туда же буквально за минуту до них нырнула Требуха, увидевшая возвращающихся карликов в окно кухни, инспекцию которой она в это время проводила.

— Идут! — крикнула Требуха, вбегая к Королеве.— Блюм и Хвост идут!

— Так скоро? Камень у них, ты видела? Хотя едва ли они осмелились бы вернуться без него! — Рыжая Карла вскочила с трона и бросилась к двери навстречу вождям, но, спохватившись, вернулась к престолу, а на ее лице возникло спокойное, высокомерное выражение. Она считала ниже своего Королевского достоинства выражать нетерпение. Важно, чтобы вожди не догадались, как необходим ей Камень Магии и Власти и как может пошатнуться без него ее трон.

— Странно, что они вернулись вдвоем,— задумчиво пробормотала Карла.— Я предполагала, что должен вернуться только один из них...

Вожди вошли в зал и остановились у подножия престола. Телохранители Королевы отсалютовали им короткими мечами и снова неподвижно замерли по обеим сторонам трона.

— Чем похвастаетесь? Как закончился ваш поход в Старый Город, мои доблестные вожди? — равнодушно спросила Карла, в то время как ее взгляд жадно обшаривал руки карликов в поисках Магического Кристалла.

— Я рисковал жизнью ради тебя, но теперь это неважно... Ты станешь моей женой, Королева! Я так ждал этого дня! — Хвост опустился перед троном на одно колено и устремил на Карлу влюбленный взгляд.

— Заткнись, щенок! Это я первым схватил Магический Камень! И я больше тебя заслужил право стать супругом нашей повелительницы! — рассвирепел Блюм, хватаясь за булаву.— Попробуй только сказать, что это не так, и я убью тебя еще раз, а потом швырну в пруд, чтобы ты снова не ожил!

— Хватит ссориться! Нужно было делать это раньше... Где мой Кристалл? Я хочу видеть его! — Рыжая Карла привстала с трона и властно протянула ладонь.

— Вот он... Мы принесли тебе Камень, повелительница.— И, вырывая его друг у друга, карлики одновременно протянули Королеве Кристалл.

Рыжая Карла взяла Камень и всмотрелась в его грани. Она знала Магический Кристалл на ощупь, каждую грань, каждый выступ, а теперь держала его в руках и не узнавала.

Королева нахмурилась, сделала шаг вперед к напрягшимся в ожидании ее выбора вождям и внезапно швырнула камень на пол с такой силой, что он разлетелся вдребезги.

— Это подделка! — завизжала она.— Настоящий Магический Кристалл в руках меняет цвет, становится черным! То, что вы мне принесли,— жалкая стекляшка! Хотите надуть меня, сделать из меня дуру?

Вожди попятились от разгневанной Карлы.

— Но мы отняли его у мутантиков, Королева! Он не может быть фальшивым!

— Они подсунули вам стекляшку! Где их головы? Почему вы их не принесли? Как я могу быть уверена, что вы ходили в Старый Город, жалкие трусы, а не прятались за ближайшей помойкой? — свирепо спросила Карла, и ее желтые зрачки расширились.

— Мы сражались за Камень и тяжело ранили друг друга, повелительница, — сказал Блюм, не отрывая от нее взгляда. — Мы не обманываем вас, Королева, вот свежие шрамы. А когда мы очнулись, мутантиков уже не было — они сбежали.

— Кретины! — закричала Королева. — Ваша тупость может сравниться только с вашей жестокостью! И это мои лучшие солдаты! Какими болванами мне приходится повелевать!

Рыжая Карла, как тигрица, прошлась по тронной зале и подошла к окну. Даже по спине ее видно было, что она в ярости.

Вожди с тревогой ожидали ее решения. В эту минуту их судьба висела на волоске, и они это знали. Не сговариваясь, забыв о вражде, они встали рядом, готовые защищаться до последнего, если Королева прикажет казнить их или бросить в пруд. В этой последней отчаянной схватке извечные враги выступят как союзники, а потом их кости рядом будут лежать на дне пруда.

Начальник стражи Пуп и два десятка телохранителей уже окружали Карлу полукольцом, ограждая ее от вождей, если они, отчаявшись, бросятся на Королеву, чтобы расправиться с ней. Порой случалось, что приговоренные к казни или к гибели в пруду вожди и офицеры бросались на жестокую Королеву с копьями и булавами, и только плотное кольцо стражи спасало ее от их мести.

Карла долго стояла у окна, глядя на двор, где маршировала стража, а совсем рядом, у новой виселицы, на которой теперь с одной стороны сушилось белье, а с другой висела приготовленная для свежевания ректорная свинья, двое маленьких девчонок-карлиц об-

матывали тряпкой красноглазого щенка, играя в дочки-матери.

Вначале Королева, подозревая вождей в предательстве, хотела приговорить Бешеного Блюда и Хвоста к смерти, а до этого под пытками заставить их рассказать, куда они спрятали настоящий Кристалл и кто дал эту подделку, но потом она отогнала свои подозрения. Едва ли влюбленные в нее и вдобавок ненавидевшие друг друга вожди могли бы сговориться и решились бы на предательство. Да и поддельный кристалл за такое короткое время не изобразишь.

Скорее всего эти дуралеи попались на удочку мутантиков, поэтому смерти они не заслуживают. Ведь из всех вождей и вообще среди всех ее тупых подданных Бешеный Блюм и Собачий Хвост все-таки самые толковые, они верны ей и пользуются большим влиянием в войсках. Если она казнит их, то сразу обретет много серьезных врагов.

Карла решительно подошла к трону и жестом приказала Пупу со стражей удалиться. Тот недоуменно пожал плечами и отдал приказ телохранителям покинуть тронный зал. Его бы больше устроило, если бы Королева приговорила вождей к казни, тогда его, Пупа, влияние заметно бы возросло... Наверное, Рыжей Карле лучше знать, как поступить.

Когда телохранители вышли, а в тронном зале осталась только Карла с Требухой, вожди расслабились, осознав, что Королева решила сохранить им жизнь.

— Я бы могла бросить вас в пруд,— устало сказала Карла,— но это ничего бы не решило. Я верю, что вы не собирались обманывать меня, просто стали жертвами собственной глупости... Но, разумеется, о том, чтобы кто-то из вас получил мою руку после такого провала, не может быть и речи.

— Карла, дай мне еще один шанс! Я пойду в Старый Город, найду и убью мутантов и добуду тебе настоящий Кристалл! — взмолился Хвост.

— Позволь и мне, Королева! Во второй раз я не ошибусь,— мрачно сказал Бешеный Блюм.— Я не из тех, кто дважды падает в одну яму. На этот раз я смогу отличить настоящий Камень от подделки.

— Отлично. Ступайте за Кристаллом! — нетерпеливо сказала Карла и показала им на дверь.— Но запомните: это ваш последний шанс оправдаться.

Вожжи с поклоном удалились, унося с собой разбитые надежды, но в их сердцах затеплились новые надежды.

Рыжая Карла повернулась к Требухе, молчаливо стоявшей за тронном. Спohватившись, что Королева смотрит на нее, Требуха торопливо спрятала за спину обглоданную воронью лапку и вытерла губы.

— Ты веришь этим растяпам, толстуха? Думаешь, во второй раз они не сядут в ту же лужу? — спросила она.

— Кто знает? Вашему Величеству виднее. Но я бы послала кого-нибудь проследить за ними. Как насчет Нытика? Лучшего шпиона, чем он, не найти. Если эти гориллы опять передерутся, когда Кристалл окажется у них, и убьют друг друга, Нытик принесет Магический Камень вам.

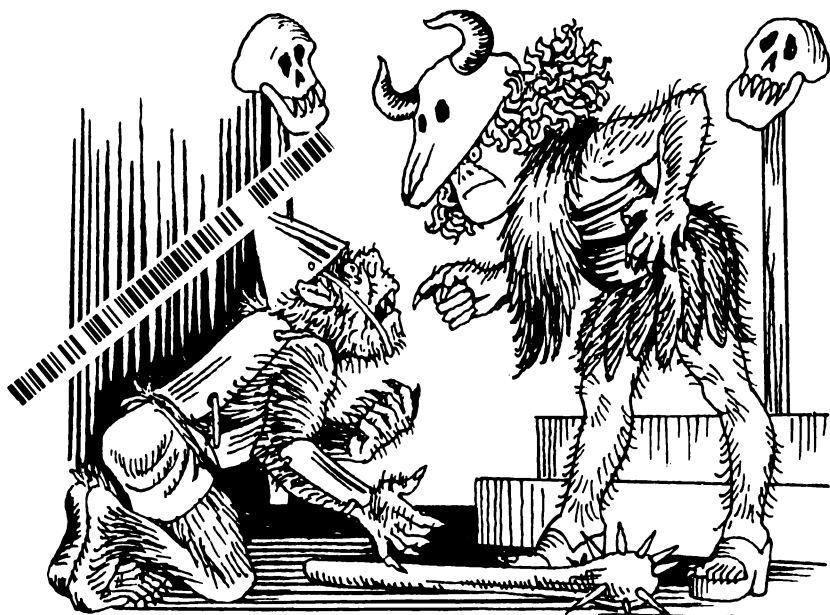
— А ты не так глупа, старуха,— усмехнулась Карла.— Но если Нытик вернет мне Камень, мне ведь придется выйти за него замуж, а он страшен, как освежеванный кабан.

— Зато он верен вам, Королева, а с лица ведь воду не пить...— осторожно заметила Требуха.

Рыжая Карла задумалась:

— Хорошо, толстуха, пошли Нытика. Скажешь, что это мой приказ. А там посмотрим, как поступим. И вот еще что... позови ко мне Пупа. Мне надо отдать ему кое-какие приказания.

Требуха с удивительной для своего жирного тела ловкостью выскользнула из тронного зала и, дожевывая воронью лапку, отправилась за Нытиком, чтобы от име-

ни Королевы приказать ему следить за Блюмом и Хвостом.

А в зал к Рыжей Карле вошел начальник телохранителей Пуп и остановился в ожидании распоряжений.

— Черного Герцога накормили? — спросила она.

— Да, Королева. Герцог сожрал двух свиней и одного зазевавшегося повара, — доложил Пуп.

— Повара? Должно быть, того, который обычно пересаливал супы? — засмеялась Карла.

— Да. Но откуда вы это знаете, повелительница? — поразился начальник телохранителей, в который раз убеждаясь, что Королеве известно все, что происходит во дворце.

— Герцог не выносит запаха химической соли, а у этого повара вечно были набиты солью все карманы. Он очень чувствителен к запахам, мой мальчик. Ну ничего, зато теперь наши супы будут лучше... А где Черный Герцог теперь?

— Спит на чердаке, Королева. Я распорядился расширить вход и прибить у потолка перекладину, чтобы он мог висеть вниз головой, как все летучие мыши.

Рыжая Карла спустилась с трона, поигрывая хвостом своей лисьей мантии.

— Очень хорошо, Пуп. Вели оседлать Герцога, я вылечу, как только наступят сумерки. В темноте он ориентируется лучше... Мы с ним полетим в Старый Город за Кристаллом.

— Но это опасно, Королева,— взволнованно сказал Пуп.— Старый Город не лучшее место для Вашего Величества.

— На Герцоге я буду в безопасности. Он лучший телохранитель из всех, что у меня были, включая и тебя, Пуп.

— Повелительница... но неужели, неужели этот Камень так вам необходим, что ради него вы подвергаете опасности свою жизнь?

— Я не доверяю этим идиотам, Блюму и Хвосту. Они хорошие солдаты, но плохо соображают. Если я сама не верну себе Камень до завтрашнего полнолуния...— Карла приблизила свое лицо к начальнику стражи и продолжила уже шепотом: —...если завтра к полуночи, когда красная луна будет на середине неба, я не получу Камень, то все пропало: мой трон пошатнется, а вместе с ним упадет и твоя голова, Пуп...

— Но почему, Королева?

— Ты слишком глуп, чтобы это понять. Завтра — Ночь Определения Камня, когда луна отдает ему свою силу и магию. Такое бывает только раз в году в первое полнолуние после летнего равноденствия. Завтра решится, будет Камень служить злу или добру, определится баланс сил в пользу Хаоса или в пользу Света... Последние годы преимущество было на стороне Хаоса, именно поэтому мы, карлики, процветали, а народам лобастиков и шерстюш приходилось туго. Но если завтра в полнолуние

Камень будет в добрых руках, то все изменится. Я сама еще не знаю, что произойдет, но что-то неблагоприятное для нашего народа. Ведь карликов поддерживает Хаос, а не Свет...

— Повелительница, я не знал, что все так серьезно...— Пуп упал на колени.— Я думал, этот Кристалл — только ваша прихоть, драгоценная игрушка. Я больше привык надеяться на свой меч и копье, чем на магию и на полнолуния.

Карла в который уже раз подошла к окну и посмотрела на Странный Лес.

— До заката еще далеко. Пускай Герцог еще поспит и наберется сил. Бочки со смолой готовы? — спросила она.

— Да, повелительница.

— Многих шерстюш и лобастиков сегодня поймали?

— Ни одного, Королева. Они прячутся где-то в чаще и на островках на Болоте. Недавно прибежал гонец от Толстого Грыза — прочесывание Леса не дает результатов.

— Так я и думала, Лес их защищает! Ненавижу Лес! Завтра, за два часа до полуночи, ты подожжешь его... Впрочем, нет, я сделаю это сама, когда Магический Кристалл уже будет у меня. Ты знал мою бабушку, Пуп?

— Увы, нет, моя повелительница.

— Так вот, моя бабка была простой колдуньей и умерла в восьмидесятый год после Большого Взрыва... Она воспитала меня и многому научила, она и передала мне этот Магический Камень. И еще, Пуп, тебя никогда не удивляло, почему все карлицы лысые, а я Рыжая?

— Я иногда задумывался над этим, Королева, но не мог найти ответ...

— А он очень прост: моя бабка не была карлицей. Она была рыжей колдуньей из того народа, который жил здесь до нас и от которого остались и Старый Город, и

наш реактор. Это от нее у меня рыжие волосы. Моя бабка была на две головы выше любого из карликов, она умела плавать, не боялась воды, тело у нее не было покрыто шерстью, и превращаться она не умела... Но она была очень мудра, Пуп, очень мудра. Мы жили с ней в сторожке посреди Странного Леса. И она была единственной, кого я любила... Но что-то я сегодня слишком болтлива. Может, велеть казнить тебя, чтобы ты никому не рассказал о том, что услышал от меня сейчас?

— Королева, не делайте этого, я сохраню вашу тайну...— поклялся Пуп.

— Разумеется, сохранишь. Потому что если ты этого не сделаешь...— И Рыжая Карла провела ребром ладони себе по шее.

Начальник телохранителей попятился.

— Не тревожься, Пуп. У меня не так много верных слуг, чтобы я стала ими разбрасываться...— засмеялась она.— Сейчас я прилягу, а после заката ты меня разбудишь. И чтобы Герцог к тому времени был уже оседлан. Запомнил?

Когда Пуп удалился, Карла некоторое время неподвижно смотрела на закрывшуюся за ним дверь, потом прилегла у трона на шкуре давно вымершего животного. Она даже не помнила, как оно называлось: то ли «медведь», то ли «ведмедь». Судя по размерам шкуры, большое было животное, но оно не смогло приспособиться к повышенной радиации, кислотным дождям и озоновым дырам.

Рыжая Карла закрыла глаза и заставила себя забыть обо всем и расслабиться. И, как всегда перед сном, она представила, что рядом с нею сидит ее бабушка — рыжая колдунья.

«До вечера, Карла. Я тебя люблю»,— сказала Королева сама себе голосом бабушки. И сама себе ответила: «До вечера! И я тебя тоже люблю, бабушка».

Глава тринадцатая

ОН

Должно быть, эта планета сердита на нас, ведь мы причиняем ей столько зла.

Пупырь Великий

Однажды я встала и поняла, что карликов расплодилось слишком много и в реакторе становится тесно. «А не утопить ли мне лишних в пруду или лучше объявить кому-нибудь войну?» — подумала я.

Карла I, Рыжая

Когда дрезина остановилась посреди тоннеля, Бормоглотик некоторое время усиленно нажимал на рычаг, надеясь вновь привести ее в движение.

— Ничего не выходит, дальше придется идти пешком...— сказал кошачий мутантик и прыгнул на рельсы.

— Пешком я не пойду.— Бубнилка вцепилась в поручень дрезины.

— Но почему не пойдешь? Мы же с тобой,— удивилась Трюша.

— Потому что там кто-то есть...— всхлипнула малышка.— Его не видно, но я слышу, как *Он* думает...

— Ты уже говорила про *него*, когда мы подплыли к городу на лодке, а там никого не оказалось...— сказал Бормоглотик, чтобы успокоить ее.

Он не верил в опасения пятилетней девчушки.

— *Он* есть,— настаивала Бубнилка.— *Он* там, в темноте!

Но тоннель был очень длинный и темный, только в самом конце брезжил свет, и то, что в этом зловещем коридоре их может кто-то подстергать, мутантики считали вполне вероятным.

— А кто *Он*? — нервничая, спросила Трюша.

— Не знаю...— прошептала девочка.

— А зачем *Он* прячется?

— Тоже не знаю...

— А где хотя бы *Он* прячется? — Трюша отчаялась выяснить что-нибудь у перепуганной малышки. — И как *Он* выглядит? Хотя это ты знаешь?

— *Он* везде, и над нами, и под нами... И в сводах тоннеля, и в земле... И *Он* думает о нас, или нет... не думает, а ждет. *Он* ждет, чтобы посмотреть, что мы будем делать. — Голос Бубнилки в темноте звучал очень таинственно.

— А *Он* хищный? — спросил Бормоглотик. — *Он* как к нам относится: хорошо или плохо?

— Не знаю... Думаю, никак еще не относится. Он просто ждет. Сидит в темноте и ждет... — И Бубнилка опять всхлипнула.

Но как бы там ни было, оставаться у застрявшей дрезины дольше не имело смысла. Ведь *Ему, кто бы он ни был*, могло надоест ждать, и он мог наброситься на них прямо здесь. Возвращаться назад было уже поздно, а впереди хотя бы брезжил свет. К тому же *Он* мог подстергать их везде, и в конце тоннеля, и в его начале, и мутантики решили идти вперед. Из всех троих только Бубнилка хорошо видела в темноте, а Трюша и Бормоглотик тыкались в стены и спотыкались о рельсы, как слепые.

Чем дальше они шли, тем страшнее им становилось. Они вслушивались в окружающую тишину и вздрагивали от малейшего шороха, от каждой упавшей с потолка капли. Но *Он*, видимо, не спешил нападать, и маленькие мутантики благополучно миновали опасный участок.

— Ну вот, видишь, никто нас не подстерегал! Я же говорил тебе, Трюша, что она его выдумала! — засмеялся Бормоглотик, когда они наконец вышли из тоннеля и сощурились от яркого света.

— Что-то я не помню, чтобы ты это говорил, — осторожно заметила Трюша.

— *Он* там был, совсем рядом, просто решил пропустить нас, — уверенно сказала Бубнилка. — *Он* почувствовал, что

мы его боимся, ему стало нас жалко, и *Он* решил посмотреть, что мы будем делать дальше.

Выйдя из тоннеля, мутантики оказались почти в центре города, но не в той его части, где были сейчас Пупырь, Мумуня и лобастики, а в другой. И сколько они ни кричали: «Му-му-ня! Пу-пырь! Де-душ-ка Ум-ник!» — только эхо разносилось в пустых кварталах города. Высотные дома отражали и рассеивали телепатический сигнал, и Бубнилка не могла связаться ни с кем из лобастиков.

Тогда мутантики решили забраться на крышу какого-нибудь высокого дома и попытаться увидеть родителей сверху. Бормоглотик осторожно открыл скрипящую дверь подъезда, и они стали подниматься по ступенькам. Бубнилка достала торчавшую из одного из ящиков газету и робко отъела у нее уголок. Конечно, старая черно-белая газета не шла ни в какое сравнение со свеженькими цветными картинками из детских журналов и комиксов, но ничего не поделаешь — голод не тетка, проголодаешься — съешь и невкусную газету.

В стене Бормоглотик увидел четырехугольную пластину с кнопкой, а рядом раздвижные двери. Дотронувшись до пластинки ладонью, а потом на мгновение закрыв глаза, он сразу вспомнил о том, что это такое.

— Это называется «лифт», — объяснил хвостатый мутантик. — Раньше на нем можно было подняться на любой этаж.

— А сейчас нельзя? — спросила Трюша, не любившая лестниц.

— Тока нет, и он не потащит лифт, — важно сказал Бормоглотик. — Это неизвестное слово всплыло в его памяти только что...

— Конечно, Тока здесь нет. Ток жил на Свалке вместе со своей мамой, а теперь они, наверное, прячутся в Лесу, — согласилась Трюша.

Она была знакома с маленьким двухлетним шерстюшем по имени Ток и подумала, что ее друг имеет в виду этого мальчика.

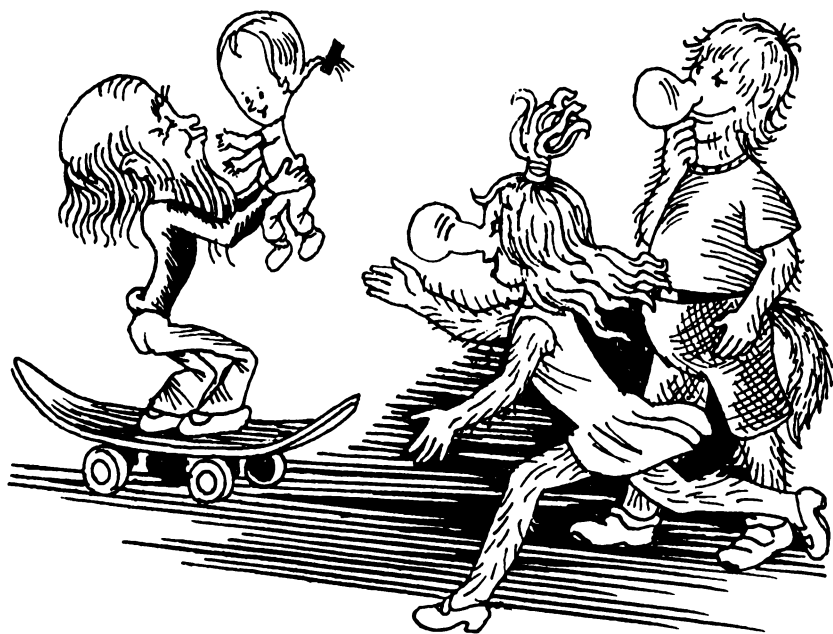
— Только вряд ли Ток дотащил бы этот лифт, он еще очень слабенький. Так что я просто удивляюсь твоему бессердечию, Бормоглотик,— добавила она.

Мутантик задумался.

— Должно быть, это какой-нибудь другой Ток, более здоровый,— сказал он.— Токи ведь тоже разные бывают: потолще и потоньше.

Поднявшись по ступенькам на шестнадцатый этаж, а это заняло немало времени, друзья поднялись на плоскую крышу здания и остановились около карниза. Отсюда весь город казался крошечным, а ржавеющие корпуса машин, оставленные вдоль улицы, были похожи на жуков.

С крыши был виден и полукруглый купол цирка, окруженный высотными домами.

— Видите цирк? — Бубнилка показала в ту сторону тоненьким пальчиком. — Это место я видела, когда проникла в мысли карликов. Вон там, за тем домом, должен быть «Универсам», а чуть правее — длинная улица с парком!

— Тогда побежали! Наверное, наши родители там! — И полные надежд мутантики стали спускаться по лестнице.

И встреча, которой они так ждали, произошла! Когда друзья проходили через один из дворов, они услышали радостные крики и к ним бросились Пупырь, Мумуня и лобастики. Но, разумеется, первым подкатил на скейте быстроходный Умник и заключил Бубнилку в объятия. И только после дедушки, восклицая: «О дочь моя, ты в целостности?» — к малышке подбежал запыхавшийся Хорошист.

А счастливая Трюша оказалась в ласковых объятиях своих родителей, причем Пупырь начал было произно-

сить какую-то витиеватую цитату, которая начиналась примерно так: «Встреча — есть объединение нескольких сердец в едином порыве, в то время как прощание...» Но так и не смог закончить, потому что любящий отец прослезился и нос его сентиментально стал светиться.

Бормоглотик, которого никто не встречал и, видимо, никто ему не радовался, потихоньку отошел в сторону, но лобастики и шерстюши бросились обнимать его, стали похлопывать по плечам и пожимать руки. Дедушка Умник был гораздо ниже Бормоглотика, поэтому потрепал его по коленке, нечаянно отдавив колесом скейта большой палец на ноге мутантика.

— Большая тебе *спасибочность*, Бормоглот, ты доставил нам детей в целостности и невредимости! — провозгласил Хорошист.

Но, естественно, когда волна радости схлынула, Пупырь с Мумуней и лобастики вместе начали ругать своих чад, а заодно с ними и кошачьего мутантика, за то, что, вместо того чтобы спрятаться в безопасных чащах Странного Леса, они отправились в Старый Город, про который ходило столько ужасных слухов и из которого никто еще не возвращался.

— Мы пришли, чтобы предупредить вас о погоне! — сказала Трюша. — Карла хочет отомстить вам за то, что вы сбежали из реактора и убили Паука.

— О погоне? Не самая свежая новость! — прогудел Отелло сиплым басом. — Погоня уже была здесь, и мы подсунули ей фальшивый Кристалл.

— Фальшивый Кристалл?

— Точно, — подтвердил Пупырь. — А вот и настоящий!

И Пупырь, осмотревшись по сторонам, будто из пустых окон за ними мог кто-нибудь подглядывать, достал Магический Кристалл и осторожно положил его на ладонь Трюше. Внутри Кристалла за клубился радужный туман, и грани Камня засияли золотистым светом.

— Мы похитили его у Карлы. Не хотим, чтобы он служил злу,— объяснил Умник.— Где-то здесь, в Старом Городе, находится разгадка тайны Магического Кристалла.

— А где? — спросил Бормоглотик.

— Мы даже не знаем, как выглядит то, что мы ищем. А когда не знаешь этого, искать можно до бесконечности,— грустно сказала Мумуня.

Бормоглотик взял у Трюши Магический Камень и долго смотрел на его сложные грани.

— Как вы думаете, этот Кристалл *старый*? — спросил он.

— Стар как мир,— кивнул Умник.— О нем встречаются сведения даже в самых древних книгах по истории и алхимии. А почему ты спросил?

— Если загадка давняя, то и разгадка должна быть старой. Древней, исторической...— Бормоглотик потер розовый животик.— Между этими словами есть что-то общее. А вот только что, я не могу понять. Моя память пробуждается, но как бы не до конца...

— Постарайся, дорогой, постарайся! — подбодрила его Трюша, зная о способности своего друга вспоминать о назначении вещей.

— Должно же быть какое-то место, в котором собирают все самое старое и древнее... Место, где оно хранится на протяжении веков для назидания потомкам... Думаю, это должен быть какой-то большой дом с гардеробом, билетами, стеклянными витринами и сигнализацией...

Размышляя, Бормоглотик обошел вокруг липы с белой корой, его мордочка просветлела и он радостно воскликнул:

— Вспомнил, что это за место! Это музей! Разгадка Магического Камня, такая же древняя, как и он сам, может быть только в музее!

Пупырь посмотрел на мутантика, померчал носом, поскреб подбородок, а потом сказал очень важно и торжественно:

— Бормоглотик, ты гений! Только ты мог додуматься до такого сложного и верного решения! Если все завершится благополучно, мы выберемся из Старого Города и победим Карлу, и если ты к тому времени не раздумаешь жениться на моей дочери, бери ее, я согласен, ибо в мудрости ты порой превосходишь меня.

Лобастики были полностью с ним согласны и тоже стали хвалить умного мутантика. Но когда впечатлительный Хорошист воскликнул: «Рукоплещите же ему, братья! Этот юноша еще при жизни воздвиг себе памятник!» — Бормоглотик покраснел и начал смущенно переминаться с ноги на ногу.

— По-моему, радоваться еще рано,— пробормотал он.— Мы пока ничего не нашли... А за Трюшу спасибо. Я буду очень о ней заботиться, Пупырь.

— Надеюсь на это. Корми ее хотя бы изредка и не швыряй в нее чем попало — вот рецепт семейного счастья,— улыбнулся будущий тесть.

И они пожали друг другу руки, как будто все уже закончилось благополучно.

— Очень мило,— фыркнула Трюша, подбоченившись.— Ох уж эти мужчины! Все решения принимают сами, а со мной никто не посоветовался. А если я не соглашусь? Вот возьму из вредности и не стану его женой!

— Вот-вот! — поддержала дочку Мумуня.— Как же это можно у самой невесты не спросить? Тоже мне *пупыреархат* устроили! Долой его, даешь *мумунеархат*! Вся власть Мумуням!

И мама с дочкой принялись прыгать и вопить: «Даешь *мумунеархат*! Мы за *мумунизацию женщин*! Мумуни — тоже полноправные мутантики и сами вправе за себя решать!» — и всякую другую чепуху в этом роде.

Бубнилка слушала-слушала, а потом тоже начала подпрыгивать и кричать вместе с ними: «Даешь *мумунеархат*!»

— А ты-то чего распрыгалась? — удивился Отелло.

— Из солидарности. Я ведь тоже мумуня, только маленькая,— объяснила Бубнилка. Очевидно, малышка решила, что мумуня — это общее название всех мутантиков женского пола, и захотела присоединиться к их протесту.

— Погодите! Слышите? — Дедушка Умник прервал дамский протест и поднял вверх палец.— Оттуда раздаются какие-то звуки.

— Естественно, звуки... Они же вопят, хоть уши затыкай. Устроили тут марш феминисток,— недовольно сказал Пупыр.

— Нет, там что-то другое. Совсем другое.— Умник был очень серьезен, и все внимательно прислушались.

Со стороны реактора снова подул ветер и явственно донесся собачий лай. Похоже, в их сторону двигался целый отряд карликов с псами. Погоня приближалась, и на этот раз преследователей явно было больше, чем прежде.

Бешеный Блюм и Собачий Хвост, опасаясь подвоха со стороны друг друга и желая во что бы то ни стало вернуть Карле Магический Кристалл, взяли с собой каждый по пятьдесят отборных воинов и теперь прочесывали Старый Город двор за двором, квартал за кварталом. Вначале солдаты-карлики ни за что не соглашались переступить границу, но Блюм и Хвост пообещали им богатое вознаграждение, а всех несогласных пригрозили утопить в пруду. Но карлики перебороли страх, так как многие знали, что утром их начальникам удалось дойти почти до центра Старого Города и вернуться невредимыми, а значит, это место не такое уж ужасное, каким они его представляли.

Каждый карлик вел на поводке специально обученного красноглазого пса. Если бы не лай этих собак, донесенный ветром, шерстюши и лобастики узнали бы о погоне слишком поздно и не смогли бы ничего предпринять.

— Они нас окружают, нам всем не выбраться,— печально сказал дедушка Умник.

— Тогда вот что,— заявил Пупырь.— Я останусь и отвлеку погоню, а вы разыщите музей. Бегите же, чего ждете, пока карлики нас не схватили!

— Мы тоже остаемся с тобой! — вызвались Хорошист и дедушка Умник.— А ты, Отелло, береги Бубнилку и не пускай ее никуда!

— Я тоже буду отвлекать погоню! Я не хочу вас оставлять! — воскликнул Бормоглотик.

— Ты не можешь,— закачал головой Пупырь.— Ты единственный, кто обладает *способностью вспоминать назначение вещей*. Никто, кроме тебя, не сможет найти разгадку Магического Кристалла.

Понимая, что спорить уже поздно, так как карлики приближались, а Пупырь не изменит своего решения, всхлипывающие Мумуня и Трюша обняли его и, подхватив на руки Бубнилку, со слезами рвущуюся к папе Хорошисту, побежали между домами в ту сторону, где кольцо карликов еще не замкнулось и откуда не доносился злобный лай красноглазых псов.

— Догоняй их, зятек! И не потеряй Кристалл! — И Пупырь вложил Магический Камень в ладонь Бормоглотика.

— А как же вы?

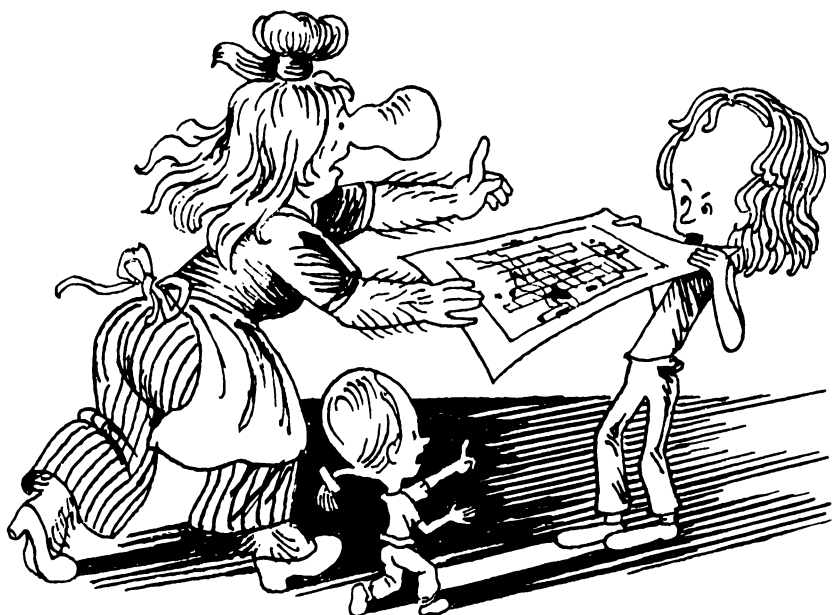
— Не волнуйся! В Старом Городе много укромных местечек! Мы запросто собьем погоню со следа и найдем, где спрятаться самим,— успокоил его дедушка Умник.

— Ладно, только не рискуйте! В полночь встречаемся у музея! — И Бормоглотик, оглядываясь, побежал догонять Трюшу и Мумуню.

— Дедушка, а ты зачем остался? К чему этот героизм мортале?¹ Может, тебе лучше пойти с ними? — озабоченно спросил Хорошист у Умника.

---

¹ Героизм мортале - смертельный героизм. К примеру, сальто-мортале — смертельный переворот в воздухе.

— Это раньше я был немощный дед и меня приходилось таскать, как тюк! А теперь у меня есть скейт, и я из тихходного старикашки превратился в моторного лобастика! — гордо сказал Умник. — Побеспокойся лучше за себя, дружок.

Лай собак приближался, и теперь уже без ветра было слышно их рычание. Погоня уже где-то совсем рядом.

Пупырь, Умник и Хорошист побежали навстречу карликам, дали красноглазым собакам увидеть себя, а потом что было сил понеслись через дворы, уводя за собой преследователей. Впереди на скейте мчался дедушка, а за ним шерстюш с лобастиком.

Когда спущенные с поводков псы под крики «фас!» уже стали их настигать, мутантики заскочили в первый попавшийся магазин и заперли на засов железную дверь. Карлики под предводительством Бешеного Блюма и Собачьего Хвоста окружили магазин и начали осаду.

Пока беглецы, запершись в магазине, решали, что им предпринять, Мумуня с девочками, Бормоглотик и Отелло делали все возможное, чтобы как можно скорее найти музей. Его поиски могли затянуться надолго, так как город был им незнаком, но вскоре они увидели книжный киоск, в котором проголодавшийся Отелло нашел туристическую карту. Он хотел ее съесть, но Мумуня выхватила у него карту буквально изо рта.

Мутантики расстелили карту на земле, и Бормоглотик попытался определить по ней, в какой части города они сейчас находятся. Это удалось ему не сразу, и только с помощью Отелло, который сбегал на угол и прочел на ржавом указателе название улицы.

— Мы вот здесь! — Бормоглотик ткнул пальцем в одну точку на карте. — Теперь посмотрим, как быстрее добраться до музея.

Он перевернул карту и стал читать на обратной стороне пояснения.

— Ого, оказывается, в городе целых три музея: краеведческий, кузнечного дела и картинная галерея. Допустим, картинную галерею можно не принимать во внимание, но тогда все равно остаются два: краеведческий и кузнечного дела... Странно, что нет исторического музея, тогда бы я не сомневался, где искать.

— Может быть, кузнечного дела? — робко спросила Трюша.

— Не думаю, — покачал головой Бормоглотик. — Конечно, кузнечное дело важная вещь, но краеведческий музей нам больше подходит. Посмотрим, где он... Оказывается, мы от него совсем близко. Нужно только перейти вот через эту улицу, потом пройти через сквер, потом свернуть вот сюда — и мы на месте.

— Значит, теперь я могу съесть эту карту! Умри, несчастная! — провозгласил Отелло и протянул руку.

Но в этот момент углы карты вдруг затрепетали, а асфальт под ними задрожал. Едва мутантики успели от-

скочить, как в земле образовалась расширяющаяся трещина и карта вместе с книжным киоском и частью дома исчезли в бездонной пропасти. Бормоглотик и Трюша оказались по разные стороны, и пока трещина не успела расшириться, хвостатый мутантик с кошачьей ловкостью отважно перескочил через нее.

— Такое утром уже было,— взволнованно сообщил Отелло.— Как бы не началось землетрясение.

— Это не землетрясение. Это опять *Он*,— сказала Бубнилка.— Тот, который остановил нашу дрезину в тоннеле.

— Но потом же *Он* ушел,— сказала Трюша.— Разве нет?

— *Он* никуда не уходил,— уверенно заявила малышка.— *Он* был здесь, под нами, и наблюдал. А теперь что-то ему не понравилось, и *Он* нам это показал.

— Странно, что я ничего не чувствую, у меня ведь тоже есть телепатические способности...— недовольно проворчал Отелло.

— Потому что *Он* тебя опасается... Ты слишком непредсказуемый,— тихо сказала девочка.— Ты наступаешь на траву, сломал две ветки у куста и не заметил, к тому же говоришь все время свое: «Умри, несчастная!» *Он* этого не любит...

— Ну и дурак же этот твой *Он*! Плевать мне, что он любит, а что нет! — засмеялся Отелло, все еще думая, что Бубнилка фантазирует. Но тут асфальт под ним дрогнул и вспучился, и лобастик едва удержался на ногах, схватившись за ствол растущего рядом дерева.

— Молчу-молчу-молчу! — испуганно запричитал Отелло.— Если этот твой *Он* такой обидчивый, я буду нем как рыба.

Тотчас, как только он произнес эти слова, земля перестала вздрагивать, и у лобастика от изумления отвисла нижняя челюсть.

— Кажется, *Он* в самом деле существует,— прошептал Отелло.

— А кто *Он*, малышка? — ласково спросила Мумуня, присев на корточки рядом с Бубнилкой и обнимая ее за плечи. Бормоглотик подумал, что девочка скажет свое обычное «не зна-а-аю!», но ошибся.

— *Он* — это Дух Земли, или Совесть Земли, или сама Земля, я еще точно этого не поняла, — ответила Бубнилка. — *Он* мыслит совсем не так, как мы. В чем-то *Он* как ребенок, а в чем-то мудр, как будто ему несколько миллиардов лет.

— А что *Ему* надо? Зачем *Он* устраивает все эти трещины и извержения?

— *Он* заступает за Землю, потому что Земля — это тоже *Он*. — Малышка говорила медленно, изменившимся голосом и без выражения, как будто бы слова вкладывал в ее уста кто-то другой или она повторяла их за кем-то. — Когда-то *Его* сильно обидели, еще те, кто построил здесь этот город. Они истерзали *Его* шахтами и подземными тоннелями, выливали в реки мазут, закрыли тело Земли асфальтом, так что она не могла дышать, вырубили деревья... Но *Он* долго терпел, потому что думал, что они глупые и, может быть, одумаются. Но они не образумились, а стали зарывать в него радиоактивные отходы, а потом еще эта их глупая атомная станция взорвалась, и все стало совсем плохо. И тут *Он* обиделся, рассердился и решил все взять в свои руки.

— Очертить границу и не пускать сюда мутантиков? — спросил Отелло.

— Не только мутантиков, а вообще всех злых и глупых, кто может причинить *Ему* вред. *Он* читает наши мысли и догадывается о том, как мы хотим поступить. И как только мы говорим или делаем что-то злое, Дух Земли настораживается и сразу происходит землетрясение. *Он* сам теперь решил заступаться за все, что живет на Земле... *Он* не любит, когда мучают растения и рубят деревья, когда кричат и злятся, не любит тупости и коварства. Дух говорит, что это *Он* наделил мутантиков всеми их

способностями: превращаться — карликов, становиться невидимыми — шерстюш, читать мысли — нас, лобастиков. *Он* надеялся, что это что-то изменит и мы будем осваивать мир не *снаружи*, а *внутри себя*, не будем портить и терзать *Его*, а научимся понимать. И пока, на какое-то время, пока мы не научимся быть добрыми, *Он* очертил нам границу — ту железнодорожную линию около реактора и дальше, за Большим Болотом, границу, которую нельзя переходить...

— Но почему?

— Потому что *Он* нам не верит. Боится, что мы или наши потомки опять что-нибудь подожжем, сломаем, снова что-нибудь взорвем, вырубим лес, придумаем бомбу, уничтожим озоновый слой или устроим еще какую-нибудь гадость... Вот *Он* и очертил нам границу возле реактора, там уже все, что можно было уничтожить, взорвали и испортили, и больше там уже просто ничего нельзя погубить. Если *Он* увидит, что мы поумнели и стали добрее, то откроет нам дорогу и дальше, на остальную Землю.

Мутантики задумались. В словах Бубнилки была правда, тяжелая, неприятная для них, но не вызывающая сомнений.

— Гм... Оно, может быть, и того... А вроде как и не того...— загадочно пробормотал Отелло, и оставалось только догадываться, что он этим хотел сказать.

Земля на том месте, где была бездонная пропасть, вновь сдвинулась, и уже только по выкрошившемуся куску асфальта можно было определить, где только что была трещина.

— *Он* больше со мной не говорит. Я *Его* больше не слышу,— сообщила Бубнилка.

Издаലെка, разносясь по пустым кварталам, донеслись гулкие удары тарана. Бормоглотик догадался, что карлики осаждали их друзей в одном из домов и теперь начали приступ, считая, что Магический Камень у спрятавшихся.

Мутантики заспешили. Нужно было завершить то, ради чего Пупырь, Умник и Хорошист рисковали жизнью,— найти разгадку Кристалла. Хотя карта и покоилась теперь где-то в недрах земли вместе с книжным киоском и изрядным куском мостовой, Отелло и Бормоглотик запомнили дорогу к краеведческому музею. Видимо, авария на станции произошла неожиданно, и люди, жившие здесь когда-то давно, поспешили покинуть Старый Город, оставив здесь все как было: и машины, и дома, и детские коляски, и даже домашних животных, часть которых впоследствии погибла, а часть приспособилась и мутировала.

Дверь в краеведческий музей так и осталась открытой, как в то утро, когда произошел Большой Взрыв. Рядом с кассой со спинки стула билетерши все еще свисала ветхая кофта, на стене висела табличка с надписью: «Выставка редких камней и янтаря из Сибирской коллекции открыта с 10.00 до 18.00, кр. пон. и вт.».

— Дядя Отелло, а что такое «кр. пон. и вт.»? — спросила Бубнилка.

— «Кр. пон.» — это, очевидно, «крашенные пончики», — предположил тот. — Помнишь, мы нашли банку краски и покрасили пирог, когда тебе исполнилось три годика?

Девочка облизнулась:

— Обожаю краску. Она такая вкусенькая! Даже вкуснее шампуня и стирального порошка!

Мутантики зашли в музей и поднялись по длинной мраморной лестнице, вдоль которой по обеим сторонам стояли статуи, изображавшие странных мутантиков неизвестной породы, не похожих ни на лобастиков, ни на шерстюш и даже ни на реакторных карликов, которые только отдаленно, некоторыми чертами, походили на них.

Эти высеченные из мрамора мутантики были с безволосыми телами, с большими головами, как у лобастиков; сложены они были красиво и мощно, с хорошо

развитыми мышцами и сильными ногами, но гораздо выше ростом, чем карлики. Зато глаза и уши у них были такие же, как у шерстюш, только носы не такие большие и, насколько можно было судить по статуям, они не светились, как лампочки.

— Наверное, это наши предки... Те, которые жили здесь до Большого Взрыва,— заметила Мумуня.— А они ничего, симпатичные. Интересно, они все вымерли или нет?

— Кто ж это тебе скажет? Может, где-нибудь они еще и остались. Земля большая и на ней полно неведомого,— сказала Трюша.

Бормоглотик и Отелло окликнули их с площадки второго этажа.

— Идите сюда! Посмотрите, какая здесь замечательная выставка камней!

Мутантики вошли в большой зал, хорошо освещенный лучами предзакатного красноватого солнца, сиявшими сквозь широкие музейные окна. Вдоль стен стояли стеклянные стеллажи, а на них лежали камни, множество самых разных камней.

Самый крайний к окну стеллаж был разбит, и одна подставка для камня пустовала.

— Наверное, тут когда-то лежал Магический Кристалл, пока его не похитили,— прошептала Трюша.

Глава четырнадцатая НОЧЬ ПЕРЕД ПОЛНОЛУНИЕМ

Королева карликов проснулась перед закатом. Она лежала на медвежьей шкуре и, шурясь, смотрела в окно на красный диск солнца. Только что она видела во сне свою бабуку, Рыжую Колдунью. Та сидела на камне у реки и расчесывала гребнем роскошные длинные волосы, которые струились по ее плечам, как водопад. Она была совсем молодая, намного моложе, чем ее внучка сейчас.

«Я стала русалкой,— сказала Рыжая Колдунья.— Ты хочешь стать русалкой, Карла?»

«Я ненавижу воду», — ответила ей во сне внучка.

«Жаль. Тогда после смерти ты не сможешь стать русалкой. А те, кто не становятся русалками, делаются кикиморами». — И Рыжая Колдунья неожиданно бросила свой черепаховый гребень в воду.

«Зачем ты это сделала, бабушка? Я хотела, чтобы ты подарила мне его!» — удивилась Карла.

«Тебе ничего нельзя доверить! Зачем ты позволила украсть мой волшебный Камень?» — строго спросила Колдунья и превратилась в змею.

«Верни его! Верни его до завтрашней ночи, пока Камень не *соединился* со своим *двойником*, или будет поздно!» — прошипела змея. Она обвила ногу внучки и впилась в нее ядовитыми зубами.

Королева вскрикнула и проснулась. На ноге, там, где змея укусила ее, были два крошечных пятнышка.

— Я найду Магический Кристалл, бабушка,— пообещала Карла.

Она некоторое время еще лежала на шкуре, глядя в окно и сосредоточенно размышляя, а потом нетерпеливо хлопнула в ладоши.

— Черный Герцог готов? — спросила она у вошедшего Пупа.

— Все готово, повелительница. Я как раз собирался вас разбудить.

Начальник телохранителей шире распахнул ставни, и Черный Герцог, сложив крылья, спикировал на каменный пол тронного зала.

Летучая мышь шурила подслеповатые глаза. На спине у нее Карла увидела свое кожаное седло, седельные сумки были набиты по ее приказанию сухим чесноком, запах которого любил Герцог и который снижал присущую ему агрессивность.

— Королева возьмет с собой кого-нибудь или отправится одна? — вкрадчиво поинтересовался Пуп.

— Одна. Если к завтрашнему вечеру от меня не будет известий, поджигай Лес,— сказала Рыжая Карла.

Пуп молча поклонился в знак того, что все исполнит. Он подставил руки под стремянем, и, опершись на них, Карла села в седло и взяла поводья.

— Возьмете с собой какое-нибудь оружие? Перелет может быть небезопасен,— спросил Пуп.

— Мое оружие подо мной. Оно не даст меня в обиду.— Карла погладила Черного Герцога по голове.

Она ослабила поводья, привязанные к проколотым ушам у летучей мыши, и легонько подтолкнула ее коленями. Сытый Герцог, отдохнувший после ночного перелета, взлетел и, сделав круг над реактором, направился к Старому Городу.

— Глянь-ка! Наша полетела, хорошо еще, не на помеле.— Оболдуй, охранявший замок и болтавший со старшим поваром, провожал Рыжую Карлу взглядом до тех пор, пока силуэт летучей мыши с наездницей не исчез, слившись с диском всходившей со стороны Старого Города луны, у которой для того, чтобы стать полной, не хватало только с краю узенькой полосочки.

— Смотри, отрежут тебе как-нибудь язык, болтун,— покачал головой повар.

— Мне его уже отрезали, потом новый вырос,— засмеялся Оболдуй.— Ни у кого не вырастал, а у меня вырос. Редкая мутация.

Повар некоторое время открывал и закрывал рот, видимо не решаясь что-то сказать, но потом наклонился к самому уху Оболдуя и прошептал:

— Редкая мутация, говоришь? А у меня на пятке палец есть! Не веришь?

— Почему не верю — верю...— успокоил его Оболдуй, кивая в сторону громоздкого сооружения, рядом с ко-

торым они сейчас стояли.— Что ж ты хочешь, брат, это все из-за реактора!

Рыжая Карла на Черном Герцоге кружила над Старым Городом, зорко вглядываясь в улицы внизу. Солнце уже совсем утонуло в розовом тумане где-то за Станным Лесом, а луна спешила занять его место. Чем темнее становилось, тем активнее вел себя Черный Герцог. Он издал резкий гортанный крик, разнесшийся далеко по пустому городу, а потом стал снижаться, пролетая над домами и деревьями.

Неожиданно в полете Герцог сделал резкий вираж так, что Рыжая Карла едва удержалась в седле, и его мощные челюсти с острыми зубами сомкнулись на зазевавшейся двухголовой вороне. Прикончив первую птицу, Герцог сразу же погнался за второй. Ей тоже не удалось далеко уйти, и на землю полетели перья.

«Он голоден. Если повара плохо его накормили, я велю их искупать»,— подумала Карла. Она вытащила из седельной сумки чеснок и поднесла его к носу огромной летучей мыши, успокаивая ее и заставляя забыть об охоте.

— Герцог, найди мне мутантиков! — приказала она. — Мне нужен Камень! Кристалл мой, а мясо мутантиков твое! Ты понял?

Летучая мышь издала гортанный возглас, выражая свое согласие, потом, бесшумно взмахнув кожистыми крыльями, черной тенью понеслась над городом.

Вскоре Королева услышала звуки ударов. Она увидела карликов, окруживших магазин со всех сторон, которые высаживали железную дверь. Бешеный Блюм и Хвост, шелкая плетками, суетились на крыльце и поторапливали солдат:

— Скорее, олухи! Сколько можно возиться! Хотите заночевать здесь?

Над их головами бесшумно пронеслось что-то огромное, и почти сразу же истошно завизжала красноглазая собака: Черный Герцог не мог пропустить добычу и вцепился псу когтями в спину, поднял его в воздух и разорвал.

«Все-таки я искупаю поваров! Обворовывают меня, как могут!» — раздраженно подумала Карла.

Она закрыла глаза и, воспользовавшись даром от бабки-колдуньи — даром телепатии и черной магии, мысленно проникла внутрь магазина. На мгновение ее мысли встретились с мыслями Хорошиста, и так как тот был не готов к постороннему вторжению и не успел поставить заградительный блок, — смяла и прочитала то, о чем он думал.

Рыжая Карла поняла, что Магического Кристалла в магазине нет и что мутантики специально отвлекают карликов для того, чтобы их друзья занялись поисками Кристалла.

«Неужели они знают о Камне-двойнике?» — встревожилась Королева и, круто развернув Герцога, умчалась.

— Ты что-нибудь видел, Блюм? Кто-то пронесся над нами и убил собаку, — растерянно спросил молодой вождь, глядя вверх, но не увидел там ничего, кроме луны.

— Старый Город — это что-то непостижимое,— задумчиво сказал Блюм.— Помнишь колесницу?..

Собачий Хвост вздрогнул и, чтобы скрыть свой страх, вытянул плетью возившихся у двери карликов:

— Олухи, скоро вы там? Хотите здесь подохнуть?

— Дверь поддается, командир! — крикнул один из воинов.— Мы ворвемся и прикончим их!

Мутантики, прятавшиеся в магазине, услышали этот крик и огляделись, решая, куда им бежать. Но все пути были отрезаны — из магазина был только один выход.

— Будем защищаться до последнего! «Вовек шлемоблещущий воин...» — отважно произнес Пупырь, приготовившись к неминуемой гибели.

Хорошист никак не мог отделаться от ощущения, что в его мозг кто-то только что проник и считал информацию, да так ловко, что только сейчас это заметил. Он заглянул в соседний отдел, чтобы проверить, нет ли там какого-нибудь оружия против карликов. И сразу же раздался его обрадованный голос:

— Идите скорее сюда! Здесь полно стрелялок, коло-тилок, колодок и взрывалок!

Не совсем понимая, какие *кололки* и *взрывалки* он имеет в виду, Пупырь и Умник побежали к нему. В магазине, где они прятались, продавались спортивные товары. На витрине лежали кроссовки, футбольные мячи, теннисные ракетки, эспандеры, боксерские перчатки и груши, крючья для альпинистов. За ними в большом зале стояли штанги, надувные лодки и велотренажеры, а у стены на специальных стеллажах — подводные ружья, удочки, бильярдные кии и всевозможные другие товары, назначения большинства которых мутантики даже не знали.

— Какой великолепный арсенал! — воскликнул Умник.— Смотрите, я нашел скейт, который даже лучше моего!

И он прыгнул на новый скейт, с широкой доской и нестирающимися колесами, со специальными насадками для асфальта.

Пока дедушка Умник восторгался этим скейтом, Пупырь взял ракетницу и зарядил ее осветительной ракетой; бормоча, что читал, как это делается в какой-то книжке про войну. Хорошист, которому ракетницы не хватило, выбрал спортивный лук и закрепил на тетиве одну из трех прилагавшихся стрел.

— Сейчас я задам этим карликам! — воскликнул лобастик. — Я всажу в них все три стрелялки, даже если за этим последует мое погибание!

— Дверь вот-вот рухнет! Берегись! — Пупырь подбежал к закрытому декоративной железной решеткой окну, и тотчас стекло рядом с его головой разлетелось на осколки. Карлики стали бросать в Пупыря камни и копья.

Шерстюш в ответ выстрелил осветительной ракетой, и нападающие испуганно завизжали, не понимая, отчего небо над их головами вдруг вспыхнуло и с него посыпались зеленые искры. Сразу после этого дедушка Умник выбросил в окно связку подожженных петард и бенгальских огней и зажмурился. На улице что-то взорвалось, засверкали яркие разноцветные вспышки салюта, затрещали бенгальские огни, так что на минуту все вокруг спортивного магазина осветилось, как днем.

— Дьявол нападает! Спасайся, кто может, пока он всех не сожрал! — Реакторные карлики, оглушенные непонятными звуками и вспышками света, побросали копья и, не обращая внимания на гневные крики Блюда и Хвоста, пытавшихся их остановить, разбежались.

— Это всего лишь игрушки! Их нечего бояться! Вернитесь, жалкие трусы! — в гневе завопил Блюм, поднимая с земли неразорвавшуюся петарду. Как только он разогнулся, о нагрудную пластину его доспехов ударилась и отскочила выпущенная Хорошистом стрела.

Вождь отскочил от окна и ощущал вмятину на доспехах.

— Эти крысята умеют кусаться! Не стоит их недооценивать! — удивился он.

Когда петарды перестали взрываться, Хвосту удалось вернуть к магазину большую часть сбежавших карликов. Он сам первым ударил обломком трубы, и вскоре чудом державшаяся дверь рухнула. Атакующие с победным криком ворвались внутрь, но запутались в теннисной сетке, упавшей на них откуда-то сверху. Не разглядев в темноте, что произошло, карлики, барахтаясь в сетке, начали колотить друг друга палицами и колоть копьями.

Бешеный Блюм и Собачий Хвост, перескочив через упавших, ворвались в соседний отдел, откуда их обстреливали петардами.

— Отдайте Кристалл, и вы умрете без мучений! — закричал Блюм, обшаривая магазин в поисках мутантиков.

Но беглецов нигде не было, хотя все говорило о том, что недавно они прятались здесь. Может быть, шерстюши стали невидимыми, как эти хитрецы иногда делали, но куда подевались тщедушные лобастые уродцы, которых они так ненавидели, — этого вожди не могли объяснить.

— Обшарьте все здесь! Окружите магазин и зажгите факелы! — скомандовал Бешеный Блюм. — Они должны быть где-то поблизости!

Он заметил, что дверь в глубине отдела приоткрыта, и бросился туда. В темноте старый вождь едва не упал, споткнувшись о ступеньки. Отсюда вела лестница на второй этаж, по которой карлики и бросились наверх.

Но мутантиков не было и здесь. Похоже, эти везучие шельмы вылезли по пожарной лестнице на крышу, по ней каким-то чудом перебрались на крыши расположенных поблизости гаражей и затерялись. Искать их теперь в крошечной темноте до наступления утра не имело смысла.

— Мы снова все провалили! Олухи!.. Не путайся под ногами! — Бешеный Блюм в сердцах ударил булавой по лбу замешкавшегося карлика, и тот, оглушенный, вытянулся на полу.

— Как знать? Во всем есть хорошие стороны, — неожиданно сказал Собачий Хвост. Он подошел к стеллажу, на котором стояли подводные ружья, и уставился на них с восхищением, словно ребенок, увидевший игрушку.

Молодой вождь сгреб все ружья в охапку и выложил их на прилавок. Заставив одного из солдат подсвечивать себе факелом, Собачий Хвост выбрал самое мощное из ружей, которое заряжалось сразу двумя гарпунами: одним длинным, а другим покороче.

— Это будет мое! — сказал он, повесив его за спину и заткнув за пояс запасные гарпуны.— А эти разбирайте вы! — И он бросил остальные своим телохранителям.

Старый вождь, скрестив на груди руки, мрачно наблюдал за ним.

— Теперь мои солдаты вооружены лучше твоих, Блюм,— засмеялся Собачий Хвост.— Если я прикажу, через пять секунд ты будешь пронзен стрелами и станешь похож на ежа с иголками. Едва ли с такими ранениями тебе удастся быстро регенерировать.

Он выхватил у одного из своих солдат подводное ружье и наставил его прямо в лоб сопернику.

— Не думаю, что ты сделаешь это,— с мрачной ненавистью сказал Блюм.— Оглянись!

Тот настороженно посмотрел через плечо и увидел шпиона Нытика, давно уже подслушивавшего их беседу.

— Если ты решишься убить меня, Нытик на тебя донесет, а, не получив Магический Кристалл, Карла не простит тебе моей смерти,— продолжал Блюм.— Так что хочешь ты этого или нет, некоторое время нам придется еще быть сораотниками.

Собачий Хвост хмыкнул, поставил ружье на предохранитель и бросил его солдату.

— А ты неглуп, старик... Очень неглуп. Теперь пора отправляться на поиски мутантиков.— И молодой вождь, круто повернувшись, вышел из магазина в сопровождении верных ему солдат.

Тем временем Рыжая Карла на огромной летучей мыши подлетела к краеведческому музею. Черный Герцог снизился, сложил кожистые крылья и зацепился лапами за верхнюю перекладину пожарной лестницы.

Карла слезла с него и прыгнула на крышу.

— Жди меня здесь! — приказала она.— И не вздумай улетать! Как только я позову тебя, сразу спеши ко мне и разрывай в клочья всех, кто окажется рядом.

Опасаясь, как бы, озверев от крови, Герцог не набросился на нее, она вынула из седельной сумки чеснок и хорошенько натерлась им.

— Ну и воняю же я! — поморщилась Королева. — Ну ничего, придется потерпеть. Нет аромата слаще запаха удачи и победы! Интересно, Герцог еще не забыл наш сигнал?

И Рыжая Карла издала условный свист, слышимый лишь чуткими ушами летучей мыши. Герцог насторожился и расправил кожистые складки на крыльях.

— Все в порядке, он помнит. — Королева открыла чердачный люк и проникла в здание.

Она хорошо помнила, куда идти. Бабушка подробно рассказывала ей, как когда-то она попала на выставку в первые же после Большого Взрыва часы и, разбив витрину, украла Магический Кристалл. «Эти идиоты в музее даже не знали, каким сокровищем обладают. Считали, что это просто редкий осколок природного хрусталя, и даже не позаботились о сигнализации», — смеялась Рыжая Колдунья.

Королева знала, что у Магического Кристалла существует Камень-двойник, который, если верить древней легенде, должен составить с ним одно целое, дополнить его свойства, и тогда сила волшебного Камня возрастет в несколько раз. Знала она и то, что завтра ночью, когда на Кристалл упадет свет полной луны, тот, кто станет владельцем этих камней, обретет власть и могущество.

Рыжая Колдунья смогла украсть тогда только один волшебный Камень. Кто-то из хранителей музея заметил ее, и ей пришлось бежать в Странный Лес, который тогда еще не был Странным, а был просто обыкновенным лесом, окружавшим город. Магический Кристалл, который бабушка Карлы всегда носила с собой, чудодейственно защитил ее от радиации, которая в первые годы после Взрыва была просто чудовищной.

Изменения тогда еще не начались, и теперешних мутантиков — лобастиков, шерстюш и реакторных карли-

ков — не было. Но уже в те годы огромная радиация выжигала и видоизменяла гены всех оставшихся здесь людей, и их дети и внуки или погибали еще в утробе, или, приспособившись, рождались мутантами с непредсказуемыми особенностями. Все тысячелетиями дремавшие в людях задатки пробудились. От злых и жестоких по природе людей рождались реакторные карлики; от интеллектуалов, библиотекарей, учителей, филологов и ученых — лобастики; от весельчаков, оптимистов, людей счастливых, которым ничто не могло испортить настроения и которые жили с удовольствием, появлялись на свет шерстюши.

Рыжей Карле почудилось, что ей навстречу по лестнице кто-то идет, и она превратилась в автомобильную шину, чтобы раньше времени не спугнуть жертву. Замаскировавшись, она пролежала больше минуты, но мимо нее так никто и не прошел. Она прислушалась: шагов больше слышно не было. «Наверное, почудилось,— решила Королева, принимая свой обычный вид.— Мало ли что вообразится в темноте? Занавеска пошевелилась от ветра или разошедшаяся дверь вдруг скрипнула, а ты уже представила себе невесть что».

Она прокралась в третий выставочный зал и прислушалась, не доносятся ли оттуда голоса мутантиков. Она даже подключила свои телепатические способности («это редкая мутация для карликов, скрывай ее от всех, внучка, и ты многого достигнешь»,— говаривала, бывало, Рыжая Колдунья), и еще из-за двери внутренним зрением увидела, что в зале никого нет. Очевидно, мутантики догадались о приближении Карлы, когда она была еще на крыше, и успели скрыться.

— Сбежали! Если они и Камень-двойник с собой унесли, тогда конец. У меня останется всего один день до полнолуния,— пробормотала Королева.

Она прошла вдоль длинного ряда стеллажей, всматриваясь в выставленные на подставках камни. Карла ни-

когда прежде не видела Кристалла-двойника и не представляла, как он выглядит, но знала, что, как только ее взгляд упадет на этот Камень, она сразу его узнает.

Все кристаллы были на месте, кроме двух, исчезнувших со средней полки из разбитой витрины. Карла догадалась, что один из камней взяла ее бабушка, а вот бумажка с надписью, лежавшая рядом с подставкой от камня, который недавно забрали мутантики, сообщила, что они взяли простой кварц, сочтя его двойником.

— Глупцы! Они думали, что Кристалл и его двойник должны были быть рядом! — засмеялась Карла. — Какое заблуждение!

Она опрокинула соседний стеклянный шкаф, и он разбился. Королева наклонилась и вытащила из кучи стекла маленький белый камень причудливой вытянутой формы. Он не изменял цвет, как это делал Магический Кристалл, но на ладони у Карлы он сразу стал холодным, просто ледяным.

— Это *опал*, Лунный Камень, *усиливающий свойства*. Слава Злу, они не нашли его! — обрадовалась Рыжая Карла. — Теперь у меня есть двойник, но нет Магического Кристалла.

Бережно сжимая в руке Лунный Камень, она поднялась на крышу, подозвала Черного Герцога и забралась в седло.

— Проверим твое чутье, Герцог! Ищи добычу, ищи мутантиков! Мы должны убить их до наступления утра и вернуть мой Кристалл! Тогда у тебя будет все, о чем ты только не пожелаешь: много хорошей еды и столько сна, сколько ты захочешь. — Карла дважды повторила это на древнем языке летучих мышей, чтобы Герцог хорошо ее понял.

Карла понимала, что должна максимально использовать каждую минуту этой ночи. Днем Герцог, ослепнув от солнца и света, утратит свое чутье и может заснуть прямо в воздухе. А одной ей едва ли удастся найти мутантиков в Старом Городе.

— Чтоб он провалился, этот Старый Город! — раздраженно сказала Рыжая Карла, и тотчас по крыше музея в нескольких местах образовались трещины и здание зашаталось.

— Взлетай скорее, дурак! Чего ждешь? — закричала Королева, испуганно колотя летучую мышь ногами.

Едва Герцог поднялся в воздух, как краеведческий музей провалился в разверзшуюся под ним черную бездну, которая тотчас сомкнулась над ним.

— Если б все мои желания сбывались так быстро, как это! — Рыжая Карла посмотрела вниз, где на месте музея теперь чернела земля, и усмехнулась.

— Я знаю, это сделал ты, Дух Земли — мой старый враг! Ты не любишь меня и уничтожил бы, если бы смог, — продолжила она тихо, словно разговаривая сама с собой. — Бабушка рассказывала мне о тебе, она всю жизнь боялась переступить очерченную тобой границу, зная, что земля сразу разверзнется у нее под ногами. Но, клянусь Злом, завтра я сожгу Лес, а когда Кристаллы — Лунный и Магический — воссоединятся, я стану могущественнее тебя, и уже я, а не ты, буду устанавливать границы и диктовать законы. Я сделаю землю мертвой и бесплодной, и на ней никогда не будет ничьей жизни, кроме нашей, карликов, и никакой власти, кроме власти Зла. Ну, как тебе это нравится, Дух Земли?

Земля гневно задрожала, но Карла только расхохоталась. Верхом на Черном Герцоге она была в полной безопасности и помчалась над пустыми домами, высматривая мутантиков.

Глава пятнадцатая ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ СТАРОГО ГОРОДА

Шаги на лестнице не слышались Карле. Ошибкой Королевы было превращаться в колесо, ей нужно было броситься вперед и перейти в атаку, как это наверняка сделали бы на ее месте застигнутые врасплох карлики

мужского пола, отличающиеся большой агрессивностью. Тогда бы мутантики не сумели убежать, и Магический Кристалл достался бы Рыжей Карле вместе с парным Лунным Камнем.

Поднимавшаяся по ступенькам Мумуня, которой на крыше послышался какой-то шум, увидела на ступеньках шину и сразу стала невидимой, остерегаясь подвоха. За долгую жизнь, проведенную в Странном Лесу, она привыкла, что карлики при маскировке обычно не проявляют большой фантазии. Они становятся либо серыми камнями, либо бочками, либо листьями ржавого железа, либо все теми же автомобильными колесами. Мумуня присмотрелась к шине, и ей показалось, что та слегка шевельнулась.

Усмотрев в этом нетерпение прячущегося в засаде карлика-шпиона, Мумуня на цыпочках вернулась в музейный зал, где Бормоглотик, Трюша и Отелло искали среди сотен выставленных экспонатов Камень-двойник. К сожалению, Бормоглотик не догадался вытащить из кармана Магический Кристалл; сделай он это, Волшебный Камень, запульсировав ярким пурпурным цветом, сам бы указал на свою пару при приближении к нему.

— На крыше замаскированные карлики! Они сейчас будут здесь! — сообщила Мумуня. — Нам нельзя здесь больше оставаться!

— Ты уверена?

— Еще как! Я видела, как шина шевельнулась!

Понимая, что это очень серьезно, и не желая рисковать Бубнилкой, Трюшей и Мумуней, Отелло схватил с крайнего разбитого стеллажа большой кусок природного хрусталя, чем-то похожий на Магический Камень, раньше лежавший рядом. Это внешнее сходство и ввело лобастика в заблуждение. Разве могли мутантики догадаться, что необходимый им Камень-двойник — маленький невзрачный опал?

— Ты думаешь, это он?

— Надеюсь, что да.

— Тогда побежали!

Едва они выскочили из музея и притаились в тени под его окнами, как в зал вбежала Карла. Мутантики услышали, как разбился стеклянный шкаф, а потом в окне промелькнул чей-то темный силуэт.

— Это сама Королева! — прошептала Бубнилка. — Она тоже умеет читать наши мысли!.. Волшебный Камень... она ищет его, роется в стекле... уже нашла! Он совсем маленький и холодный...

— Как нашла? Ты что-то путаешь! Оба Магических Камня у нас! — И Отелло посмотрел на лежавший у него на ладони кусок кварца.

— Выбрось его, дядя Отелло, — посоветовала Трюша. — Кажется, мы поспешили. Настоящий Волшебный Кристалл, парный нашему, должен становиться теплым в добрых руках или холодным в злых, а это самый обыкновенный кварц.

— Земля опять начинает дрожать, — озабоченно сказала Мумуня. — Чувствуете? Давайте отойдем отсюда подальше.

Едва они отбежали, как здание музея рассыпалось, как карточный домик. Из стены стали выпадать камни, а потом земля вдруг расступилась и поглотила дом с такой легкостью, как будто он был совсем крошечным.

Но за мгновение до того, как музей перестал существовать, с крыши взлетело что-то огромное. Вначале мутантики подумали, что это дракон, но потом поняли, что это гигантская летучая мышь. На спине у нее, слегка наклонившись вперед, сидела Рыжая Карла.

Беглецы спрятались в тени большого дерева, и Королева промчалась над ними. Земля под ногами у мутантиков продолжала вздрагивать и вибрировать. Края пропасти на месте музея сомкнулись, и нельзя было обнаружить даже места стыка. Более того, там, где только что была пропасть, быстро вырос холм.

— Рыжая Карла спаслась! Дух Земли хотел остановить ее, но не смог,— воскликнула Трюша.— Интересно, что она теперь собирается делать?

— Королева ищет нас, чтобы отобрать Магический Кристалл,— сказал Бормоглотик.— Один из Камней уже у нее, остался второй. Только непонятно, почему она так заспешила.

— Завтра первое календарное полнолуние в новом звездном цикле,— объяснил Отелло.— Возможно, это как-то связано с Волшебными Камнями.

— Откуда ты знаешь про новый звездный цикл? — спросила Трюша.

— Люблю закусывать астрологическими календарями и учебниками астрономии,— застенчиво объяснил лобастик.— Пока дожуешь до последней странички, приобретешь много новых знаний.

Над их головами снова пронеслась тень летучей мыши и прозвучал ее гортанный крик. Черный Герцог и Рыжая Карла искали беглецов, но густые ветви деревьев и темнота пока скрывали их.

— Мы не должны долго оставаться на одном месте, иначе Карла нас найдет,— сказал Бормоглотик.— Нужно дождаться утра, пока мышь устанет, а потом постараться выкрасть у Карлы второй Камень.

Неожиданно рядом послышался шорох, и все насторожились, думая, что это карлики. Но из густой травы выглянул Пупырь, за ним крались Хорошист и ехал на скейте Умник.

— Папочка, как я рада! — Трюша повисла у Пупыря на шее.— Мы так беспокоились о тебе!

— Приятно, что о ком-то еще заботятся. Слезливки, обнималки и всякое такое прочее дураковаление! — сказал Хорошист.— Помнится, у меня тоже была дочь. Эй, Бубнилка, или ты не рада меня видеть?

Он наклонился, и они с Бубнилкой трижды нежно боднулись лбами. Лобастики всегда так выражают свою радость и взаимную привязанность.

Пупырь рассказал, как им удалось выбраться по пожарной лестнице на крышу магазина и сбежать от реакторных карликов.

— У меня даже ракетница есть! — похвастался он. — Зрелище редкое и поучительное с философской точки зрения, если вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать.

Он вытащил из-за пояса ракетницу, чтобы продемонстрировать ее действие, но Мумуня схватила его за руку:

— Перестань! Здесь где-то рядом Карла на огромной летучей мыши! Она поймет, что мы здесь!

— Вам удалось найти разгадку Кристалла? — спросил Умник.

Бормоглотик грустно покачал головой:

— Разгадка Кристалла в его двойнике. Мы ошиблись и выбрали не тот Камень, а настоящим завладела Карла. Как он называется, Бубнилка?

— Лунный Камень, опал... Королева карликов думала о нем, — вспомнила малышка. — Опал должен усилить волшебство Магического Кристалла, которое проявится завтра в полночь, если оба Кристалла будут в одних руках.

— Значит, у нас остался всего один день, чтобы получить этот Камень. — Пупырь посмотрел на большой красный диск луны, висевший над ними так низко, что были видны почти все его кратеры и горные хребты.

В эту минуту на луну смотрел не он один. Карла, кружившая над городом на Черном Герцоге, тоже подняла голову, и ее рыжие волосы осеребрились отраженным лунным светом.

Черный Герцог зависал над домами около провалившегося музея и всматривался вниз, отыскивая обещанную ему добычу. Но то ли мутантики спрятались в один из

ближайших подвалов, то ли их скрывали густые деревья, но поиски ничего не давали.

Вскоре Королева поняла, что ей придется обратиться к помощи Бешеного Блюда и Собачьего Хвоста, какой бы бестолковой эта помощь ни оказалась.

Вождей она нашла сразу по ослепительным языкам пламени, взлетавшим над одним из деревянных домов. Военачальники и посланный шпионить за ними Нытик временно заключили перемирие, выпили ртути и, захмелев, пускали обмотанные горячей паклей стрелы из подводных ружей по уцелевшим еще домам. А в это время их солдаты грабили галантерейный магазин неподалеку, вытаскивая ткани, одежду, зеркальца и бусы, которые пользовались большим спросом у карлиц в реакторе.

Все перепугались насмерть, а красноглазые псы завывали, когда посреди площади опустилось огромное черное чудовище со складчатыми крыльями, а на нем сидела Королева, бледная от гнева.

Простые карлики-солдаты, не принадлежавшие к реакторной знати, и прежде считали свою Рыжую Карлу колдуньей, а теперь, увидев ее на крылатом чудовище, попадали на колени. Черный Герцог одним щелчком челюстей убил неосторожно оказавшуюся рядом красноглазую собаку и немедленно сожрал ее.

Бешеный Блюм, Собачий Хвост и Нытик подбежали к Королеве.

— Развлекаетесь, соратнички? — спросила она подозрительно ласковым голосом.

— Ага! — радостно подтвердил наивный Хвост. — Стрелы пускаем!

— Это военный маневр, — пояснил более осторожный Блюм. — Если мы подожжем весь город, нам проще будет найти мутантиков.

— Очень мило. Так они опять сбежали? — издевательски спросила Карла, поглаживая складки кожи Черного Герцога.

Вожди быстро переглянулись.

— Нет, что вы, Королева! Все мутантики убиты, но Кристалла у них не было,— заверили они ее.

— Разумеется, не было,— подтвердила Карла.— Камень совсем у других мутантиков. Или, быть может, вы еще не знаете, что они разделились? А теперь слушайте меня очень внимательно. Прикажите солдатам прочесывать все кварталы Города от центра. Пусть они возьмут факелы и поджигают все, что может гореть — дома, заборы, магазины, сухие деревья. Я хочу, чтобы к утру от Старого Города остался один только пепел.

— Но зачем, Карла? — удивился Нытик.— Город еще можно обобрать, а уже только потом поджигать.

— Ты осмеливаешься давать мне советы, ничтожество? — рассерженно воскликнула Королева.— Или ты уже возомнил себя повелителем карликов и хозяином реактора? Взять его!

Блюм и Хвост схватили Нытика и вывернули ему руки.

— Бросить его в горящий дом, пусть погорится!

Вожди потащили Нытика к огню, но он вырвался и с криком бросился перед Карлой на колени:

— Не казните меня, повелительница! Это неблагодарно! Я не раз бывал вам полезен, буду полезен и в будущем! Сохраните мне жизнь!

— Не принято напоминать Королеве о ее долгах. Все, что я должна, я тебе прощаю,— усмехнулась Рыжая Карла.— Ну, да ладно... Ты был мне верным слугой. Блюм, Хвост, отпустите его!.. А теперь живо за работу, город должен сгореть!

Она прищипорила Черного Герцога, и они взлетели над пораженными от ужаса карликами.

— Почему собаки на поводках? — закричала Рыжая Карла, проносясь над площадью.— Немедленно спустите псов, я хочу, чтобы они взяли след. Фас, твари! Успокойся, Герцог! Вскоре у тебя будет добыча лучше!

Карлики зажгли смоляные факелы и, проходя мимо домов, швыряли их в окна вместе с горшочками, наполненными зажигательной смесью. Воины заполнили улицы и площади, поджигая все на пути, и вскоре город уже пылал.

Сверху, со спины Черного Герцога, Карла с удовольствием смотрела на пожар.

— Неплохо, совсем неплохо... Но почему так мало огня? Как медленно эти олухи все делают! — нетерпеливо ворчала она.

В пламени и густом дыму метались маленькие фигурки солдат, размахивавших факелами, плясали огненные сполохи, мириады ярких искр взлетали к небу, а потом гасли.

Пахло дымом, жженой резиной и пластмассой, и Карла жадно вдыхала этот запах, от которого у всякого другого наступило бы удушье. С земли доносился лай боявшихся огня собак, которые скулили, стремясь вырваться из кольца пламени, и убегали от пожарища подальше.

Ветер развеивал рыжие волосы Карлы, а ее скуластое лицо почернело от дыма.

— Теперь они пожалеют, что украли мой Волшебный Камень! — прокричала Карла Черному Герцогу на языке летучих мышей, наклоняясь к его уху. — А завтра я подожгу Странный Лес и, клянусь Злом, он будет пылать ярче этого города. Поджарим мутантиков в их норах, заставим вылезти и всех перебьем! Но прежде мне нужен Кристалл Власти и Могущества!

Лобастики и шерстюши бежали по Старому Городу, спасаясь от погони. В дыму за их спинами слышался хриплый лай красноглазых псов и крики карликов. Дома пылали, в смоляном облаке с примесью химических отходов и пластмассы глаза у беглецов слезились, и они с трудом различали друг друга.

Бормоглотик схватил Трюшу за руку, чтобы не потерять ее, а Умник усадил Бубнилку на край своего скейта и крепко обхватил ее, чтобы малышка не упала, и они помчались сквозь дым и огонь впереди всех. Перед ними из темноты выскочил карлик с копьем, он замешкался, щурясь от дыма, и Умник, наехав на него скейтом, сшиб солдата с ног.

Мутантики пробежали в арку и выскочили к тоннелю, по которому Бормоглотик, Трюша и Бубнилка въехали утром на дрезине в город. Над головами Пупыря и Мумуни пронеслась огромная тень, и в плечо шерстюше вонзились когти. Он бросился на землю, потянув за собой Мумуню, и это спасло им обоим жизнь. Черный Герцог промахнулся всего на несколько сантиметров — дым помешал летучей мыши точно прицелиться. Герцог развернулся, набрал высоту и пошел на второй заход.

Но прежде чем он вернулся, Отелло и Бормоглотик подхватили супругов и затащили их в тоннель, где низкие своды не давали Герцогу пространства для маневра.

— За ними! Схватите их! — завизжала Карла, указывая солдатам на тоннель.

Карлики хотели ринуться внутрь, но со стен и сверху им под ноги посыпались камни, и, испугавшись быть навсегда погребенными под гранитными глыбами, солдаты остановились.

Почва под ногами у преследователей начала содрогаться, завибрировала, и из нее ударил фонтан кипящей воды. Один из карликов не успел отпрянуть, и Карла услышала его истошный визг.

На всех улицах возникли гейзеры, и одновременно на центральной площади у почтамта началось извержение только что появившегося вулкана. Разъяренная земля не пощадила ни город, ни карликов. Огромные многоэтажные дома рушились, словно построенные из кубиков, на развалинах бушевал огонь, и в нескольких метрах от него из почвы бил фонтан кипящей воды.

Карлики пытались спастись и со всех ног, бросив добычу, мчались к реактору. То там, то здесь на их пути раскрывались и тотчас смыкались бездонные пропасти, вихрем летели кирпичи, извергалась раскаленная лава. Земля дыбилась, пенилась и кипела, как ревущий океан. Дух Земли, долго терпевший проклятый город, теперь решил уничтожить его, чтобы уже завтра к утру ничто не напоминало о его существовании и о жизни тех, кто осмелился нарушить покой Духа Земли. Карлики гибли десятками. Они падали в пропасти, проваливались в гейзеры, сверху на них обрушивались камни и, ничего не видя перед собой, они задыхались в смрадном дыму.

Въезд в тоннель осыпался, сровнявшись с землей, и Карла решила, что мутантиков завалило и расплющило. Едва ли кто-нибудь мог уцелеть в этом многотонном камнепаде. Брызги кипятка из гейзера попали на Черного

Герцога, и он рванул ввысь так резко, что Карла вылетела из седла. К счастью для себя, она не выпустила из рук поводьев и повисла над бушующим городом на огромной высоте. Герцог затряс головой, и один повод оборвался. С огромным трудом Королева успела подтянуться на другом, вскарабкалась на спину летучей мыши, вцепилась в складки ее кожи и долго приходила в себя.

Первым делом она проверила седельную сумку — цел ли Камень-двойник, не выпал ли он? Опал был на месте, и Карла почувствовала некоторое облегчение. Во всяком случае, один из

двух Кристаллов цел, а другой завален громадой камней, и похоже, навсегда.

Королева пролетела над разрушенным тоннелем. Только небольшой участок в его конце был еще цел и не осыпался, но едва ли мутантики за такое короткое время успели убежать так далеко. Решив, что они погибли, Карла бросила свое разбитое войско на произвол судьбы и повернула Черного Герцога к реактору.

— Нам больше нечего здесь делать, — сказала она. — Мы снова остались при своем: один Камень, и куча честолюбивых надежд.

Уже подлетая к границе, Рыжая Карла снова обернулась на Старый Город. Домов уже не было видно, развалины дымились, красными сполохами вспыхивало пламя, а в центральной части города выбрасывал камни и пепел появившийся вулкан. И в черном дыму уже восходил круглый диск солнца, начиная свой извечный путь.

— Вот ночь и позади. Будет о чем вспомнить на старости лет, если только мы доживем до старости, Герцог. — Королева чувствовала себя разбитой, она была взбешена сегодняшними неудачами и искала, на ком бы сорвать свой гнев.

Заставив летучую мышь влететь в окно тронного зала, Карла пинком разбудила уснувшую на полу Требуху.

— Чего разлеглась, жирная ведьма! Позаботься о Герцoge! И пошла отсюда вон, пока я не велела сварить тебя в бульоне! — закричала она.

Карлица зевнула и протерла глаза:

— Ну как все прошло, повелительница? Все хорошо? — спросила она, ничего не понимая спросонья.

Как бы раздражена Карла ни была, у нее еще оставалось чувство юмора. Открыв было рот, чтобы рассказать Требухе, как все прошло, она в последний момент сдержалась и ответила:

— Все просто великолепно! Лучше не бывает!

Потом Королева упала на медвежью шкуру и заснула как мертвая, даже не вспомнив об оставшемся в седельной сумке Лунном Камне.

Только через несколько часов к реактору начали подтягиваться остатки разбитого войска, которое утром в полном составе отправилось к Старому Городу, надеясь на богатую добычу. Впереди, поддерживая друг друга, плелись израненные Хвост и Блюм, за ними вразброд тащился десяток уцелевших телохранителей, а последним ковылял Нытик, опираясь на сделанный из сломанного копья костыль.

И это все, что осталось от ста с лишним воинов. Более восьмидесяти карликов и больше половины красноглазых собак навсегда остались в Старом Городе. Этой ночью смерть собрала богатый урожай.

— У меня даже нет сил тебя убить, Хвост,— еле вымолвил Блюм, опираясь на руку своего врага.

— А у меня — тебя. Лучше мы посчитаемся, когда отдохнем. Старый враг, добрый враг...— Собачий Хвост упал на землю у реактора как подкошенный и мгновенно уснул, склонив голову ему на плечо, заснул и его соперник и недруг Блюм.

У остальных карликов даже не хватило сил доползти до реактора, и они заснули прямо на железнодорожных путях.

Нытику не повезло еще больше. До границы оставалось всего несколько метров, когда вдруг земля под ним разверзлась и он с криком полетел в образовавшуюся пропасть. Карлик не растерялся, он успел выставить боком копьё, и оно прочно застряло между смыкающимися краями пропасти метрах в двух под землей.

— Помогите! — заорал Нытик, вцепившись в копьё, как в перекладину, и стараясь подтянуться.— Помогите!

Неподалеку от железнодорожных путей несли стражу Кука и Жлоб. Кука все время вздыхал и ежеминутно проверял, прирос ли его откушенный кончик носа.

Сегодня днем, ухаживая за молодой женой безвременно утонувшего друга, он забыл, что еще не истекли положенные три дня траура, после которых вдова снова могла выходить замуж. Когда Кука к ней пришел, вдове уже кто-то сообщил о случившемся, и зареванная карлица старалась съесть все продукты, и спрятать все консервированное мясо и все вещи, которые были у нее в норе, пока не появились родственники и друзья покойного, чтобы справить по нему поминки.

У карликов был один странный обычай, который назывался «поминальная тризна». Стоило кому-нибудь погибнуть или быть брошенным в пруд по приказу Карлы, как заявлялись непрошенные родственники и под предлогом, что хотят взять что-нибудь на память об умершем, начинали тащить из норы все вещи и все продукты, пока не оставались лишь голые стены.

Войдя в нору к вдове и откашлявшись, чтобы сделать

предложение, Кука нечаянно облокотился рукой о шкаф. Решив, что он заявился, чтобы заграбастать себе этот предмет мебели, вдова прыгнула на Куку, как кошка, и откусила ему кончик носа.

Потом, когда недоразумение выяснилось и молодая вдова поняла, что Кука явился не за шкафом, а с серьезными намерениями, она долго извинялась и сказала, что тоже давно любит его и с удовольствием станет его женой, но не раньше чем через день, когда закончится срок траура. Обнимая вдову, Кука незаметно стянул две серебряные ложечки, светящиеся от радиации, а также приклеил кончик носа клеем «Момент», чтобы он быстрее прирос. Вскоре после этого он занял свой пост в карауле.

— Помогите! — кричал Нытик. — Помогите!

Кука и Жлоб подошли к трещине, присели рядом на корточки и сладко потеряли ручки.

— Спасти тебя? А что мы за это получим? — начали они свою старую песенку. — Кусочек стержня дашь? А норку свою под фундаментом?

— Все отдам! — захрипел из трещины Нытик. — Прямо сейчас отдам!

Кука со Жлобом засомневались немного, еще поторговались, а потом сбросили вниз веревку и вытащили Нытика.

— Показывай, где твоя нора, она теперь наша! — сказали они. — Ты обещал!

Спасенный отошел подальше от трещины и расхохотался:

— Мало ли что я кому обещал! Меня зовут Нытик, я любимый шпион Королевы! Еще одно слово, и я донесу, что вы планировали покушение на Ее Величество. Ну так как, должен я вам что-нибудь или нет?

Он повернулся и заковылял к реактору. Обманутые карлики грустно смотрели ему вслед.

— С этими шпионами только свяжись, — сказал Жлоб.

— Первый раз в жизни сделали добро бесплатно, — вздохнул Кука.

Глава шестнадцатая ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Что же произошло с лобастиками и шерстюшами? Неужели их раздавило сводами рухнувшего тоннеля, и наша и без того не слишком веселая история должна так печально завершиться? Вернемся на несколько часов назад и проследим за действиями наших друзей.

Вскоре после того, как Карла на Черном Герцоге пронеслась над тоннелем и, решив, что мутантики погибли, направилась к реактору, из густого дыма и тучи пыли, окутавших выход из тоннеля, позвякивая, выскочила маленькая дрезина. Пупырь и Отелло изо всех сил давили на рычаг, Умник старался отталкивать падающие на них камни с помощью мысленного барьера, а Бормоглотик с Хорошистом прижимали к лицам Мумуни, Бубнилки и Трюши полоски ткани, чтобы те не задохнулись от ядовитого дыма.

Едва дрезина отъехала на безопасное расстояние, сохранившееся крыло тоннеля тотчас обрушилось, провалилось под землю, и на этом месте возник кипящий гейзер.

Чем дальше от Старого Города удалялась дрезина, тем меньше слышался грохот камней, и только сполохи пожара и густой дым еще долго были видны.

— Дух Земли нас пощадил, — сказал дедушка Умник. — Он оставил для нас дрезину, помогал отталкивать падавшие камни и обрушил тоннель только после того, как мы из него выбрались.

— Если бы не это землетрясение, карлики бы нас убили. — Пупырь отпустил рычаг, дрезина уже разогналась и ехала теперь под уклон.

Бубнилка сжала ручками виски и, сидя на тряском дне дрезины, стала в такт покачивать головой.

— Тебе плохо? — забеспокоился Хорошист. — Моя девочка надышалась ядовитым дымом!

— *Он* разговаривает со мной...— тихо проговорила малышка.

— Кто разговаривает? — не понял ее отец.

— Дух Земли... *Он* все еще в ярости, но уже успокаивается. Просит прощения за камнепад, объясняет, что это был единственный способ спасти нас от погони... Говорит, что не может переступить через границу, и просит нас отобрать у Карлы Лунный Камень. Завтра в полночь Кристаллы должны воссоединиться, и тогда со Злом будет покончено и настанет Эра Добра...

— И это все, все что *Он* сказал? — с оттенком зависти спросил дедушка Умник.

Он гордился своими выдающимися экстрасенсорными способностями и не понимал, почему Бубнилка может разговаривать с Духом Земли, а он нет. Хотя, быть может, так и нужно. Возможно, что у девочки открылась какая-то новая наследственная мутация, недоступная ему.

— Дух Земли предупреждает нас об опасности. Об огромной опасности,— тревожно повторила малышка, и прищепка на ее косичке вздрогнула.— Завтра вечером Рыжая Карла собирается поджечь Странный Лес.

Глаза Мумуни расширились от ужаса:

— Поджечь Странный Лес! Какая подлость! Неужели Карла на такое способна?

— В такую сушь он за ночь выгорит дотла...— сказал Отелло.— Умри, несчастная! «Пожар над Римом полыхает, Нерон над городом стоит. Пожару мрачно он вникает...» — трагически добавил он.

— И зажигалку вынимает...— оборвал его Пупырь.— Хватит стихов...

Он нажал на тормоз и остановил дрезину. Вдали на холме виднелась покосившаяся бетонная громада бывшей АЭС.

— А вот и домик Рыжей Карлы.— Милейшая, в общем, женщина, только очень любит все поджигать...

Но если учесть ее гороскоп...— иронизировал неугомонный Отелло.

— Королевой работать непросто,— добавил Хорошист.— Сплошное устрашение и ужасание, хамление и подозревание! Головоотяпство и головоотрубание!

— Перестаньте... Сейчас не до ваших шуток. Нужно решить, что нам делать дальше. Кто-то должен пробраться в реактор, а остальные — в наш Лес. Нужно предупредить шерстюш и лобастиков об опасности.

Мутантики разделились. Пупырь, Бормоглотик и Отелло решили подобраться на дрезине поближе к реактору, размышляя, как им проникнуть туда незамеченными и выкрасть Лунный Камень, а остальные побежали коротким путем к Странному Лесу, надеясь добраться туда еще до полудня.

Помахав удалявшимся Мумуне и Трюше, Пупырь слегка прослезился и торжественно произнес:

— Сыны мои, к бою! Нападение — лучший способ защиты! «Вовек шлемоблещущий воин...»

— Кажется, я уже где-то это слышал,— сказал Бормоглотик и сильно нажал на рычаг дрезины. Она со скрежетом начала набирать скорость.

— Самое время разработать план,— сказал Отелло, наблюдая, как с каждой минутой вырастает громада реактора.— Как насчет того, чтобы взять это сооружение штурмом? Набросимся на карликов неожиданно, они перепугаются, разбегутся — и Лунный Кристалл наш. Смелость города берет!

— Карлики не трусливы. Они забросают нас камнями, мы и половины пути пробежать не успеем,— возразил Бормоглотик.— Пупырь, ты сегодня уже становился невидимым?

— Гм... Надо подумать,— замылся шерстюш.— Вчера точно становился, а вот сегодня, кажется, нет. Думаю, минут на пять моей невидимости хватит. Я проберусь внутрь и найду Камень, а вы меня ждите...

— Чтобы найти, где Королева прячет Волшебный Камень, пяти минут не хватит. Одного тебя в реактор мы не отпустим. И не думай об этом,— запротестовал Отелло.

Перед реактором железнодорожные пути довольно круто шли под уклон. Опасаясь, как бы карлики-часовые не заметили их, мутантики поставили дрезину на тормоз и спрыгнули.

— Нужно спрятать Кристалл. Если нас схватят, а такое вполне может случиться, он не должен попасть к Карле.— Пупырь вырыл в земле у куста ямку, положил туда Магический Камень и забросал сухими листьями.

— Думаю, здесь он будет в полной безопасности. Мы все еще по ту сторону границы, и Кристалл будет под охраной Духа Земли,— заметил Бормоглотик.

— У меня есть план! — сказал Отелло.

— Еще один? — с подозрением спросил Пупырь.— Снова взять реактор штурмом?

— На этот раз кое-что получше. Как вы думаете, карлики читали про троянского коня?

— Про троянского коня? Это там, где осаждающие греки забрались внутрь огромной деревянной лошади и захватили город? — вспомнил Бормоглотик.— И где мы возьмем такую большую лошадь?

— Минуту терпения, и вы все поймете! — хитро сказал лобастик и поманил их к себе.— В конце концов, зачем заикливаться на лошади?

В это утро задний двор реактора охраняли карлики Оболдуй, Чавкало, Жлоб, Кука, Чпок, Пафнутий, Обжора и Цыкающий Зуб. Их должны были сменить еще накануне вечером, но Рыжая Карла ввела режим утроенной охраны и не разрешила смену караула без ее особого приказа, чтобы слухи об огромных потерях при штурме Старого Города не вышли за пределы реактора и не распространились по Лесу.

Из-за долгого дежурства караульные были в ужасном настроении. От скуки они уже раза три успели подраться, нападая то один на всех, то на одного, и у карлика Чпока под глазом сверкал огромный фонарь. Впрочем, он тоже не остался в долгу: выбил у Обжоры четыре зуба, а Жлобу заехал булавой по уху.

Карлик Чпок был широкоплечим и кривоногим; а карлик Пафнутий — напротив, тощим и сутулым, с нашлепкой пластыря на щеке, весь измазанный зеленкой, которую он считал очень полезной для здоровья и пил каждое утро натошак по две столовых ложки вместо рыбьего жира; Чавкало все время жевал кусок химической резины, а у Обжоры в любое время дня и ночи бурчало в животе.

— Ну как, все в порядке? Происшествий нет? — крикнул начальник телохранителей Пуп, выглядывая из дверей кухни.

— Не-а, все нормально! — заверил его Кука, и Пуп снова исчез на кухне.

— Счастливый, жрет все, что захочет, и ртуть стаканами хлещет, — завистливо сказал Обжора, вздохнул и почесал жирный живот.

— Тебе бы только о еде! — засмеялся Кука. — А я вот женюсь послезавтра! Представляете?

— А старую жену куда денешь, жулик? — спросил Пафнутий и закашлялся от едкого дыма, проникшего со стороны пожарищ Старого Города.

— В пруде утоплю или подарю кому-нибудь. Да разве это главное? Главное — любовь! — воскликнул Кука и радостно заплясал. Нос его уже принял обычный вид, не осталось даже крошечного шрамика.

— Ща в глаз дам! Че лыбишься? — обозлился грубиян Чпок, не выносивший, когда у кого-нибудь было хорошее настроение.

Снова завязалась драка, в которой Чпок опять был один на всех, а все навалились на него и ему поставили новый фингал под вторым глазом.

— Там что-то едет! Слышите? — вдруг закричал Оболдуй и бросился к забору.

По рельсам с горы, грохоча, катилась дрезина, а на ней стояла большая бочка.

— Что это такое? — удивился Жлоб, подбегая к странной машине. — А в бочке что? Ишь ты, закрыта! И откуда эта тележка взялась?

— Небось из Старого Города сама прикатила, — предположил Пафнутий. — Там от землетрясения вагоны на станции задвигались, она и приехала.

Карлики стащили с дрезины бочку и выкатили ее на середину двора.

— Фяфефая! И фто фолько фам? — пыхтя, поинтересовался Цыкающий Зуб. — Фофайте фофоем!

— Говорит, давайте откроем, — перевел Оболдуй. — А почему бы и правда не открыть?

— Чур то, что в бочке, — мое... — воскликнул Кука и потянулся к крышке.

— Нет, стой! Мое! — заспорил Жлоб, отталкивая его. — Я первый к ней подбежал!

— А я первый ее увидел! — заявил Оболдуй. — Значит, бочка моя!

— Бочка-то *твоя*, — охотно согласился Пафнутий. — А вот то, что в бочке, — *мое*.

— Оборзел, Пафнушка? Хочешь в глаз? — взревел Чпок и опять кинулся в драку. И его снова побили.

— И чего мы ссоримся? Вдруг в бочке какая-нибудь ерунда? — Чавкало толкнул бочку ногой, и едва не отшиб пальцы.

— Профуй, а пофом фофари! У тебя фикфция фофая! — сделал ему замечание Цыкающий Зуб.

— Эй, Оболдуй, чего он там бормочет? — спросил Чавкало, выплевывая резину и отрезая себе от шины кусочек новой.

— Он говорит, прожуй, а потом болтай. Говоришь, мол, невнятно.

Карлики окружили бочку и стали спорить о том, что внутри. Мнения, как это обычно бывает, разделились. Оболдуй говорил, что там что-то ценное, Пафнутий и Обжора отрицали, Кука и Жлоб утверждали, что в бочке ртуть, а Чпок повторял: «А в глаз хо или не хо?» и размахивал булавой, надеясь взять реванш в драке, а на бочку ему было вообще наплевать.

Крышка бочки была плотно закрыта, и это мешало карликам выяснить, что внутри, а взломать ее они не осмеливались, опасаясь, что там что-нибудь взрывоопасное.

— Тут какие-то буковки! — сказал Жлоб, разглядывая крышку бочки. — Кажется, краской написаны. Надо училку позвать, пускай прочтет. Эй, Грымза, поди сюда!

Из окна школы вылезла Грымза и, важно напялив на нос очки без стекол, подошла к карликам.

— Чего вам надо? — строго спросила она. — Какой вопрос на повестке дня?

— Да тут вот бочка прикатилась, понять хотим, что на ней написано, — сказал Оболдуй. — Ты уж, не сочти за труд, прочти.

Не желая уронить свой авторитет, Грымза крякнула, подошла к бочке, долго разглядывала надпись справа-налево и слева-направо, шептала что-то себе под нос, вспоминая алфавит, морщила лоб, снимала и надевала очки и вообще старалась изо всех сил.

— Тут написано: *«О-чень боль-шое сок-ро-ви-ще! За-колдо-ванный клад! Открывать только в двенадцать ночи в реакторе, а то превратится в гнилушки...»* — прочитала наконец она.

Карлики уставились друг на друга.

— Ты ничего не перепутала? Там в самом деле клад? — осипшим от жадности голосом спросил Кука.

— Половина моя за то, что прочитала! — быстро сказала Грымза. Она запоздало спохватилась, что зря читала вслух. Сказала бы, что там гуталин или гвозди, — страж-

ники потеряли бы к бочке интерес, и сокровище было бы только ее!

— Ты тут вообще ни при чем, старуха. Сокровище наше! — И Жлоб встал между бочкой и Грымзой, схватившись за булаву.

— Не поделитесь, я завизжу, и сбегутся телохранители Карлы! — пригрозила жадная учительница. — Так как, договоримся — или я зову братца Пупа?

Карлики долго ссорились, дрались, кричали друга на друга и на Грымзу, но в конце концов решили поделить сокровище поровну. А пока, чтобы заколдованный клад не превратился в гнилушки, они договорились спрятать его в реакторе и открыть ровно в полночь, как было написано на бочке. Один только Чпок настаивал на том, чтобы открыть бочку прямо сейчас, но его не послушали и снова побили.

— Фофолфофанные флады — фело факое, и футок фе фадю! — сказал Цыкающий Зуб, и все поняли его даже

без перевода: заколдованные клады — дело такое, и шутить с ними не надо.

Сказано — сделано. Карлики закатили бочку в реактор через запасной выход, от которого у Грымзы, как у сестры, начальника стражи, был ключ. Этот выход не охранялся и, пока они тащили бочку по коридору, им не встретился ни один телохранитель.

— Где бы ее спрятать? — прошептал Оболдуй.

Стражники должны были возвращаться на дежурство и боялись, что, пока их не будет, бочку может найти и присвоить кто-нибудь из внутренней охраны реактора.

— Давайте запрем бочку в кладовке! У меня есть и от нее ключ! — И Грымза показала ключ от большого амбарного замка. — Только нужно отвлечь поварят, они там все время вертятся.

Поварятами на кухне служили карлики Дрызг и Бум. В их обязанности входило мелко нарезать мясо к королевскому обеду, отгонять от него мух, а также размешивать бензин в большой кастрюле, где варился бульон, и добавлять туда химической смазки для вкуса. Приготовление бензо-бульона было делом очень сложным, потому что бензин все время норовил взорваться, загореться или испариться. Поэтому очень важно было не нагревать его выше определенной температуры.

Отвлекать поварят послали Куку. Он подошел к ним и хитро сказал:

— А у меня кое-что есть, хотите покажу?

— Чего тебе? Выпить хочешь? — спросил Бум. Он работал поваренком уже второй год и привык, что на кухню то и дело заглядывают карлики и слезно просят налить им стаканчик ртути для опохмелки.

— У меня есть... э-э... сабля с четырьмя лезвиями. — И Кука поманил поварят за угол.

— С четырьмя лезвиями не бывает! — не поверили те, но все же не удержались и пошли посмотреть. Как только

они зашли за угол, карлик схватил их, зажал им рты и закричал во весь голос:

— Жлоб, Оболдуй! Давайте скорее! Я их отвлекаю!

— А они ни о чем не догадуются? — спросил Чпок.

— Конечно, ни о чем! — заверил его Кука. — Я же их хитро отвлекаю.

Грымза быстро проскочила на кухню и открыла ключом кладовку. Карлики втолкнули туда бочку и заперли ее.

— Вечером здесь никого не бывает, мы проберемся и снова ее выкатим... — прошептала Грымза. — А ключ пока побудет у меня!

— Фу уж фет! — заспорил Цыкающий Зуб. — Фюч фуфет у фас! Нас фного и мы фруг за фругом профледим.

— Ключик сохраним мы! — И Жлоб выхватил его у Грымзы. — А то вдруг вы, тетушка, проберетесь сюда без нас и стащите сокровище!

Тут карлики спохватились, что уже могла начаться проверка караулов, и побежали на свой пост.

— Отпускай! Уже можешь не отвлекать! — крикнули они Куке, и тот отпустил поварят.

Он думал, что они будут ругаться, но те как ни в чем не бывало побежали на кухню, весело хихикая и переглядываясь. Уже во дворе Кука заметил, что поварята укралы у него кошелек.

— Слышь, Жлоб, эти сопляты мой кошелек слямзили! — пожаловался он.

— Гы! Так тебе и надо!

— Моя школа! — гордо сказала Грымза. — Читать-писать не умеют, а подметки на ходу подрежут, и не заметишь.

Как только бочка оказалась в кладовке, ее крышка осторожно приподнялась, и оттуда выглянул Отелло.

— «Куда ты завел нас? Не видно ни зги!» — Сусанину грозно вскричали враги», — процитировал он и стукнулся лбом о низкий потолок кладовки.

— Действительно, ни зги не видно. Эй, Пупырь, где ты там? Подсвети! — позвал Отелло.

Из бочки вылез недовольный Пупырь.

— Ну и темнотища! — проворчал он, и тотчас его большой нос зажегся, как лампочка, осветив все вокруг.

— Вот теперь видно, и нос твой и все вокруг видно, — довольно сказал Отелло и помог выбраться из бочки Бормоглоту.

— Трюк с троянским конем сработал, — сказал тот. — Но был момент, когда мне казалось, что нас вот-вот рассекретят.

Лобастик осторожно толкнул дверь.

— Мы внутри реактора, но нас заперли в кладовке, — сообщил он. — Что будем делать?

— Может, перекусим? — предложил Пупырь. Он нашарил на полу кладовки упаковку с какими-то таблетками и, не разобравшись, проглотил несколько штук. — Дрянь какая! Это перигидроль для окраски волос! — пожаловался он. — В жизни не ел такой гадости!

Бормоглотик и Отелло огляделись кругом, соображая, как отсюда выбраться. С одной стороны была запертая дверь, за которой слышались голоса поварят, с хихиканием деливших украденные деньги, а с другой — стена, обитая какой-то морозоустойчивой жестью. На полу стояли ящики с химической солью, банки с консервированным мясом (мутантики старались в них даже не заглядывать, догадываясь, что может оказаться внутри).

— Мы надежно заперты. Если что-нибудь не придумаем, нам конец, — сказал Отелло, дрожа от холода. В кладовке был мороз, как в холодильнике, чтобы продукты дольше сохранились.

Бормоглотик приложил глаз к щели и стал наблюдать за поварятами.

— Если бы поварята очень захотели, то нашли бы способ нас открыть... Но как нам их перехитрить — ума не приложу, — размышлял он.

Думая некоторое время над разрешением этой проблемы, он вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:

— Знаю! Отелло, ты умеешь подражать голосам животных?

— Смотря каких. Я умею лаять, как красноглазая собака, и мурлыкать, как треххвостый кот. Еще я умею кричать, как сова, трубить, как синерогий олень, и хрюкать, как свинья, и...

— Хватит! — остановил его мутантик. — Вполне достаточно будет красноглазой собаки. Ты можешь скулить, как щенок?

— Попробую. Только не понимаю, зачем это нужно... — Отелло пожал плечами. Он подобрался к дверной щели, прокашлялся и заскулил очень убедительно:

— У-у-а! У-у-а!

Поварята насторожились и подошли к кладовке.

— Ты слышал, Бум? Туда забежал щенок! — сказал Дрызг. — Он сейчас все перепортит, изгрызет все продуктовые запасы и сделает лужицу в химическую соль...

— Вот-вот,— перебил его Бум.— А старший повар решит, что щенка подбросили мы, и велит нас искупать. Нужно скорее выбросить этого щенка, пока его никто не заметил.

Поварята бросились к двери и стали дергать за ручку, но кладовка была заперта на замок.

— Я знаю, где запасной ключ,— прошептал Бум.— Я видел, как повар прятал его в старую кастрюлю на верхней полке... Пойди принеси!

Дрызг сбегал за ключом. Юные недоросли открыли замок и заглянули в кладовку. Тотчас из темноты их подхватили сильные руки Пупыря и Бормоглотика и затолкали в бочку. Поварята шумели и вопили, но их криков почти не было слышно, и из бочки доносился только гул.

Мутантики, закрыв на замок кладовку, выскочили из кухни и прокрались по внутренней лестнице на второй этаж, к личным покоям Рыжей Карлы, где около тронного зала день и ночь несли стражу двое телохранителей, которых назначал лично начальник стражи Пуп.

Мутантики притаились за поворотом коридора и стали решать, как проникнуть в покои Королевы, минуя стражу.

— Ждите меня здесь, я стану невидимым,— прошептал Пупырь.

Нос его замерцал, как всегда перед превращением, очертания сделались прозрачными, а потом шерстюш исчез.

— Я скоро вернусь. Бормоглотик, будь осторожен! — послышался шепот, а потом легкие крадущиеся шаги направились к покоям Рыжей Карлы.

Телохранители неподвижно стояли перед входом в покои Королевы, скрестив алебарды — огромные копья, которыми можно было не только колоть, но и рубить.

Пупырь, нагнувшись, прошел под копьями и приоткрыл стальную герметичную дверь реактора. Двери в реакторе, как во всех секретных объектах, были массивными и тяжелыми, запирались на специальные огромные запоры, приводимые в действие ввинчивающимися коле-

сами, как на подводных лодках и в бункерах. Услышав скрип колеса, стражники оглянулись.

— Ты что-нибудь слышал? — спросил один телохранитель у другого. — Что-то лязгает.

— Наверное, послышалось, — ответил другой. — Давай посмотрим, может, у Королевы с той стороны рычаг заклинило, и она не может выйти?

Карлики приоткрыли дверь и осторожно заглянули в личные покои Карлы. Королева спала на медвежьей шкуре, и ее рыжие волосы разметались по бурому меху.

Убедившись, что все спокойно, телохранители осторожно, чтобы не разбудить Карлу, закрыли дверь и повернули колесо.

Пупырь успел проскочить в покои и теперь остался наедине со спящей Королевой. Она ворочалась во сне и что-то шептала. Надеясь, что узнает, где Рыжая Карла спрятала Камень, Пупырь подкрался к ней, присел на корточки рядом и прислушался.

— Я поняла, бабушка... Лес... сжечь Лес... Заклинание засухи... Если дождь не начнется еще три дня, он не начнется уже никогда... — бормотала во сне Королева, и ее нервные, дрожащие руки вырывали из шкуры клочья меха.

Но даже во сне она была осторожна и ничего не сказала про Лунный Камень. Чувствуя, что невидимости у него остается уже совсем мало и вот-вот он снова станет различимым, Пупырь обыскал весь тронный зал, но опала нигде не нашел.

Тогда он решился на крайнюю меру. Он где-то читал, что если шептать на ухо спящему какой-нибудь вопрос, при этом так тихо, чтобы он не проснулся, то тот может проговориться.

Пупырь нагнулся к уху Рыжей Карлы и тихо-тихо, едва различимо, произнес:

— Камень... Волшебный Камень... Куда ты его спрятала?

Карла привстала, на мгновение приоткрыла глаза, так что Пупырь решил, что она проснулась, но потом опять легла и перевернулась на живот. Шерстюш выждал еще несколько секунд и повторил:

— Где Камень?

— Волшебный Камень завалилõ в тоннеле... Он теперь под землей...— прошептала во сне Карла.

— А другой? Где другой Камень?

Ответа на этот вопрос Пупырю пришлось ждать долго, он уже приготовился повторить его, но тут Королева сказала во сне:

— В седельной сумке... В седельной сумке у Герцога. Там он в полной безопасности. Герцог разорвет каждого, кто не знает секрета...

— Какого секрета? — повторил Пупырь.— Какого секрета?

Но, очевидно, он спросил слишком громко, потому что Карла проснулась, вскочила со шкуры, ошалело оглядела пустой зал и крикнула:

— Кто здесь? Я спрашиваю, кто здесь? Эй, стража!

Телохранители ворвались в зал, и Пупырь, почувствовав, что его тело уже начинает пульсировать и покалывать — признак того, что он вот-вот станет видимым, выскочил из покоев Королевы и нырнул за угол коридора, где его ждали Бормоглотик с Отелло. Едва он спрятался, как вначале стал видимым его большой светящийся нос, потом голова, после этого — туловище, а последними руки и ноги.

— Ну как все прошло? Узнал, где Камень? — спросил Отелло.

— Потом расскажу... надо отсюда убегать, а то Королева может приказать обыскать этаж...— И Пупырь потянул друзей к выходу на запасную лестницу, ведущую на чердак.

У лестницы должен был стоять стражник, и к двери даже было прислонено его копье, но, очевидно, он на минуту отошел, и мутантики беспрепятственно покинули королевский этаж и поднялись на третий уровень реактора, к чердаку.

— Ну вот, теперь можно говорить,— сказал Пупырь, убедившись, что за ними никто не следит.— Королева сказала во сне, что Кристалл у Черного Герцога в сумке. Как вы думаете, кто это может быть?

— Черный Герцог? Впервые слышу.— Бормоглотик откинул тяжелый люк чердака и вдруг попятился так резко, что едва не сшиб с ног Отелло.

— Ты чего? — удивился лобастик.

— К-кажется, я только что догадался, кто такой Черный Герцог.— И мутантик показал куда-то вверх.

Вцепившись мощными когтистыми лапами в стальную перекладину, под крышей чердака висела огромная летучая мышь с кожистыми крыльями и ушами, изгибающимися в форме короны. Пупырь узнал чудовище и потрогал свое кое-как перевязанное Мумуней плечо. Он

надолго запомнил, как в Старом Городе этот монстр едва не отправил его на тот свет.

Но сейчас Герцог висел на перекладине под потолком совершенно неподвижно, и только прозрачные перепонки на его немигающих глазах чуть подрагивали.

— Он нас не видит? — шепотом спросил Пупырь.

— Днем летучие мыши спят, — объяснил Отелло. — Но это не значит, что они не могут проснуться. И тогда: умри, несчастная! Как бы сыт ни был этот красавчик, место в желудке еще для троих у него всегда найдется.

— Королева говорила, что к Герцогу нельзя подойти, если не знать какого-то секрета, — вспомнил шерстюш. — Я старался выяснить, что это за секрет, но тут Карла проснулась, и мне пришлось убежать.

— Значит, Кристалл у него в седельной сумке? — Бормоглотик разглядел на спине у летучей мыши седло с высокой лукой и предположил, что седельные сумки приторочены к нему сзади.

Чердак реактора был очень высоким, а летучая мышь висела под самым потолком, так что добраться до ее седельных сумок было совсем непросто, даже если бы когти Черного Герцога не грозили отважившемуся смельчаку.

— Кажется, лезть придется мне, — сказал Бормоглотик не очень уверенно. — Все-таки я кошачий мутантик.

— Будь осторожен, — предупредил Пупырь. — Мне не хотелось бы терять любимого зятя, а то кто еще возьмет мою Трюшу?

— Если вы увидите, что эта птичка-невеличка зашевелилась, дайте мне знать! — попросил отважный Бормоглотик. Он на всякий случай зажал в зубах нож и пополз вверх по толстой веревке, свисавшей с перекладины.

Черный Герцог пока еще не чувствовал, что к нему кто-то приближается. Он был сыт, устал после долгого ночного перелета и крепко спал. Но чем ближе подби-

рался к нему по веревке мутантик, тем беспокойнее становилось спящее чудовище. Оно зашевелилось, а один из его круглых подслеповатых глаз открылся и в упор уставился на непрошеного гостя.

— Осторожно! — закричал Отелло снизу. — Он завозился!

— Сам вижу, — проворчал Бормоглотик. — Чем орать, лучше бы узнал, о чем он думает.

— О разном, — заметил Отелло. — У него в мыслях полнейшая путаница. Но одно точно — что-то в тебе ему не нравится, а пошевелиться, чтобы тебя сожрать, пока еще лень.

— А что именно ему не нравится? Видишь ли, для меня это важно. — Бормоглотик зацепился хвостом и ногой за перекладину и подтянулся к ней.

Черный Герцог уже совсем проснулся и лениво ждал, пока добыча приблизится на такое расстояние, когда ее можно будет сожрать, не затрачивая при этом особых усилий. Герцог был сыт, он съел свинью и синерогого оленя и охотиться сейчас ему не хотелось.

Его хищные ноздри раздувались, а складки кожи на лбу чуть морщились, как у хищника, приготовившегося к прыжку.

— Подожди, Бормоглот... Не рискуй! Ему не нравится твой запах, — крикнул Отелло, все это время напряженно вслушивавшийся в мысли чудовища.

— Мой запах? Неужели карлики, которые никогда не моются, пахнут лучше? — обиделся чистоплотный мутантик, который всегда очень следил за собой.

Он сел на перекладине в нескольких метрах от чудовища и балансировал на ней, не решаясь приблизиться к Герцogu.

— Он любит чеснок и разрывает всех, кто не пахнет чесноком, — крикнул Отелло. — Это, наверное, и был секрет Рыжей Карлы. В правой седельной сумке у него чес-

нок, а в левой — опал. Натрись чесноком, и тогда он не тронет тебя!

— Легко сказать: пока я натрусь, он меня три раза сожрет! — проворчал Бормоглотик.

Он привстал и прикинул расстояние до седельной сумки с чесноком. Балансируя по перекладине, он приблизился к чудищу чуть ближе, чем было нужно. Терпение Герцога истощилось, он решил напасть, щелкнул челюстями и стал раскрывать крылья. Момент был критический.

— Берегись! — крикнул Пупырь.

Но Бормоглотик прыгнул на мгновение раньше, чем мышь взлетела. Он подтянулся на стремени, вскочил в седло и вцепился в луку, понимая, что сейчас ему придется туго.

Герцог гортанно закричал и попытался повернуть голову, чтобы уничтожить незваного всадника, но очень непросто подцепить того, кто у тебя на спине, и зубы хищника щелкали впустую. Тогда чудовище взлетело и стало метаться по чердаку, выделявая немыслимые пируэты и кульбиты, чтобы сбросить седока и разбить его о плиты пола.

Но кошачий мутантик держался крепко, хотя чувствовал себя ковбоем, укрощающим быка. Он ухитрился растегнуть седельную сумку и, захватив пригоршню сухого чеснока, сунул его под нос Черному Герцогу.

Почувствовав столь привычный для нее запах повелительницы, летучая мышь успокоилась, и полет ее стал более ровным. Черный Герцог опустил на пол и сложил крылья. Пока Бормоглотик держал у его носа чеснок, чудовище вело себя смирно, как ягненок. Осмелевший Отелло смог даже погладить Герцога по кожистой складке вокруг его страшных челюстей.

Снизу по лестнице, ведущей на чердак, загрохотали шаги стражников. Это был обычный обход реактора, который они совершали через каждые два часа. Если страж-

ники схватят их на чердаке, то все пропало — даже с волшебным камнем им не выбраться отсюда.

Пупырь навалился на люк, чтобы карлики сразу не смогли открыть его, а Отелло вооружился тяжелой палкой, которую нашел на полу.

— Защищайтесь, сударь, я буду иметь честь атаковать вас! — торжественно произнес он и уронил палку себе на ногу.

Бормоглотик расстегнул вторую седельную сумку и нашарил на самом ее дне теплый продолговатый Кристалл молочно-белого цвета. Даже не верилось, что этот меняющий температуру Камень, дымчато-молочного цвета, и есть опал-двойник, который в первое полнолуние июля, воссоединившись с Магическим Кристаллом, усилит его волшебные свойства в несколько раз и даст тому, кто будет им обладать, его огромную силу.

— Там кто-то заперся! Объявить тревогу по всему ре-актору! Оповестить Королеву! — послышался крик с лестницы, и карлики забарабанили в люк булавами.

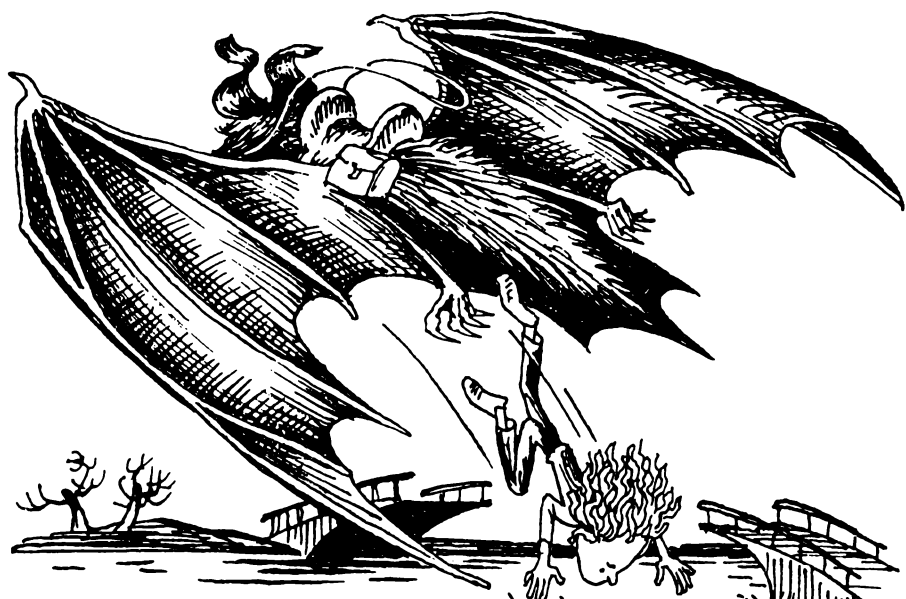
— Теперь нам не уйти! — обреченно сказал Отелло. — Они перекроют все входы и выходы! А если выпрыгнуть из окна, мы разобьемся о плиты...

— А может, и не разобьемся, — заметил Бормоглотик, бросая в приоткрытую пасть Герцога несколько горстей чеснока, который тот с жадностью проглотил. — Как насчет того, чтобы немножко полетать?

— А ты уверен, что сможешь им управлять? — поинтересовался Пупырь. Он сидел на люке, который под ним вздрагивал от ударов карликов. Так что эти слова шерстюш произнес подскакивая, как на лошади.

— А вот это мы скоро узнаем! — пообещал Бормоглотик. — Отелло, натирайся чесноком, и пусть так же сделает Пупырь!

Натеревшись чесноком, мутантики вскочили на спину Черного Герцога: Бормоглотик с Пупырем в седло, а Отелло позади, держась за луку.

Теперь, когда люк больше не удерживали, он отлетел после первого же удара, и на чердак ворвались стражники. Впереди с трехгранной булавой бежал Пуп, за ним — Требуха с метательным кинжалом, а замыкали телохранители Карлы.

Увидев мутантиков на спине у летучей мыши, карлики рванули было к ним, но так как от них не пахло чесноком, Герцог щелкнул зубами, едва не перерубив пополам успевшего отскочить Пупа, а Требуху он ударил крылом с такой силой, что толстуха слетела с лестницы, сбив с ног всех поднимавшихся по ней телохранителей.

— Бросайте в них копья! Они не должны уйти! — завопил Пуп, но было уже поздно.

Черный Герцог вылетел из чердачного окна, планируя на кожистых крыльях, сделал круг над реактором и, направляемый Бормоглотиком, устремился в сторону Странного Леса.

Карлики бегали по двору и кричали что-то, размахивая булавами. Кое-кто бросал вслед Черному Герцогу копья, но летучая мышь была слишком высоко, и они не долетали до цели.

— Эгей! Мы летим! До полуночи, Королева! Надеюсь, еще увидимся! — закричал Бормоглотик.

Из озорства он свесился из седла и помахал рукой застывшей в окне тронного зала Рыжей Карле. Кошачий мутантик был уже далеко и не мог рассмотреть выражения ее лица, а если бы вдруг увидел, то ему стало бы страшно.

В минуту опасности, когда на карту было поставлено все, Рыжая Карла не терялась, не падала духом, а сосредоточивалась и готовилась к новым схваткам.

— Увидимся? Я тоже на это надеюсь! — пробормотала Королева. — И гораздо скорее, чем ты предполагаешь.

Она сконцентрировалась на примитивном мозге Черного Герцога и зашептала слова заклинания на языке летучих мышей:

— Возвращайся! Ты должен вернуться к своей повелительнице. Принеси мне похитителей Камня, и их плоть станет твоей плотью, а их мясо — твоим мясом...

Древнее заклинание подействовало. Черный Герцог, который был уже над Станным Лесом, круто развернулся и решительно, не подчиняясь Бормоглоту, изо всех сил дергавшему за поводья, полетел назад к реактору.

— Карла позвала его! Он летит к ней! Я не могу его удержать! — закричал Бормоглотик сквозь свист ветра.

— Тогда прыгаем! — крикнул Пупырь. — Лучше разбиться, чем вернуться в реактор!

И мутантики бесстрашно спрыгнули со спины чудовища и с криком, подняв тучу брызг, упали прямо в глубокую запруду около разрушенного моста. Они ушли под воду с головой и даже коснулись ногами дна, но вода ослабила падение и никто серьезно не ушибся. И шерстюши, и лобастики хорошо плавают, и им не стоило большого труда выбраться на берег.

Первым делом они посмотрели наверх, не навис ли над ними Герцог. Но огромная летучая мышь была уже крошечной точкой, подлетавшей к реактору. При солнечном свете чудовище плохо видело и не стало их преследовать.

Глава семнадцатая ЛЕС ГОРИТ

Жизнь — это бег по грязи. По-
скальзываешься, падаешь, вскакива-
ешь и бежишь дальше, и так, пока не
вылезешь из грязи в князи. Тот, кто
боится падений, не знает и взлетов.

Карла I, Рыжая

Когда Черный Герцог влетел в тронную залу и Рыжая Карла убедилась, что в седельной сумке опала нет, она словно окаменела, но потом отправила отряд карликов во главе с Пупом подобрать погибших мутантиков. Вскоре начальник телохранителей вернулся и сообщил, что им удалось спастись и они исчезли и что он, конечно, выслал за ними погоню прочесать камыши у ручья, но не уверен, найдут ли их. Шерстюши хорошо знают Лес, и им будет несложно спрятаться.

— Отлично,— сказала Карла очень медленно. Просто замечательно!

И хотя Пуп не видел в этом совершенно ничего хорошего, он только молча поклонился, воздержавшись от каких-либо замечаний.

— Итак, подведем итоги. Оба Камня у них. Мы недооценили противника и поплатились за это,— продолжила Королева после долгого раздумья, нервно вышагивая по тронному залу между замершими в растерянности вождями.

Бешеный Блюм и Собачий Хвост тоже были здесь и стояли рядом, забыв на время о своей вражде.

Вскоре вернулась посланная за мутантиками погоня. Вернулась, как и предполагал Пуп, ни с чем. Шпионам удалось найти в камышах брошенное корыто с парусом, которым недавно пользовались, но сами беглецы переправились на другую сторону ручья и скрылись в чаще Странного Леса.

— Станный Лес... Снова Станный Лес... В который раз он уже встает на моем пути...— повторила Рыжая Карла.— Пришло время расквитаться с этим Лесом за все его услуги. Пуп, бочки со смолой готовы?

— Давно готовы, Королева.

— Тогда поджигайте Лес. Поджигайте одновременно с четырех сторон, чтобы никто не смог уцелеть. Пусть они сгорят со своими Волшебными Кристаллами и никогда не увидят полной луны. Ты понял, Пуп, в этом наше единственное спасение!

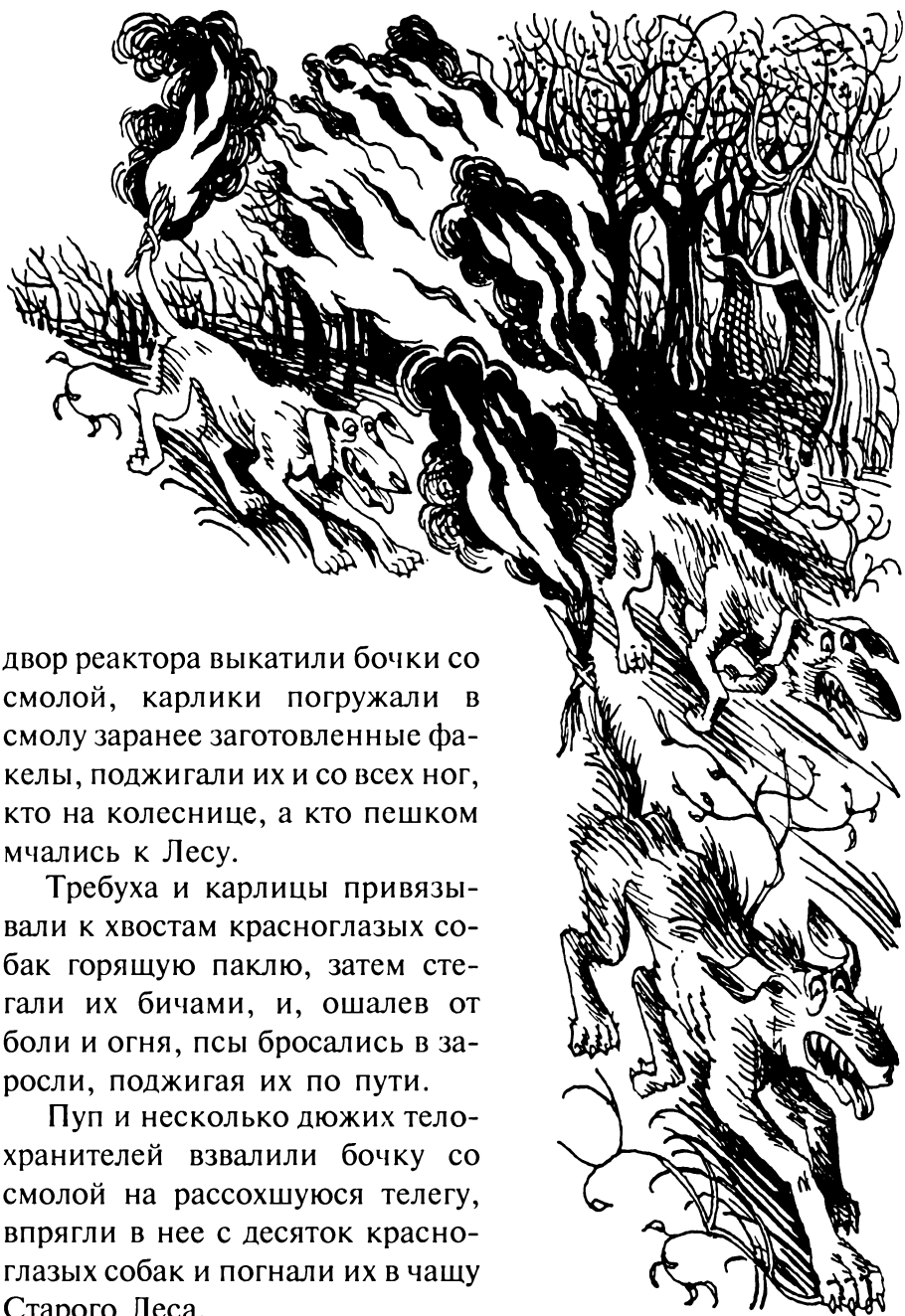
— Да, повелительница.

— Пошли в Лес всех, кто может держать факелы! Пошли карлиц и детей, пошли поваров с кухни и всех телохранителей! Я хочу, чтобы Лес загорелся немедленно! И горел весь, чтобы еще до захода солнца он стал сплошной стеной огня! — кричала Рыжая Карла.

Увидев, что вожди стоят в нерешительности, она затопала ногами и завопила:

— Ну, что замерли, недоумки? Речь идет о нашей жизни, о нашей победе! Пошевеливайтесь, или я прикажу подпалить вам шерсть, и вы сами станете как факелы!

Вожди, очнувшись, выбежали из зала. В коридорах зазвучали отрывистые команды и защелкали плети. Во

двор реактора выкатили бочки со смолой, карлики погружали в смолу заранее заготовленные факелы, поджигали их и со всех ног, кто на колеснице, а кто пешком мчались к Лесу.

Требуха и карлицы привязывали к хвостам красноглазых собак горящую паклю, затем стегали их бичами, и, ошaleв от боли и огня, псы бросались в заросли, поджигая их по пути.

Пуп и несколько дюжих телохранителей взвалили бочку со смолой на разошедшую телегу, впрягли в нее с десяток красноглазых собак и погнали их в чашу Старого Леса.

Ветер переменялся и дул не в сторону Леса, а на реактор, и из-за этого пожар не мог разгореться по-настоящему.

— Быстрее, олухи! — командовала Королева из окна. — Шевелитесь, или мы не успеем!

Рыжая Карла сама схватила несколько горшочков с зажигательной смесью, вскочила на спину Черного Герцога и полетела к Лесу.

Первый горшочек она швырнула в сухие камыши на правом берегу ручья, левый берег выгорел еще раньше, когда его поджег Нытик. Второй и третий горшочки полетели на полянку, где когда-то стоял шалашик лесника.

Трюша, Бубнилка и Мумуня находились неподалеку, они увидели огонь, взметнувшийся из упавшего горшочка, и стали забрасывать его землей.

— Ой, беда-то какая! — запричитала Мумуня. — Сгорит! Все сгорит! Хоть бы дождь пошел, да куда там...

По всему лесу уцелевшие шерстюши и лобастики боролись с пожаром: они вырубали просеки, чтобы огонь не перекидывался на соседние деревья, заливали костры водой из ручья и вступали в схватки с карликами, бросавшими факелы.

Колотя собак кнутом, Пуп и несколько телохранителей Карлы торопились доставить большую бочку со смолой в чашу Странного Леса и поджечь ее там, чтобы пламя охватило весь лес целиком. Но когда они проезжали по деревянному мостику через ручей, одно из колес телеги зацепилось за выбоину в досках.

— Чего застряли! Вперед! — закричал Пуп на собак. — А вы, ослы, подталкивайте сзади! Думаете, я вас с собой взял, чтобы вы на телеге сидели! — орал он на телохранителей.

Но не успели они столкнуть телегу, как подпиленный мост обрушился в ручей. Пуп с телохранителями, телега и упряжка собак оказались в воде. Из-под обрушившегося моста выглянул Хорошист с пилой:

— Купалки-топилки! — крикнул он. — Лучшее средство немного остыть — это мочилки!

И лобастик, засмеявшись, исчез в еловых зарослях, примыкавших к ручью.

Пуп и телохранители, чтобы не утонуть, хватались за бочку со смолой, но она выскальзывала, и они снова оказывались в воде.

— Не смей спастись самим! Я ваш начальник, и вы должны спасать меня! — вопил Пуп, но его никто не слушал, и визжащие телохранители, торопясь выбраться, наступали ему на голову.

Но тут на берегу показался Толстый Грыз с карликами и бросил барахтавшимся в воде веревку.

Кое-как, мокрые и едва живые, они вылезли на берег, а бочка со смолой уплыла по течению в сторону Старого Города, где теперь на его месте возникали многочисленные озера.

Лишившись возможности переправиться по мосту, карлики стали бросать через ручей зажженные факелы и вскоре Лес на другой стороне запылал.

— Пуп, поджигай!

— И так уже горит! Королева будет довольна!

Существует истина — древняя и непреложная — разрушать легче, чем строить, поджигать легче, чем тушить. И вскоре, несмотря на все усилия мутантиков, Странный Лес горел уже в нескольких местах. Нетронутой огнем оставалась только чаша.

Туда, в чашу, напуганные дымом и треском сухих ветвей, сбились все синерогие олени с оленятами, зеленые лисы, желтые зайцы, слетелись птицы. Там же собрались все шерстюши и лобастики из разрушенного поселка на Свалке.

Над чашей, над раскидистыми кронами оранжевых двухсотлетних дубов пронеслась Карла на Черном Герцоге. Что-то крикнув, она швырнула вниз один за другим три горшочка с зажигательной смесью. Два горшочка

удалось сразу потушить, а третий разбился о ствол дуба, и мутантики стали поспешно забрасывать загоревшееся дерево землей и заливать водой из ручья.

Но такой метод тушения мало помогал, и огонь уже начал перекидываться на соседние деревья. Тогда все лобастики, которые были поблизости, схватились за руки и образовали что-то вроде хоровода. Они окружили загоревшийся участок леса и сосредоточились, направив все вместе свои мысленные усилия на устранение пожара. Вначале это не очень помогало, и шерстюши уже хотели бежать к ручью за водой, но тут огонь стал зати-

хоть, потом перешел в дым и вскоре совсем прекратился. Опасность пожара в чаще была устранена.

Рыжая Карла угрожающе закричала, проносясь на Черном Герцоге: «Рано радуетесь! Я еще вернусь, и вы все сгорите заживо!» И, повернув к реактору, полетела за новым запасом зажигательных горшочков.

Дедушка Умник подъехал на скейте к обгоревшему дубу и прикоснулся к его почерневшей коре.

— Если до полуночи не пойдет дождь, то завтра к утру Странного Леса не будет, а вместе с Лесом погибнем и все мы...— сказал он негромко.

— Так что же делать? — воскликнула Мумуня. — Что делать? Неужели мы погибнем так бесславно?

— Зачем же бесславно? — Шерстюш по имени Бублик, у которого на Свалке сгорел дом и он не знал, спаслись ли его жена и двое сынишек, выступил вперед и поднял с земли толстый сук.

— Мы должны атаковать реактор! — крикнул он. — Объявим карликам войну, хватит прятаться по чащам! Атакуем реактор — или победим, или погибнем!

Бублик подозвал красавца синерогого оленя (его лань с олененком недавно попали в капкан и были убиты карликами) и вскочил ему на спину.

— Что вы ждете? Победим или погибнем! — крикнул он еще раз, взмахнул над головой своей палкой и поскакал через дымящийся Лес к реактору.

Все посмотрели на дедушку Умника, и тот кивнул:

— Атаковать реактор — последнее, что нам осталось! Вперед, друзья!

У шерстюш и лобастиков, лесных жителей, неглупых и добрых, была особая внутренняя связь с животными. В минуту всеобщей опасности она усиливалась, и мутантики с животными объединялись вместе.

Хорошист вскочил на другого оленя и поскакал за Бубликом, выставив вперед отбитое у карликов копье. За ним на скейте мчался дедушка Умник.

Лобастики и шерстюши, кто на оленях, кто пешком, устремились к реактору. Туда же бежали лисы, барсуки, рыси, летели орлы и кречеты, все, кто мог сражаться, наступали на ужасную крепость Рыжей Карлы, чтобы отомстить за горящий Лес.

По пути они наткнулись на отряд Толстого Грыза. Карлики стали бросать в животных и мутантиков камни и копьа, ранив и убив многих, но сверху на них уже спикировали орлы и кречеты, лисы хватали их за ноги, олени забивали копытами и поддевали на рога, шерстюши и лобастики обливали врагов водой и вырывали у них оружие.

Карлики сражались с присущей им жестокостью, они размахивали булавами и кололи копьями. Но противник не отступал, на место упавшего зверя или мутантика тотчас вставал новый. Шерстюши становились невидимыми, а когда противник скрыт, его не так легко убить. Лоба-

стики телепатически нагнетали у карликов чувство страха и неуверенности. Сама жизнь сражалась против смерти.

Не ожидавшие такого отчаянного натиска, привыкшие к легким победам, карлики не выдержали и побежали. Толстый Грыз и начальник телохранителей Пуп превратились в камни и поспешно откатились с дороги наступавших мутантиков.

— Кажется, удача поворачивается к нам спиной! — сказал один камень другому голосом Грыза. — Королева будет в ярости.

— В ярости это еще легко сказано... Она будет в гневе, в бе-

шенстве, в неистовстве, будет рвать и метать...— вздохнул другой камень.

Возможно, карлики смогли бы отразить наступление на реактор, если бы ожидали нападения. Но Рыжая Карла сама отослала всех подданных в Лес с факелами, даже карлиц и поварят, так что реактор в этот час охраняли несколько старых инвалидов и Грымза, которая никуда не пошла, оберегая запертую в кладовке бочку с сокровищем.

Рыжая Карла на Черном Герцоге пролетала над равниной, возвращаясь к дымящемуся Лесу. Только что она побывала в реакторе и погрузила на спину летучей мыши бочонок с порохом. Она подожгла длинный фитиль и теперь думала, успеет ли рассчитать время полета к чаще так, чтобы бочонок не взорвался до этого времени.

Трудно даже представить себе ее изумление, когда вдруг на равнине из Леса появилось около двух сотен лобастиков и шерстюш, сопротивление которых Королева считала уже сломленным. Большинство из них были безоружны, и только в руках немногих блестили копья и булавы, отбитые у реакторных карликов.

Рядом с ними и впереди мчались синерогие олени, лисы, волки, барсуки, рыси и другие лесные звери. Из ворот реактора им навстречу выскочили красноглазые псы, но сверху на них набросились орлы, впиваясь когтями им в спины, олени распарывали их рогами, а волки перегрызали глотки.

Рыжая Карла видела, что сопротивление защитников реактора будет вот-вот сломлено, и пожалела, что отравила всех карликов в Лес.

— Убей их, Герцог! Убей их всех! — в гнев закричала она, следя за тем, на сколько прогорел фитиль у пороховой бочки.

Черный Герцог, расвирепевший при виде такого обилия добычи, сложил огромные крылья и спикировал к земле. Но навстречу ему устремились крупные орлы, кор-

шуны и ястребы. После непродолжительного сражения им удалось оттеснить чудовище, оно поднялось выше. Ястребы и орлы создали над землей плотный заслон, и Черный Герцог не мог пробиться к шерстюшам и лобастикам, чтобы сомкнуть на них свои страшные челюсти.

Обнаружив, что фитиль у бочки с порохом почти полностью прогорел, Рыжая Карла привстала на стременах и метнула бочку в самую гущу шерстюш и лобастиков. Но так как Черный Герцог был в этот момент слишком высоко, да еще пытался освободиться от вцепившегося ему в морду орла, Карла не смогла как следует прицелиться и бочка взорвалась вдалеке, взметнув вверх столб земли и песка.

Лобастики и шерстюши приготовились к тяжелой схватке и были удивлены, когда, ворвавшись в реактор, застали там только нескольких инвалидов и Грымзу, безутешно рыдавшую над пустой бочкой, которую она только что открыла и обнаружила в ней вместо клада двух перепуганных оболтусов-поварят.

Пока шерстюши и лобастики пытались понять, куда подевались карлики и как мутантикам удалось захватить реактор так легко, из дымящегося Леса показались объединенные отряды Собачьего Хвоста и Бешеного Блюда, к которым примкнули телохранители Карлы и остатки разбитого войска Толстого Грыза.

Тут только отважные мутантики, скопившиеся во дворе, сообразили, что угодили в ловушку. То, что казалось победой, обернулось поражением.

Карлики окружили реактор плотным кольцом, и сбившиеся в тесноте шерстюши и лобастики могли стать легкой добычей для их копий и метательных камней. Но в этот момент Хорошист и дедушка Умник вовремя кинулись к механизму, опускавшему решетку на воротах, и сняли закрепительные блоки. Ржавая цепь начала разматываться, и массивная решетка с лязгом опустилась перед носом у наступающих врагов.

— Вперед, в атаку! Сколачивайте лестницы! — закричал Бешеный Блюм и, зацепив кнутом один из выступов, полез на стену.

Шерстюши и лобастики, видя, что карлики числом превосходят их почти в десять раз, бросились отражать нападение.

Бешеный Блюм, который лез первым, был почти уже на стене реактора, когда один из шерстюш перерезал кнут, и старый вождь, как тук с мукой, свалился вниз.

— Не сломал себе шею? Ничего, в другой раз сломаешь! — поддел его Собачий Хвост. Он вскинул подводное ружье с гарпунной стрелой, и один из защитников крепости с вонзившейся в горло стрелой упал со стены.

Хвост свирепо ухмыльнулся и стал не торопясь заряжать новую стрелу. Но тут сверху его окатили ведром воды, и, выронив ружье, карлик с визгом стал кататься по земле.

— Жаль, что не кипятком, — удовлетворенно пробормотал Бешеный Блюм, уворачиваясь от сброшенного на него бревна.

Карлики подставляли к стене реактора длинные, грубо сколоченные лестницы. Осажденные отталкивали их рогатинами, сбрасывали на врагов бревна, швыряли камни и лили воду. Все для отражения штурма было заранее заготовлено по приказу самой же Королевы, опасавшейся измены со стороны соседних неизвестных племен или мятежных вождей. Только теперь оружие было направлено против самих же карликов.

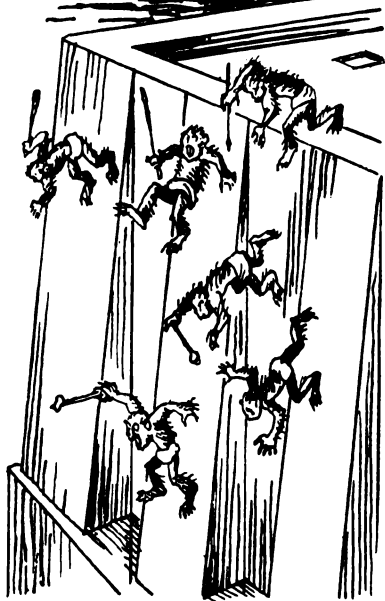
Одна за другой группы атакующих разбивались, падая со стены реактора, но и число мутантиков редело. Они гибли от камней, копий и стрел подводных ружей. Ворота еще держались, но кое-где на стенах уже кипела схватка.

— Бросайте в атаку все резервы! А потом живо в Лес! Он должен сгореть дотла, слышите, весь до последней елки! — кричала Рыжая Карла, проносясь над реактором на Черном Герцоге, который вел воздушный бой с орлами.

Сражение с переменным успехом продолжалось до заката. Один раз карликам удалось прорвать оборону шерстюш и лобастиков, и, казалось, все уже потеряно, но Умник нашел выход. Он мысленно создал огромное призрачное чудовище, нечто среднее между сфинксом и кентавром, с головой льва и телом лошади, и карлики, забравшиеся было на стену, с криком стали прыгать вниз. Собачий Хвост выпустил в чудовище одну за другой три стрелы, все они попали в цель, но не только не причинили ему никакого вреда, а прошли насквозь него, как через облако.

— Что за напасть! — пробормотал Хвост, в гневе бросая ружье на землю.

Бешеный Блюм усмехнулся. Он уже давно догадался, что это новое страшилище такого же призрачного происхождения, как и то, с которым он расправился раньше, и старый вождь решил без особого труда вторично подтвердить свой авторитет героя. Но ему помешали.

— Дешевые фокусы! — пробормотала Карла, сама смыслившая кое-что в магии. — Ну-ка, Герцог, давай ему покажем!

Она подлетела ближе и высыпала на чудовище сверху горсть земли. И в то же мгновение оно рассыпалось, как замок из песка, смытый волной, не оставив после себя и следа. Карлики громкими криками приветствовали победу своей Королевы.

Собачий Хвост проницательно посмотрел на Блюма и спросил:

— Слушай, а *то прошлое* чудовище было настоящим? Или таким же, как это?

— Чего ты там бормочешь? А ну, олухи, пошевеливайтесь!

Блюм сделал вид, что не расслышал, и заорал на своих солдат, чтобы они поторапливались, а не стояли под стенами, как сонные мухи.

Теперь, когда число защитников крепости значительно уменьшилось, а их последняя надежда — иллюзорный кентавр с головой льва — растаяла как дым, карлики бросились на решающий штурм.

Мумуня, Трюша и Бубнилка стояли на стене под каменным навесом, куда до них не долетали копья и метательные снаряды, и смотрели на красное предзакатное солнце. Со стороны Странного Леса поднимался густой черный дым, а снизу у стены раздавались крики карликов и удары камней.

— Главное, продержаться до полуночи.— Дедушка Умник только на мгновение показался между зубцами стены, и тотчас возле его уха пролетело копьё.

— Думаю, женщинам и детям лучше будет укрыться в реакторе! На стене сейчас будет жарко! — добавил он.

Глава восемнадцатая ПОЛНОЛУНИЕ

Победы и поражения — лишь
ставки в игре, имя которой жизнь.

Карла I, Рыжая

Спрыгнув со спины Черного Герцога, Пупырь, Бормоглотик и Отелло выбрались из запруды на берег и, убедившись, что опал не потерян, скрылись в густых зарослях камыша на левой стороне ручья. Получасом позже этим камышам суждено было сгореть, но пока они надежно укрывали беглецов от погони. Всего в нескольких метрах от спрятавшихся мутантиков пробежали карлики из отряда Бешеного Блюма, но они никого не заметили.

— Нужно пробираться к мосту. Там я оставил «Отважного Первопроходца». Мы поставим парус и доберемся до того места, где спрятали Магический Кристалл,— сказал Бормоглотик.

Держась зарослей и стараясь не отходить далеко от ручья (там они были в относительной безопасности из-за извечного панического страха карликов перед водой), мутантики дошли до разрушенного моста, где под низко нависающими сваями Бормоглотик прятал свою лодку.

— Это и есть твой «Отважный Первопроходец»? — спросил Отелло.

— А что, не похож? — обиделся юноша.

— Смотря на что. По-моему, он больше смахивает на корыто,— осторожно сказал Пупырь.

— Это только внешнее сходство,— возразил кошачий мутантик.— У этого корыта душа большого корабля.

Но как бы там ни было, другого плавательного средства у них все равно не имелось. Пупырь, Бормоглотик и Отелло забрались на «Отважного Первопроходца», который под их тяжестью едва не зачерпнул воды. Они спустились вниз по течению до места, где на въезде в Старый Город ручей преграждали вбитые в песок сваи. Здесь мутантики оставили свой корабль, который позднее и нашли посланные в погоню карлики.

Обогнув реактор стороной, Пупырь, Бормоглотик и Отелло перешли через рельсы и вскоре уже были на том месте, где спрятали Кристалл.

— Вот оно! — сказал Пупырь, показывая на большую кучу сухих листьев под кустом.— Здесь я зарыл Магический Камень! Давай, Бормоглотик, достань его!

— Надеюсь, он еще не пустил корни.— Мутантик смел сухие листья и стал разгребать мягкую землю.

— Пупырь! — взволнованно сказал он через некоторое время.— Камня здесь нет.

— Как «нет»? — не поверил шерстюш.— Может, ты его неглубоко ищешь?

— Я и так вырыл уже целый котлован.

— Действительно, я не закапывал его так глубоко...— согласился Пупырь после того, как еще несколько минут они безуспешно искали Камень.— Все эти кучи листьев такие одинаковые... Вы же тоже были со мной, когда я его прятал? Неужели не запомнили место?

— Мы думали, ты запомнишь. О, крах иллюзий! — воскликнул Отелло.— Если мы не найдем Камня до полуночи, то Зло победит! Какую шутку оно с нами сыграло!

Пупырь огляделся.

— Спокойно... Только без паники. Я, наверное, спрятал Кристалл вон в той куче... Они очень похожи, вот я и перепутал.

Шерстюш стал разгребать соседнюю кучу листьев, но и там ничего не оказалось. Магический Кристалл растаял как дым. Мутантики бросались от одной кучи листьев к другой, но поиски ничего не дали — на равнине и в густом кустарнике нет четких ориентиров. Спрятать здесь легко, а найти практически невозможно.

Постепенно наползал вечер. Неожиданно Бормоглотик поднял голову и увидел, что над Станным Лесом поднимается густой дым.

— Лес горит! — крикнул он.

— Ерунда, — сказал Отелло, не глядя в ту сторону. — Лес не может гореть. Это, наверное, Старый Город дымит.

— Нет, это Станный Лес! Там пожар! Карлики подожгли его!

Убедившись, что Лес и в самом деле горит, да еще со всех четырех сторон, мутантики впали в отчаяние. Первым их желанием было немедленно бежать туда, где были Трюша с Мумуней и Бубнилка. Но едва ли это что-то бы дало, да и найти родных в огромном горящем лесу тоже было непросто.

— Хорошист и Умник о них позаботятся, — глухо сказал Пупыр. — Это по моей вине мы не можем найти камень, я теперь себе этого никогда не прощу.

Со стороны реактора доносились странные звуки — удары, крики, а над реактором кружили стаи птиц — похоже, там шел бой. Только кого с кем, было непонятно. Но когда рядом с обломком копья в боку, пытаясь его вытащить, пробежала раненая рысь, а Бормоглотик влез на высокое дерево и заметил у стен реактора осадившие его толпы карликов, мутантики догадались, что отчаявшимся лесным жителям — лобастикам и шерстюшам — удалось каким-то чудом захватить реактор, а карлики теперь стараются перебить их и вновь отвоевать свою радиоактивную цитадель.

Пока Пупырь и Отелло, волнуясь, искали Магический Кристалл, Бормоглотик, обладавший острым зрением, докладывал им о ходе сражения.

— Карлики тащат огромную лестницу. Им удалось подняться на стены... Идет бой... Только бы Мумуни и Трюши не было сейчас в крепости!

— Ну, что там? Бормоглот, чего ты замолчал? — взволнованно спросил Отелло.

В поисках Кристалла он уже не первый час копал землю тупым кинжалом, но усталые руки несколько раз роняли его.

— Бой все еще идет! Карлики одерживают верх... Их все больше и больше, они забираются по лестницам, пытаются открыть ворота... А теперь ничего не пойму, они сами прыгают со стен, визжат, убегают... Ага, появилось какое-то огромное чудовище с головой, как у льва, оно рычит и перепрыгивает через стену... Гонится за карликами... Откуда оно взялось?

— Это фантом. Наверняка, Умник там в крепости, — облегченно засмеялся Отелло. — А что происходит сейчас? Карлики все еще убегают?

— Нет, они остановились и окружают чудовище... Карла пронеслась над ним на Черном Герцоге, и чудовище рассыпалось... Карлики снова бегут к крепости...

— Неужели догадалась посыпать землей? Вот незадача! — И лобастик, вытерев со лба пот, снова стал раскапывать землю.

К десяти часам вечера, когда луна только-только начала выкатываться из-за леса, Магический Камень все еще не был найден. Казалось, судьба отвернулась от мутантиков, решив сыграть с ними последнюю шутку. Теперь, когда сгустились сумерки, шансов отыскать Кристалл становилось все меньше. Пупырь ругал себя за беспамятство.

— Если мы пропустим полночь, — сказал он, — то власть Зла сохранится и в следующем году, Лес сгорит,

а шерстюши и лобастики будут уничтожены... Я, и только я во всем виноват! Дайте мне пепел, чтобы я посыпал им свою глупую голову.

А Странный Лес продолжал пылать, весь ельник у ручья уже выгорел, и пламя добралось почти до чащи.

Тем временем Бешеному Блюму и Собачьему Хвосту, несмотря на сопротивление защитников крепости, удалось перебраться через стену и открыть ворота. Поток карликов хлынул во двор и запрудил его.

Уцелевшие защитники, среди которых были Мумуня с Трюшей, Хорошист и дедушка Умник, укрылись в реакторе и успели захлопнуть за собой железные двери. Они сидели в замкнутом пространстве и ждали, пока рухнет последняя дверь, ворвутся враги и последует неминуемая и беспощадная расправа, после которой их тела будут храниться в бочках с химической солью.

— Мы почти у цели! Еще один рывок, и их не спасет даже добрая магия! — закричала Рыжая Карла. Она спрыгнула со спины Черного Герцога и сама руководила штурмом.

Осознавая, что Мумуня и все остальные вот-вот погибнут, Трюша решила на отчаянный, но единственно верный поступок. Она схватила кусок стекла, который в сумерках можно было принять за Магический Кристалл, спустилась по веревке из окна тронного зала, выбежала на середину двора реактора и крикнула:

— Карла! Рыжая Королева, где ты? Волшебный Камень у меня! Попробуй, получи его!

Сама Трюша стала невидимой, но при свете восходящей луны поднятый ею над головой осколок стекла ярко отсвечивал, так что казалось, будто он сам по себе висит в воздухе. Девушка бросилась бежать в сторону Старого Города, и светящийся осколок очерчивал в воздухе неровные линии.

— Ловите ее! Ловите! У нее Кристалл! — закричала Рыжая Карла, подбежала к Черному Герцогу и вскочила на его спину.

Реакторные карлики бросились за беглянкой, но угнаться за невидимкой не так просто. Жлоб и Чавкало кинули несколько камней в ту сторону, откуда раздался голос Трюши. В нее они не попали, но зато один из них ударил по лбу Чпока.

— Все на одного! Оборзели? — завопил карлик и, вращая над головой булаву, бросился на обидчиков.

Во дворе реактора возникла свалка, в которой приняли участие не только Чпок, Жлоб, Чавкало, Оболдуй, Цыкающий Зуб, Нытик и Кука, но еще с полсотни совершенно незнакомых карликов. В результате погоню за Трюшей продолжили только Королева, Пуп, Требуха, Бешеный Блюм и Собачий Хвост.

Рыжая Карла несколько раз направляла Черного Герцога вниз, чтобы он схватил когтями девушку, но Герцог не понимал, чего от него хотят, и всякий раз промахивался, потому что он не видел самой Трюши, внизу только сверкал в лунном свете осколок стекла.

Петляя между гейзерами, Трюша перебралась через границу и побежала в сторону Старого Города или, в любом случае, в сторону того, что осталось от него.

Пуп и Требуха, не обладавшие достаточной отвагой, не рискнули переступить через рельсы, и погоню продолжили только Рыжая Карла на Черном Герцoge и Бешеный Блюм с Собачьим Хвостом.

Чувствуя, что ее невидимость уже заканчивается, девушка нырнула в густые заросли краснотала, и кусты зашевелились. Собачий Хвост выстрелил наугад из подводного ружья, и стрела пролетела где-то совсем близко от беглянки.

Сообразив, что промахнулся, Хвост с досадой швырнул ставшее бесполезным ружье и бросился в заросли вслед за Бешеным Блюмом.

— Что-то ты расшвырялся ружьями... Неприятно быть неудачником? — усмехнулся на бегу тот.

Пупырь, Бормоглотик и Отелло постепенно продвигались в сторону реактора, методично перерывая все листовые кучи и землю под ними. Каждый раз им казалось, что они вспомнили место, куда спрятали Магический Кристалл, но поиски оказывались ложными.

Время приближалось к полуночи, и луна поднялась уже почти на середину неба. Еще немного, и произойдет соединение, и волшебные свойства Камней, которые должны были служить Добру, снова окажутся у Зла.

— Слышите, сюда кто-то бежит! — вдруг прошептал Отелло.

Не успели мутантики затаиться, как кусты рядом с ними раздвинулись и из них выскочила Трюша. Вначале она испуганно отшатнулась, не разглядев в темноте, а потом бросилась к ним.

— Папа! Бормоглотик! Неужели я вас нашла? — воскликнула она радостно и повисла вначале на шее отца, а потом на шее жениха, хотя тому, разумеется, хотелось, чтобы все было наоборот.

— Как ты здесь оказалась? — спросил Бормоглотик, когда наконец настала его очередь обнять невесту.

— За мной гнались карлики, а сейчас они, наверное, отстали... Я хотела увести их от реактора. Там заперлись мама и все наши... Карлики подожгли Лес, вы уже знаете? Какой ужас!

Пупырь закрыл лицо выпачканными в земле ладонями.

— Если все погибнут, то только из-за меня. Я спрятал Кристалл под листьями и забыл где. Вот-вот наступит полночь, а у нас нет второго Камня.

— Постой,— озадаченно спросила Трюша.— А опал у вас есть? Вам удалось достать его?

— Вот! — Он протянул дочке Лунный Камень.— Мы отбили его у Королевы, рисковали жизнью, Магический Камень, который и так был у нас, спрятали, и так по-идиотски все получилось!

— Не волнуйся,— сказала Трюша.— По-моему, еще не все потеряно.

— А по-моему, все. Полночь уже почти наступила.— И Пупырь показал на луну, которая уже докатилась до середины небосклона. Луна была совершенно полной, и, только если очень-очень приглядеться, можно было заметить на ней одну узенькую затененную полоску не толще волоска.

Трюша, сжимавшая опал в ладони, вдруг почувствовала, что Лунный Камень стал как бы нагреваться, становясь то обжигающим, то холодным. Это температурное колебание имело свой ритм, который усиливался или ослабевал в зависимости от того, в какую сторону Трюша делала шаг. Это напоминало игру «холодно-горячо», и девушка догадалась, что Камень помогает ей искать свой двойник, становясь теплее при приближении к нему и холоднее при удалении.

Трюша начала ходить кругами по полянке, пока наконец у одного из кустов опал не раскалился настолько, что она едва могла держать его в руках и перебрасывала из ладони в ладонь, как печеную картошку.

— А здесь вы искали? — спросила она.— Бормоглотик, иди сюда! Поищи под этим кустом!

Тот подошел и присел рядом на корточки.

— Здесь его не может быть,— сказал он.— Там, где Пупырь его прятал, была куча листьев, мы сами их нагребли, а здесь листьев нет.

— Но сегодня днем был сильный ветер! Листья могло запросто сдуть! Ищи, Бормоглот, не спорь!

— Как хочешь!

Он взял у Отелло кинжал и несколько раз копнул. Лезвие ударилось о что-то твердое, мутантик решил, что это корень, но тут из земли выскочил яркий радужный луч. Бормоглотик осторожно счистил ладонью землю и увидел Кристалл.

— Какие мы были дураки! Мы не догадались про ветер и листья! — И кошачий мутантик хлопнул себя по лбу.

Заросли краснотала раздвинулись, и из них выскочили Бешеный Блюм с Собачьим Хвостом. Почти в это мгновение, заслонив свет луны, воздух прорезали удары мощных крыльев, и со спины Черного Герцога на полянку соскочила Рыжая Карла.

— Вот они, голубчики! Думали уйти! Прикончи их, Блюм, и принеси мне Камни...— приказала Королева вождю.

Бешеный Блюм прыгнул к Трюше, но под ноги ему бросился Пупырь, и между ними завязалась неравная схватка: неуклюжий, толстенький Пупырь и широкоплечий приземистый карлик, вооруженный копьем и кинжалом. Шерстюша спасли только сумрак и неожиданность натиска. Он сумел уклониться от удара и схватить занесенную руку с кинжалом.

— Напрасные старания. Все равно ты сейчас умрешь,— пробормотал Блюм, и, несмотря на сопротивление, лезвие кинжала, подрагивая, стало приближаться к горлу Пупыря. Он напряг все силы, но карлик был намного мощнее.

Все, что происходило дальше, можно описывать только, как замедленное кино, потому что бывают моменты, когда слова не успевают за событиями.

Отелло бросился сзади на Собачьего Хвоста, уже поднявшего копьё, чтобы пронзить Бормоглотика, и оба они покатались по земле. Хвост подмял под себя лобастика и стиснул двумя руками его горло.

— Вдохни последний раз и простись со мной. Больше ты меня не увидишь, во всяком случае на этом свете,— заявил он, и его сильные руки стали сжиматься. Отелло захрипел, задыхаясь.

— Трюша! Дай мне Камень! — крикнул Бормоглотик.

— Нет, я сама!

Девушка наклонилась и схватила левой рукой ослепительно сиявший Магический Кристалл. Он сверкал так ярко, что смотреть на него было так же невозможно, как на прямые лучи полуденного солнца. В правой ладони у Трюши уже был зажат обжигающе раскалившийся опал,

так что ей казалось, что она держит кусок вынутого из огня железа.

Теперь, когда оба Камня были у нее, они мелко завибрировали, притягиваясь друг к другу, и девушка почувствовала, что внутри у нее происходит сближение двух сил — света и тепла.

Но никаких чудес пока не произошло, хотя луна стала уже совсем полной и наступил тот короткий миг выбора между Злом и Добром, о котором рассказывала легенда о двух Камнях. Между Кристаллами возникло что-то вроде мерцающей многоцветной радуги, к Камням протянулись лучи луны, и между ними и ночным светилом образовался пульсирующий золотисто-серебряный треугольник, в свете которого Трюша, замершая с вытянутыми вперед руками, казалась скульптурой из драгоценного металла.

— Отдай мне Камни! Они должны быть моими! Герцог, разорви ее, или будет поздно! — Рыжая Карла с перекосившимся от ненависти и страха лицом бросилась к девушке.

Бормоглотик загородил невесту, но Герцог отбросил его ударом кожистого крыла.

— Дождь! — крикнула Трюша. — Пусть начнется дождь! Я хочу, чтобы пошел дождь!

— Как бы не так! Полнолуние еще не наступило, и Камни не обрели силу! Ты поторопилась, малышка! — И Королева хотела схватить девушку и вырвать у нее камни.

Трюша, увидев желтые, горящие ненавистью глаза Карлы совсем близко и услышав ее прерывистое дыхание, отскочила.

Карла стала выдергивать из ножен застрявший в них кинжал, а справа над ней навис Черный Герцог с распахнутыми крыльями.

«Мое желание не сбылось! — мелькнуло в голове у Трюши. — Все наши старания были напрасными».

Но что происходит? Полный диск луны вдруг скрылся, затянувшись сплошными грозовыми тучами. В воздухе возникло то абсолютно неподвижное безветрие, которое бывает только перед ливнем.

Заметив, что резко потемнело, Рыжая Карла подняла голову к небу, все поняла и завизжала. Ее визг слился с нарастающим шумом дождя, который обрушился на землю с колоссальной мощью. Ливень был таким сплошным, что струи воды уже в воздухе сплетались в непрерывные нити.

Бешеный Блюм зарычал, выронил кинжал и, закрыв голову ру-

ками, словно с неба на него лился кипяток, бросился под защиту кустарника, но непрерывный дождь настиг его и там. Карлика охватил слепой ужас, ему хотелось только одного — очутиться там, где наконец будет сухо, забиться туда и кататься по полу, чтобы обсохнуть и забыть обо всем. Но едва ли где-нибудь, кроме развалин реактора, теперь можно найти такое место.

Руки Собачьего Хвоста разжались, и, забыв об Отелло, он бросился к своей повелительнице.

— О-э! Ненавижу воду! Я спасу вас, Королева, закрою от дождя! Я превращусь ради вас в зонтик! — крикнул он.

— Отстань! Без тебя спасусь!

Рыжая Карла, с которой дождь как бы смывал черты лица, метнулась под кожистые крылья Черного Герцога, обхватила его снизу руками за шею и крикнула что-то на языке летучих мышей. Собачий Хвост прыгнул на седло и ухватился за луку. Черный Герцог понял и поднялся в воздух, унося Королеву к реактору.

— Клянусь Злом, вы еще обо мне услышите! — успела крикнуть злая Карла, и они скрылись в сплошной пелене дождя.

Дождь лил всю ночь. Рассохшаяся земля жадно впитывала влагу. Мелкий, почти пересохший ручей вышел из берегов и запрудил долину, превратившись почти в глубоководную реку. Из земли прямо на глазах пробивалась трава, а облетевшие от засухи деревья покрывались свежей листвой какого-то нового, очень яркого зеленого цвета.

— Странный Лес спасен! — крикнул Отелло.— Огонь не сможет пережить такого ливня.

Под дождем они побежали к реактору, опасаясь за своих близких. Но беспокойство было напрасным.

Они встретили Мумуню, Умника, Хорошиста уже на полпути к крепости врагов. Оказалось, что как только начался дождь, карлики обезумели от ужаса и стали забиваться в норы под фундаментом, а те, кто не мог спрятаться, превращались в камни. Двор реактора вмиг опустел, и мутантики смогли беспрепятственно покинуть его, целые и невредимые.

— Ну как ты, Мумуня? — встревоженно спросил Пупыр у жены.

— Да вроде жива, — сказала она с некоторым сомнением.

— Тогда как насчет того, чтобы устроить свадьбу прямо сейчас? Тем более что и так все друзья здесь собрались,— заявил Пупырь и взял Бормоглотика и Трюшу под руки.

— Ты с ума сошел? Дождь ведь! — крикнула сквозь ливень Мумуня.

— А по-моему, это пустяки. Дождь свадьбе не помеха,— упрямо настаивал Пупырь.

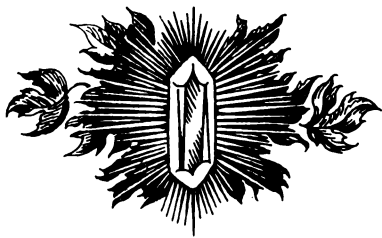
И хотя далеко не все из насквозь промокших шерстюш и лобастиков были с ним согласны, спорить никто не стал.

— Да здравствует свадебный дождь! Примите мои воображаемые цветы! — закричал Хорошист и с хохотом протянул Мумуне и Пупырю Бубнилку.

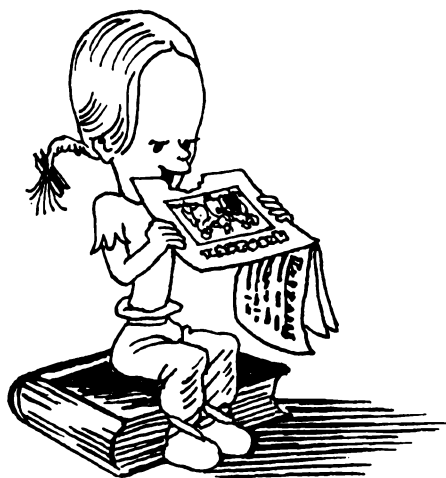
— Отгадали мой ребус? Дети — цветы жизни,— пояснил он.

Бормоглотик обнял Трюшу. Ее мягкий грушевидный нос смущенно засветился. А дождь все шел...

— Начинается новое время...— сказал молодожен.— Совсем новое. Не знаю, каким оно будет, но очень надеюсь, что счастливым.

Оглавление

- Глава первая.* Завтрак на синей траве 5
Глава вторая. Реакторные карлики 13
Глава третья. Лобастики 22
Глава четвертая. Рыжая Карла 26
Глава пятая. Пупырь и Мумуня 34
Глава шестая. Осада библиотеки 54
Глава седьмая. Старый Город 70
Глава восьмая. Магический Кристалл 93
Глава девятая. Преследование 116
Глава десятая. Следствие ошибки 125
Глава одиннадцатая. Тайна Старого Города 140
Глава двенадцатая. Черный Герцог 158
Глава тринадцатая. Он 171
Глава четырнадцатая. Ночь перед полнолунием 187
Глава пятнадцатая. Последние часы Старого Города 200
Глава шестнадцатая. Лунный Камень 215
Глава семнадцатая. Лес горит 237
Глава восемнадцатая. Полнолуние 251

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

*125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА*

Емец Д. А.

Е 60   **Мутантики: Сказочная повесть / Худож. Алексеев В. Г.— М.:
АРМАДА, 1998.— 265 с.: ил.— (Замок чудес).**

ISBN 5-7632-0733-5

В своей новой фантастической повести московский писатель Д. Емец рассказывает увлекательную историю о приключениях шерстюш и лобастиков — добрых мутантиков, населяющих Странный Лес после Большого Взрыва, и их борьбе с кровожадными реакторными карликами.

**УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445я5**

Замок чудес

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕМЕЦ
МУТАНТИКИ
Сказочная повесть

Ответственный редактор
Е. П. Карезина

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
А. А. Ершова

Компьютерная верстка
П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93.
Формат 60х90¹/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,69. Изд. № 2142.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2321.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

ЗАМОК
ЧУДЕС

**Всем, кто любит сказки и
фантастические истории!**

★ ★ ★ **ПРЕДЛАГАЕМ** ★ ★ ★
★ ★ ★ участвовать в конкурсе ★ ★ ★
КРОССВОРДОВ

«Замок чудес»

**приглашает всех желающих принять участие
в увлекательном конкурсе!**

Первые из вас, кто разгадает кроссворд и пришлет правильные ответы, получают призы от «Замка чудес» — книги с автографами писателей. Разгадывая кроссворд, вы вновь встретитесь с персонажами книги Дмитрия Емца «Мутантики», а также с хорошо известными и любимыми героями произведений отечественных и зарубежных авторов.

Присылайте в редакцию также свои рисунки и кроссворды, составленные по книгам серии «Замок чудес». Авторы лучших из них также ждут призы. Кроме того, наиболее интересные кроссворды будут опубликованы в следующих книгах серии.

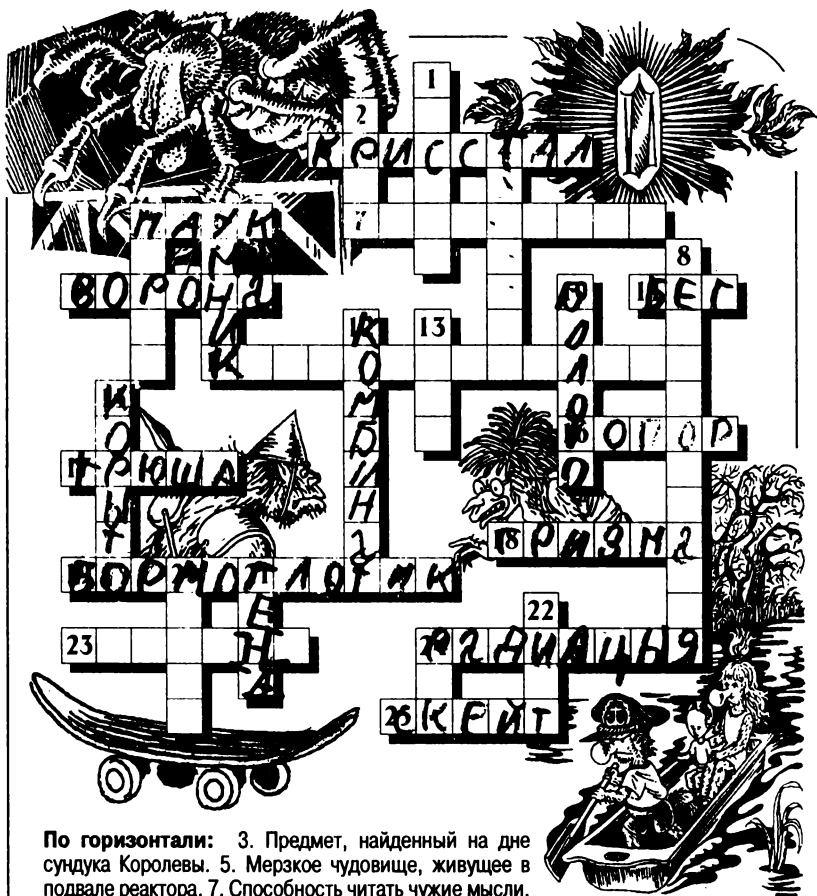
Ребята!

**Очень просим вас не портить
книгу и отправлять свои ответы
на отдельных листах.
Читатели, приславшие страницы,
вырванные из книги, не будут
... участвовать в конкурсе!**

Мы ждем ваших писем по адресу:
125499, Москва,
Кронштадтский бул., д.37б,
издательство АРМАДА,
с пометкой «Кроссворд»

По горизонтали: 3. Предмет, найденный на дне сундука Королевы. 5. Мерзкое чудовище, живущее в подвале реактора. 7. Способность читать чужие мысли. 9. Птица-посланец. 11. Самый распространенный способ передвижения карликов. 14. Дом для книг. 16. Орудие Дровосека, из которого можно сварить кашу. 17. Имя дочки мутантиков. 18. Имя учительницы карликов. 19. Друг Трюши. 23. Средство передвижения по железной дороге. 24. Что поддерживает нормальную жизнедеятельность реакторных карликов? 25. Любимая «каталка» Умника.

По вертикали: 1. То, из чего должны быть сделаны берега, если в реке течет молоко. 2. Скуповатый кандидат в женихи для Дюймовочки. 4. Любимое лакомство шерстшостей. 5. Знаменитый сказочник, автор «Золушки», «Кота в сапогах», «Спящей красавицы». 6. Лобастик, способный создавать призраков и фантомов. 8. Перемещение предметов на расстоянии. 10. Место жительства Бормоглотика. 12. Что находилось много лет назад на месте Квакающего Болотца? 13. Что украшает мужчину? 15. Плавающее судно Бормоглотика. 20. Место, в котором собрано все самое старое и ценное. 21. Имя самого лучшего в мире крокодила. 22. Деликатес для Отелло. 24. Герой известной басни, который «пятится».

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Андрей Саломатов**СУМАСШЕДШАЯ
ДЕРЕВНЯ***Фантастическая повесть*

Юные читатели конечно же помнят увлекательные приключения, героями которых стали мальчик Алеша, робот Цицерон и симпатичный инопланетянин Фуго («Цицерон – гроза тимиуков», «Цицерон и боги Зеленой планеты»). А совсем недавно с Алешей и Фуго во время их отдыха под Москвой случилась еще одна необыкновенная история.

Как известно, мимикр Фуго может принимать форму любого предмета. Так вот, целую неделю вместе со своей тетушкой Дариндой он дурачит жителей деревни Игнатьево. Фуго предстает перед ними то в виде говорящей козы, то

становится телевизором, то половинкой взрослого человека. В конце концов в деревню приехали целых три машины «скорой помощи» и одновременно – три машины переодетых милиционеров.

Первые собирают «сошедших с ума», вторые ловят загадочных гипнотизеров – Фуго и Даринду.

Чем же в итоге все заканчивается? Об этом можно узнать, прочитав новую книгу Андрея Саломатова.

Ежемесячный иллюстрированный журнал
для мальчиков и девочек

МИША

“Миша” – веселый, увлекательный и познавательный журнал для ребят, которые любят приключения, комиксы, сказки, рассказы, загадки, кроссворды, головоломки, игры, поделки, шутки, анекдоты и многое другое.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях с любого месяца.

Подписной индекс:
72847 – на полугодие, **72377** – на год.

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	35-63-34
КАЛУГА:	"Азлита"	(08422)	4-42-45
ЛЮБЕРЦЫ:	"Фома"	(095)	963-82-24
МИНСК:	магазин "Книгочей"	(0172)	36-66-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	755-91-66
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
	"БИМ+"	(812)	262-44-87
БЛАГОВЕЩЕНСК	"Центрпол"	(4162)	42-62-71
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Теп-книга"	(3832)	39-63-63
ОМСК:	"Инком-сервис"	(3812)	23-99-92
ПЕРМЬ:	"Азбука"	(3422)	64-12-26
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632)	32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"РИФ-2"	(3512)	61-25-80

«КНИГА – ПОЧТОЙ»

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу: **125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37 б, издательство АРМАДА, с пометкой «Книга – почтой» на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

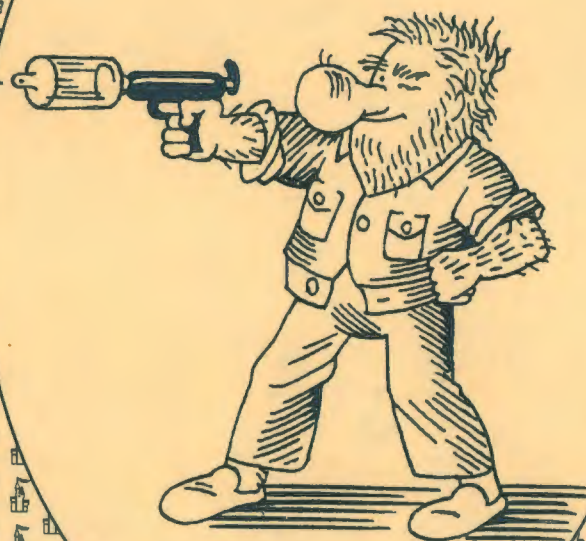
Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

ул. Красная Пресня, д. 14, магазин «Пресня»	тел. 252-28-65
Дмитровское ш., д.25, библиотека №84	тел. 976-75-09
проспект Мира, д.41, строение 1, помещение Художественного салона	тел. 280-24-06

ЗАМОК
ЧУДЕС

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ISBN 5-7632-0733-5

9 785763 207330